

Федеральное агентство
научных организаций

Российская
академия наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

*Материалы научно-практической интернет-конференции
(г. Вологда, 14–18 марта 2016 г.)*

Вологда
2016

УДК 316.1 + 316.43
ББК 60.524 60.59
Г52

Публикуется по решению
Учёного совета ИСЭРТ РАН

Г52 **Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений** [Текст] : материалы научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 14–18 марта 2016 г. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – 276 с.

ISBN 978-5-93299-334-7

Редакционная коллегия:

А.А. Шабунова – д.э.н., врио директора ИСЭРТ РАН,
О.Н. Калачикова – к.э.н., и.о. зав. отделом ИСЭРТ РАН,
М.В. Морев – к.э.н., зав. лабораторией ИСЭРТ РАН,
Г.В. Леонидова – к.э.н., зав. лабораторией ИСЭРТ РАН,
О.В. Третьякова – к.филол.н., зав. отделом ИСЭРТ РАН.

В сборнике представлены материалы научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей в г. Вологде 14–18 марта 2016 г.

Участие в конференции приняли социологи и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России, а также Беларуси и Украины. В работах, опубликованных в настоящем сборнике, обсуждаются актуальные вопросы общественного развития в условиях глобальных вызовов, связанных с турбулентностью происходящих в мире процессов и событий, ростом напряженности международных отношений, обострением конкурентной борьбы, проблематики национальной идентичности. Рассматривается широкий круг вопросов в области социологии, экономики, обществознания, государственного управления. Представлены авторские размышления о теоретико-методологических аспектах научного знания и результаты эмпирических социологических измерений наиболее актуальных проблем, волнующих современный социум.

Затронута проблематика сохранения и укрепления человеческого капитала, преодоления социально-экономического неравенства, формирования духовно-нравственных основ общества и многие другие аспекты, актуальные для эффективного развития территорий в условиях современных глобальных вызовов.

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социального развития России.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции.

УДК 316.1 + 316.43
ББК 60.524 60.59

ISBN 978-5-93299-334-7

© ИСЭРТ РАН, 2016

Содержание

1 секция «Социология общественного мнения: актуальные проблемы и перспективы развития»

Галиев Г.Т., Гимаев И.З. Вопросы, от которых не уйти.....	6
Морев М.В. Современные аспекты актуализации социологического знания.....	10
Молодов О.Б. Идентичность населения региона в контексте социальной консолидации (на материалах Вологодской области).....	19
Нахимова Я.Н. Наркотизм в молодежной среде и его профилактика (на примере Тюменского региона).....	30
Дементьева И.Н. Протестный потенциал в контексте тенденций общественного развития.....	40
Мартищенко Е. В. Мнение населения Беларуси о строительстве АЭС.....	48
Каминский В.С. Общественно-политические настроения населения Вологодской области.....	55
Яковлева Н.И. Отношение белорусов к страховой системе: результаты исследования.....	65
Барсукова М.Е. К вопросу формирования общественного сознания о современных миграционных процессах.....	73
Попова М.В. Современное развитие территориального брендинга (на примере сибирских городов).....	81
Каргаполова Е.В., Хамзяева О.С. Социокультурный портрет молодежи Астраханской области в условиях трансформации современного общества.....	88

2 секция «Социальный капитал в глобализирующейся экономике»

Алексашина Т.В. Социальный капитал как основа модернизации наукоемкого и высокотехнологичного сектора промышленности.....	97
Иванов Р.В. Идеологические проблемы современной России.....	105
Кадырова А.И. Дистанционное образование в сельской местности.....	111
Еремеева А.С. Социальный капитал и экономическое развитие региона.....	117

3 секция «Человеческий капитал: вызовы для России»

Тихомирова В.В. Бюджетная эффективность финансовых инвестиций в человеческий капитал.....	125
Крошилин С.В., Медведева Е.И. Необходимость развития новых форм электронного обучения в непрерывном образовании в условиях социально-экономического развития.....	137

Леонова Ж.К., Иванина В.М. Инновационно-инвестиционный процесс в сфере образовательных услуг: региональный аспект.....	148
Муравлёва В.В. Особенности развития человеческого потенциала молодежи.....	156
Цлаф В.М. Человеческий капитал для развития российской экономики: проблемы формирования.....	162
Леонидова Г.В. Мировоззренческие ориентиры современной молодежи.....	174
Сенченко О.И. Роль образования в формировании человеческого капитала.....	183
Полюшкевич М.А. Проблемы духовного лидерства в современной России.....	187
Полюшкевич О.А. Стратегии социального развития: особенности российских фильмов.....	191
Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Южный федеральный округ в социокультурном пространстве России.....	195
Дьяченко В.М. Физкультурно-спортивная деятельность студентов в вузе: предпочтения и практики участия.....	206
Дубинин И.О. Социальные лифты и профессиональная ориентация молодежи с учетом региональной специфики.....	214
Апалькова Т.Ю. Ключевые требования к кандидатам на включение в резерв управленческих кадров и практика их реализации в регионе...	222

4 секция «Социально-экономическое неравенство в современном обществе»

Пасовец Ю.М. Социальная стратификация населения регионов Центрального Черноземья в современных условиях.....	230
Бойко Е.Н. Региональное развитие кластеров в зеркале социологических измерений.....	239
Ковшова Е.С. Социально-экономическое неравенство и моральное сознание.....	250
Скуденков В.А., Скуденков Е.В. Экономические притязания в социальном измерении.....	260
Амонова О.В. Влияние социально-экономического неравенства на экономическое поведение многодетных семей.....	266

1 секция

**СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Галиев Г.Т., Гимаев И.З.

Галиев Гали Талхиевич (Россия, Уфа) – доктор социологических наук, профессор, вице-президент Союза социологов тюркоязычных стран (г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 20/1, ggaliev@yandex.ru);

Гимаев Ильдар Закиевич (Россия, Уфа) – кандидат социологических наук, ректор, Институт повышения квалификации профсоюзных кадров (г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 20/1, gimaev@yandex.ru)

ВОПРОСЫ, ОТ КОТОРЫХ НЕ УЙТИ

Аннотация. На основе источников и научной литературы в статье раскрываются стратегии развития в России.

Ключевые слова: планетарные изменения, ресурсы, растущая дифференциация.

Прошедший век представляется самым суровым веком, полным мировых войн и революций, глобальных социально-экономических и политических потрясений, переоценки ценностей, моральных потерь и в то же время великих научно-технических завоеваний. Невиданно усложнилась, а в чем-то и примитизировалась индивидуальная жизнь людей. Сама наша планета Земля стала как бы утлой ладьей, давшей течь в космическом мореплавании.

Произошел гигантский цивилизационный разлом, определивший размеры и масштабы экологического бедствия от законов природы, отклонения цивилизационного вектора развития от вечных ценностей, от гармонии человека, общества, природы и космоса, рассогласования природного, человеческого и космического разумов.

В наступившем третьем тысячелетии человечество вновь обращается к поиску новых смыслов своего существования. Актуализируется извечный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Только самым закоренелым

«зоологическим» или «космополитическим» индивидуалистам безразлично, что будет с нашей страной, с российским народом на путях крутых либерально-демократических, национально-патриотических или каких-либо других преобразований. Что нас ждет впереди? Куда идти? Что делать? Как ориентироваться в чрезвычайно сложной исторически запутанной ситуации? Эти вопросы сегодня – важнейшие в мировоззренческой ориентации индивида, общества, нации, человечества в целом.

Среди особенно тревожных тенденций основными признаны:

1) происходящие планетарные изменения в природной среде (быстрое сокращение биологического разнообразия, нарастание «парникового эффекта» и грядущее за ним изменение климата, истощение озонового слоя, сокращение площади лесов и почв, нарастающее загрязнение почв, воды и атмосферы токсичными отходами человеческой деятельности);

2) резко растущая дифференциация как между различными странами, так и внутри отдельных стран, что в сочетании с борьбой за ресурсы приводит к текущим локальным конфликтам и несет в себе высокую угрозу глобального потрясения;

3) расточительный режим расходования невозобновляемых природных ресурсов, игнорирование современниками интересов будущих поколений людей.

«Эта стремительно опасная ситуация усугубляется еще и глобальными криминализацией и «терроризацией» современного мира», – считает профессор К.И. Шилин. Оба эти процесса обусловлены ускоряющимся движением техноцивилизации к своему закату, что интуитивно чувствуют народы мира. Создается впечатление, что мир вошел в полосу крайне нестабильно-неустойчивого, тотального кризисного состояния, когда стали рушиться все привычные приоритеты и ценности цивилизации, определявшей общий вектор развития мира. Сегодня нарастает осознание того, что в центре всех угроз лежит угроза разрушения человека и его связей с обществом, оскуднение духовности и культуры.

Одна из причин столь медленного и трудного развития России заключается в том, что не определен вектор будущего, не сформированы модели и механизмы цивилизационного развития. Это обусловлено несколькими причинами, наиболее важной среди которых выступает кризис общественного интеллекта. Он выражается в том, что многочисленные идеи, программы и проекты развития общества и его подсистем реализуются недостаточно эффективно по той простой причине, что между программой и конкретной практической деятельностью нет детально проработанных технологий.

Противоречие между личностью и обществом усиливается, что стало одной из коренных причин разбалансированности мира, таящей в себе еще большие возможности нарастающих сегодня социальных взрывов и катастроф. Видимо, это главная проблема, стоящая перед человечеством, от её решения во многом зависят темпы социального прогресса, его ценностные ориентиры и духовные принципы.

Есть ли в России реальные возможности выхода из такого всеохватывающего кризиса, в котором она находится сегодня? Если есть, каковы они?

Во-первых, страна имеет огромные запасы топливно-энергетических и минеральных ресурсов, плодородные земли в ряде регионов и другие природные богатства. По подсчетам специалистов, ресурсный потенциал России в расчете на душу населения в 2–2,5 раза превосходит ресурсный потенциал США, в 6 раз – Германии, в 10–20 раз – Японии.

Во-вторых, Россия обладает уникальным потенциалом высококвалифицированных специалистов и ученых, способных решать сложнейшие задачи в области науки, техники и производства.

И, наконец, имеется мощная оборонная промышленность, не уступающая в ряде областей технической базе передовых стран Запада, в том числе и США.

Исходя из ее опыта, опыта других стран, можно уверенно сказать, что любые программы обновления России будут успешными лишь тогда, когда они, наряду с общемировыми тенденциями, учитывают её самобытность, своеобразие истории и культуры, менталитет населения и соответствующую ему систему ценностей.

Литература

1. Галиев, Г.Т. Инновационные технологии модернизации России и мира / Г.Т. Галиев, В.И. Патрушев, Ю.П. Сурмин. – М., 2011.
2. Галиев, Г.Т. Социальные технологии развития современных обществ / Г.Т. Галиев. – Уфа, 2014.
3. Галиев, Г.Т. Цивилизация России и некоторые ее проблемы / Г.Т. Галиев. – Уфа, 1995.
4. Шилин, К.И. Парламентские слушания на тему: Культура творчества безопасности жизни. Стратегия развития России / К.И. Шилин. – М., 2004.

Морев М.В.

Морев Михаил Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, зав. лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, 379post@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, обуславливающие актуальность сведений, получаемых в ходе социологических исследований. Показана роль социологического знания как одного из ключевых факторов консолидации и развития современного российского общества.

Ключевые слова: социологическое знание, общественное развитие, консолидация, общественное мнение, государственное управление.

Современное российское общество стоит на пороге коренных преобразований, которые затрагивают не столько экономическую, сколько культурно-нравственную, идеологическую сторону жизни. На этом этапе социологическая наука, те вопросы, которые она рассматривает, и те сведения, которые она может дать, играют особенно значимую роль. Говоря о том, что социологическое знание сегодня является одним из главных факторов развития страны, мы подразумеваем новый виток в развитии отечественной социологии, и этому есть несколько причин. О них пойдет речь в данной статье.

Во-первых, коренную ломку парадигмы развития Россия уже испытала в 1990-е гг., когда был разрушен Советский Союз. В то время у государства

отсутствовала потребность в том, чтобы социологическая наука предоставляла сведения о восприятии населением действий властей, о его оценке проводимых ими реформ; не было четко сформулированного вопроса для научного сообщества. Разрозненные социологические исследования зачастую подчинялись маркетинговым целям. Последствия «лихих девяностых» до сих пор находят отклик в развитии экономической и демографической ситуации, и во многом именно благодаря этому периоду социальное восприятие современных российских граждан, со всеми его проблемами, складывается именно так, а не иначе. Например, современное представление о развитии российского общества в основном связывается с усилением роли государства практически во всех ключевых сферах общественной жизни: социальной, экономической, культурной и т. д. (собственно, отсюда и возникает вопрос о том, как повысить эффективность государственного управления). Антисоциальные результаты реформ 90-х годов и вызванное ими обнищание населения стали основой для позитивной социально-политической тенденции российского социума: общество осознает социальную бесперспективность радикальных реформ и необходимость принятия нового пути развития, учитывающего интересы большинства российских граждан [4, с. 11]. Усиление вертикали власти, на что была ориентирована политика В. Путина во все периоды его президентства, нашло широкую общественную поддержку, что явилось логичным следствием «усталости» населения от экономической нестабильности и недоверия власти. Сильная власть была востребована в начале 2000-х годов и остается востребованной в настоящее время. Не случайно деятельность главы государства по наведению порядка в стране и укреплению ее международных позиций всегда оценивалась выше, чем защита демократии и укрепление свобод граждан (*табл. 1*).

Таблица 1. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами? (в % от числа опрошенных, индекс в пунктах¹)

Вариант ответа	2013	2014	2015	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Изменение (+/-)	
										2015 к 2014	дек. 2015 к фев. 2015
Укрепление международных позиций России											
Успешно	45,7	50,4	51,7	50,4	52,7	51,1	52,2	50,7	53,2	+1	+3
Неуспешно	36,2	32,4	31,3	29,5	28,7	32,5	32,4	33,1	31,5	-1	+2
<i>Индекс</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>120,9</i>	<i>124,0</i>	<i>118,6</i>	<i>119,8</i>	<i>117,6</i>	<i>121,7</i>	<i>+2</i>	<i>+1</i>
Наведение порядка в стране											
Успешно	39,4	48,0	50,2	50,3	50,1	49,9	51,7	48,6	50,5	+2	0
Неуспешно	47,5	39,1	37,9	37,3	37,5	38,0	37,9	38,7	38,0	-1	+1
<i>Индекс</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>113,0</i>	<i>112,6</i>	<i>111,9</i>	<i>113,8</i>	<i>109,9</i>	<i>112,5</i>	<i>+3</i>	<i>-1</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан											
Успешно	31,8	37,5	40,4	39,5	39,2	42,2	42,6	38,1	41,0	+3	+2
Неуспешно	51,0	45,4	41,5	40,9	39,9	38,3	41,7	44,3	43,7	-4	+3
<i>Индекс</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>98,6</i>	<i>99,3</i>	<i>103,9</i>	<i>100,9</i>	<i>93,8</i>	<i>97,3</i>	<i>+7</i>	<i>-1</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан											
Успешно	31,3	34,8	34,2	34,4	34,7	36,2	36,6	32,1	30,9	-1	-4
Неуспешно	56,8	53,4	52,3	51,5	49,9	49,9	52,6	54,3	55,7	-1	+4
<i>Индекс</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>82,9</i>	<i>84,8</i>	<i>86,3</i>	<i>84,0</i>	<i>77,8</i>	<i>75,2</i>	<i>0</i>	<i>-8</i>
Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2015 г. Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН. ²											

Важно также отметить, что развал СССР стал прежде всего проблемой психологического характера. Об этом говорит резкий рост числа социальных патологий (в том числе среди молодежи), и в первую очередь самоубийств, уровень которых до сих пор превышает рамки предельно критического показателя, установленного Всемирной организацией здравоохранения (рис. 1). Экономические последствия кризисов, нивелирующиеся гораздо быстрее, чем

¹ Для расчёта индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой.

² Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 г. на территории Вологодской области с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

последствия социальной дезадаптации личности [3], имеют комплексный характер и находят свое отражение практически во всех сферах общественной жизни.

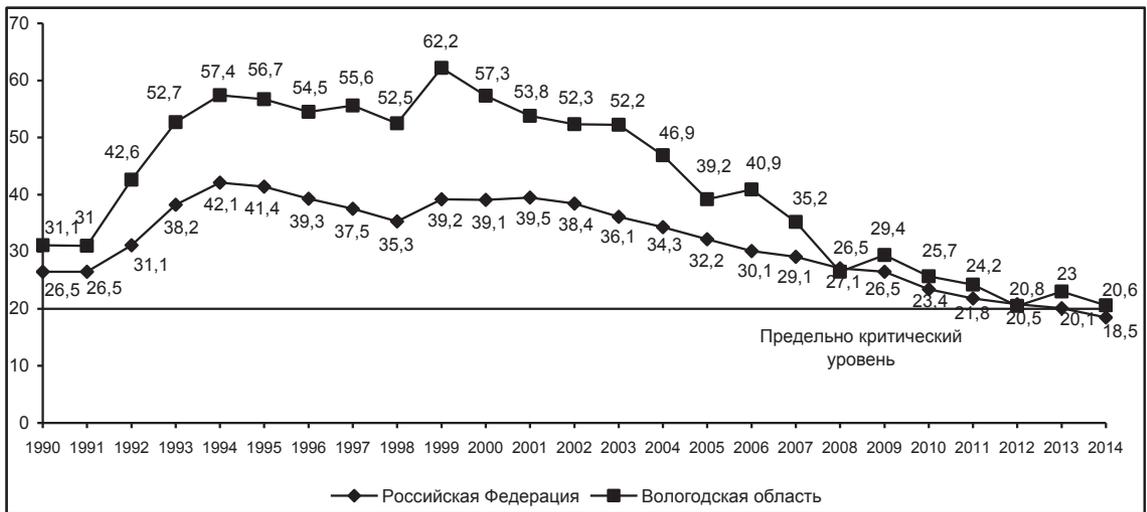

Рис. 1. Уровень смертности от самоубийств в России и Вологодской области (на 100 тыс. чел. нас.)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

Низкий уровень доверия органам государственной власти, социальный атомизм, социальная разобщенность, аполитичность широких слоев населения, низкий уровень развития гражданского общества, инертность гражданского и политического участия – это те проблемы, которые современное российское общество «унаследовало» от периода 90-х годов. Этим проблем можно было бы избежать, если бы у россиян сохранилось ощущение того, что они могут влиять на положение дел в стране, что они имеют свой голос и этот голос будет услышан в высших эшелонах власти. Именно эту задачу должна и могла бы решить социологическая наука, если бы в этом было заинтересовано государство.

Сегодня перед социологией и властью встают во многом схожие задачи. Неоднократные заявления В. Путина о необходимости укрепления властной вертикали, призывы к социальной консолидации, поиск национальной идеи, стремление сделать более весомой роль общества в принятии

управленческих решений – всё это свидетельствует о понимании властью того, что в настоящее время консолидация общества, преодоление психологического «разрыва» между населением и государством является единственной возможностью поддержания порядка в стране и сохранения доверия к действующему политическому курсу развития в целом (что особенно актуально в рамках модернизации, а также на фоне нестабильной обстановки на международной политической арене).

Во-вторых, социологическое знание, описывая взаимосвязи социальных процессов и явлений, происходящих в обществе, рассматривает субъективный фактор общественного развития, который, как отмечает Ж.Т. Тоценко, «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [6, с. 32].

Очевидно, что официальная статистика не дает полного представления о развитии общества. К примеру, многочисленные исследования доказывают, что макроэкономические показатели не всегда полно отражают реальную картину развития государства, высокий уровень дохода не всегда гарантирует удовлетворенность жизнью, а рост богатства не всегда сопровождается признаками возрастающего счастья [7, с. 137]. Но это общемировая практика. В России, и особенно на современном этапе общественного развития, роль «субъективного фактора» и, соответственно, социологического знания, отражающего его сущность, возрастает многократно. Этому способствуют как минимум три одновременно действующих фактора.

Первый из них – специфика русского менталитета, как выразился Президент РФ В.В. Путин, «наш генный код», в основе которого лежат ценностные ориентиры, представление о высшем моральном предназначении самого человека, какого-то высшего морального начала [5]. В последние 20–25 лет эти ценностные ориентиры не были востребованы в российском обществе: в 90-е годы – вследствие нестабильности экономической ситуации

и специфики духовно-ценностных приоритетов того времени; в 2000-е годы – по причине стремления общества к стабилизации в широком смысле этого слова (стабилизации экономики, уровня жизни, преодоления негативных тенденций в демографической ситуации, социальной сфере и т. д.).

Однако, будучи сущностными чертами национального характера, эти особенности не могли исчезнуть, а существовали на латентном уровне. В результате, как отмечает М.К. Горшков, в пореформенной России концентрировался огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум [2, с. 6]. Лишь в настоящее время «генный код» российского общества отмечается как «одно из наших главных конкурентных преимуществ в сегодняшнем мире». *Осознание этого на всех уровнях власти является вторым фактором, актуализирующим востребованность социологического знания.* Идеология, опирающаяся на научное знание, заслуживает положения реалистической. В противном случае она иллюзорна [8].

Третий фактор – фактор времени. После событий «крымской весны» опросы общественного мнения фиксируют стабильно высокий уровень поддержки деятельности главы государства. Позитивные тенденции (хотя и менее выраженные) отмечаются и в отношении других органов власти. Однако очевидно, что общественное мнение сегодня во многом зависит от того, какую политическую позицию принимает президент в отношениях с США и их союзниками. Именно на этом фоне разворачиваются консолидационные процессы, отмечаемые российскими и зарубежными организациями, занимающимися изучением общественного мнения.

Другими словами, российское общество консолидируется в условиях наличия «угрозы извне» – будь то украинский кризис, сирийский конфликт, международный терроризм или экономические санкции. Однако, на наш взгляд, ни одно государство не должно и не может строить долгосрочные планы и прогнозы, опираясь на те показатели официальной статистики и

особенно те данные социологических опросов, которые имеют место в условиях ключевого воздействия факторов, не зависящих от внутренних политических решений.

Для оценки действительного сближения государства и общества, а также представителей различных слоев социума необходимо анализировать ситуацию, когда государство сосредоточено на решении насущных проблем населения: повышении уровня и качества жизни, социального развития и т. д. С этой точки зрения стоит взглянуть на тенденции общественного мнения в ретроспективе. Результаты социологических опросов показывают, что оценка деятельности органов власти до «украинских событий» была не такой позитивной. На протяжении 2000-х годов, когда перед властью население ставило вопросы не об отношениях с Западом, а о повышении зарплат и пенсий, уровень одобрения ключевых государственных институтов существенно не изменялся (рост поддержки составлял не более 5% в год), а в период президентства Д.А. Медведева даже снизился (с 73 до 52%, *рис. 2*).

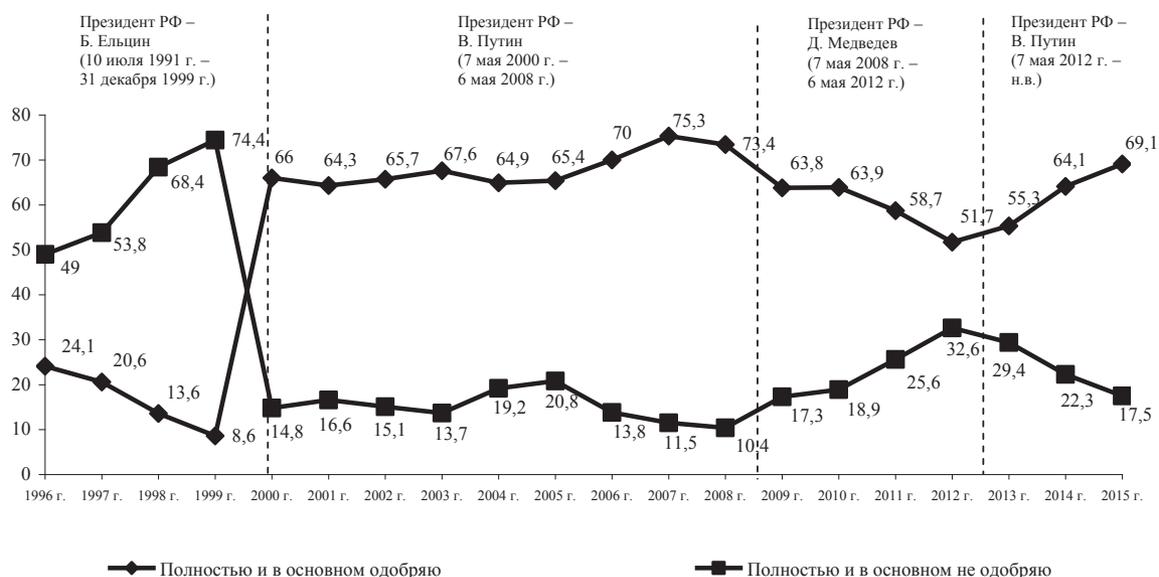

Рис. 2. Уровень одобрения деятельности Президента РФ (в % от числа опрошенных)

Таким образом, данные социологических исследований предупреждают о том, что любой вооруженный конфликт носит временный характер и после его урегулирования вопросы обеспечения роста уровня жизни, преодоления неравенства, социальной защиты и социальной справедливости вновь возвращаются, и тогда государству предстоит найти на них адекватные и решительные ответы.

Одновременное воздействие вышеперечисленных факторов – специфики социологического знания, его востребованности со стороны органов власти и необходимости действовать «на перспективу» – позволяет говорить о наличии условий, при которых социологическая наука может и должна стать ключевым звеном в посредничестве между государством и обществом и таким образом внести свой вклад в дальнейший процесс общественного развития. Как отметил в одном из своих выступлений директор ИС РАН М.К. Горшков, «мы привыкли к такой довольно мягкой формуле «социологическое сопровождение»... но я думаю, что недостаточно, надо более глубоко и серьезно смотреть на пути этого взаимодействия. Речь идет не о сопровождении, а о реальном, содержательном включении. И не тогда, когда надо разбираться с ошибками управленческих решений, а желательно на более ранних стадиях, когда это решение только вызревает... Речь идет о «социологическом соучастии», по крайней мере мы на этом термине в последнее время настаиваем, и я думаю, что в дальнейшем его надо будет даже усилить» [1].

Литература

1. Горшков, М.К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика / М.К. Горшков: публичная лекция (г. Вологда, 20 июня 2014 г.).

2. Горшков, М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. – Выпуск 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 3-19.

3. Иванов, И. Необъявленная война [Электронный ресурс] / И. Иванов. – Режим доступа: <http://www.sakha.ru/sakha/smi/gazeta/yakutia/n29326/25-62.html>
4. Левашов, В.К. Россия на развилке социополитических траекторий развития / В.К. Левашов // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 3 (103). – С. 5-23.
5. Прямая линия с Президентом РФ В.В. Путиным: стенограмма [Электронный ресурс] / Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/17/liniya-site.html>
6. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики / Ж.Т. Тощенко // СОЦИС. – 1998. – № 1. – С. 21-35.
7. Шабунова, А.А. Представления вологжан о счастье / А.А. Шабунова, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 137-150.
8. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования [Электронный ресурс] / В.А. Ядов; Институт социологии РАН. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=585>

Молодов О.Б.

Молодов Олег Борисович (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, o_young8172@mail.ru)

ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме идентичности регионального сообщества. Формирование общенациональной идентичности является важным фактором социальной консолидации населения, необходимой для совместного решения общественно значимых вопросов. Подготовлена на материалах социологических опросов населения Вологодской области.

Ключевые слова: гражданское общество, социальная консолидация, идентичность, общенациональная идентичность, религиозная идентичность.

В современной России важной задачей, нашедшей отражение в политологии и социологической науке, является консолидация общества. В конце XX века на постсоветском пространстве прошли масштабные дезинтеграционные процессы, вызванные распадом единой идеологии, самого государства и сложившихся общественных институтов. «Некогда консолидированное общество на глазах стало рассыпаться, люди утратили доверие и интерес друг к другу, замкнулись в собственном мирке, состоящем в основном из материальных ценностей» [2, с. 10]. Проблема сплочения особо актуальна для российского общества, которое характеризуется преобладанием процессов дифференциации и размежевания. Президент РФ В.В. Путин среди приоритетов развития страны называет консолидацию «на основе понятных и четких целей, ...вокруг базовых общенациональных

ценностей и задач, без которой противостоять имеющимся угрозам будет невозможно» [20]. Вполне очевидно, что сегодня существует потребность в продумывании, прояснении, согласовании общей системы целей, ценностей, идеалов, концепции, которая работала бы на объединение российского общества [5, с. 26].

В современном российском обществе проблема консолидации приобретает особое значение в связи с тем, что в результате различных трансформаций в обществе возникло множество социальных неравенств, которые оказывают деструктивное воздействие на стабильность [14, с. 125]. Исследование влияния информатизации на социальную структуру общества показывает, что среди населения страны существует и «цифровой раскол», постепенно трансформирующийся в «цифровое неравенство» [10, с. 45].

Целью настоящей статьи является анализ фактора идентичности населения, препятствующего консолидации регионального социума в условиях новой социальной реальности.

В условиях благоприятной экономической конъюнктуры в российском обществе середины 2000-х гг. начали складываться определенные предпосылки для сплочения населения, связанные с ростом уровня доходов граждан, стабилизацией политической ситуации и высоким уровнем доверия населения к Президенту России В.В. Путину [12; 13]. И в настоящее время, по данным ИСЭРТ РАН за 2015 г., ему доверяет 61% населения Вологодской области, а 69% одобряют деятельность главы государства. Личность и деятельность действующего президента страны остаются в течение последних лет ключевыми факторами сплочения населения России и Вологодчины [16; 22].

Консолидация общества в первом десятилетии XXI века происходила на основе государственно-патриотической ориентации абсолютного большинства граждан отчасти благодаря проводимому курсу на историческую преемственность. Именно в тот период были официально заявлены амбициозные стратегические планы развития страны до 2020 года.

Среди россиян преобладала уверенность в способности страны совершить прорыв в своем развитии [15, с. 14]. В 2014–2015 гг. события, связанные с победой на зимней Олимпиаде в г. Сочи, возвращением Крыма в состав России и началом антитеррористической операции в Сирии, несмотря на усиление военно-политического давления и введение санкций, усилили патриотический подъём россиян и консолидацию вокруг национального лидера.

Однако наряду с позитивными предпосылками сплочения населения социологи выделяют факторы деструктивной (негативной) консолидации, которые лежат в основе объединения людей для каких-либо разрушительных действий, способствуют дифференциации в обществе. В.В. Локосов и В.Л. Шульц, анализирувавшие результаты опросов населения в докризисный период (2007–2008 гг.), относят к подобным факторам отсутствие доверия к политическим и социальным институтам и недостаток уровня общегражданской идентичности (то есть отсутствие «нации сограждан») [15, с. 14].

Наиболее важной проблемой в контексте социальной консолидации представляется *формирование идентичности россиян*. Общество переходного типа остро нуждается в адекватной национальной и гражданской идентичности своих членов. В целях перехода к устойчивому развитию страны особенно востребованной становится гражданская идентичность и обусловленное ею сознание и поведение [3, с. 75–76]. Практическая значимость и ценность идентичности заключаются в том, что от того, как люди воспринимают свою идентичность, зависит их отношение к событиям, происходящим в стране [8, с. 23].

Е. Бабосов, характеризуя самоидентификацию, говорит о трёх её типах:

1) человек определяет себя как принадлежащего к какому-либо сообществу и одновременно чувствует причастность к нему, сопереживает его проблемам;

2) человек заявляет о своей принадлежности к какой-либо группе, но не испытывает чувства близости к ней;

3) человек не говорит о принадлежности к сообществу, но испытывает чувства близости и причастности к нему, озабоченность его проблемами. Однако только первый тип соответствует самоидентификации в полном смысле слова [3, с. 75].

Самоидентификация связана с социокультурной диспозицией «свой – чужой», которая изучается различными общественными науками с целью исключения или нивелирования межэтнических и межличностных конфликтов.

Данные последнего мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН), наглядно демонстрируют, что жители региона в основном ощущают принадлежность к локальному сообществу (табл. 1). «Своими» примерно треть опрошенных считают жителей поселения, в котором они проживают (32%), «близкими, но не своими» – 44%. Каждый пятый чувствует близость с региональным сообществом (22%). Примечательно, что жителей России относят к «своим», то есть наиболее близким, всего 9% респондентов, а почти треть (30%) относится к ним безразлично. В равной мере отдалёнными чувствуют себя вологжане от населения республик бывшего СССР и планеты в целом.

Таблица 1. В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдалённость («своё» – «чужое») с такими людьми? (% от числа опрошенных)

Категория населения	Своё	Близкое, но не своё	Безразлично	Далёкое, но не чужое	Чужое
Жители поселения, в котором я живу	32,4	44,1	19,2	3,4	0,9
Жители всей области	21,7	41,3	24,0	10,8	2,2
Жители всей России	9,4	26,9	30,1	25,0	8,6
Жители бывших республик СССР	5,8	18,2	34,8	26,3	14,9
Жители всей Земли	5,8	16,0	34,1	24,7	19,3

Источник: Данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г.

Слабая общегражданская идентичность отчасти объясняется историческими причинами. Единственный крупный этнос, которому в СССР было отказано в возможности создания «своей» нации, был русский. Многонациональная РСФСР, территориально совпадающая с нынешней Россией, стала республикой, где этнические русские стали своего рода связующим материалом для создаваемых кирпичиков-наций [8, с. 65]. С распадом СССР на данной территории из бывших АССР по национальному принципу сформировались республики, автономные округа и автономная область. Остальные регионы, населённые преимущественно русскими, сохранили статус краёв и областей.

В бывшем СССР доминировала так называемая «советская» идентичность, имевшая надэтнический характер. Тогда многие ощущали себя в рамках повседневности, и в зарубежных поездках в первую очередь, советскими людьми, а затем уже русскими, казахами, татарами и т. п. [18, с. 96]. С исчезновением советской идентичности произошло понижение её структурирования до уровня локального этнически гомогенного общества, что, в частности, показывают индексы идентичности населения исследуемого региона (табл. 2).

Таблица 2. Индексы идентичности жителей Вологодской области (% от числа опрошенных)

Категория населения	Сумма ответов «своё» и «близкое, но не своё»	Сумма ответов «чужое» и «далёкое, но не чужое»	Индекс*	Доля ответов «безразлично»
Жители поселения, в котором я живу	76,5	4,3	172,2	19,2
Жители всей области	63,0	13,0	150,0	24,0
Жители всей России	36,3	33,6	102,7	30,1
Жители бывших республик СССР	24,0	41,2	82,8	34,8
Жители всей Земли	21,8	44,0	77,8	34,1

* Для расчёта индекса из суммы ответов «своё» и «близкое, но не своё» вычитается сумма ответов «чужое» и «далёкое, но не чужое», затем к полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.
 Источник: Данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г.

Как отмечают исследователи, объясняя низкий уровень общегражданской идентичности, после распада СССР, при разоблачении советского прошлого были уничтожены многие символы, разорвана связь времен и поколений. С середины 1950-х гг. в нашей стране каждая смена политического лидера страны начиналась с резкой критики предшественника и недавнего прошлого («десталинизация», «дехрущевизация» и т. п.) [8, с. 23–24].

Особая ситуация сложилась на Северном Кавказе, где возник глубинный социокультурный раскол на тяготеющие к модернизации «русские» края и области и национальные республики, которым свойственны демодернизационные процессы. Там этничность из сферы идентичности перешла в социально-политическую плоскость, усилив националистические проявления и противодействуя социальной консолидации [9]. Базовые составляющие в российской идентичности (этническая, региональная, религиозная формы) в этом регионе сложны и нелинейны, поэтому важным условием успешного функционирования данной системы является оптимальное взаимодействие этих форм идентичности [6, с. 10].

В мононациональной Вологодской области консолидирующим фактором могла бы выступить историческая предрасположенность русского населения к православию, то есть общая религиозная идентичность. Несмотря на масштабную социальную трансформацию, религия продолжает играть важную роль в жизни общества и в личной жизни людей. В 1990-е гг. в мире отмечается тенденция усиления религиозной идентичности, которая отчасти объясняется ответной реакцией на проявления глобализма [11, с. 120]. В последние годы рост исламского фундаментализма в значительной степени актуализировал проблему религиозной самоидентификации.

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., 97,3% жителей Вологодской области из числа указавших свою нацию отнесли себя к русским. Вологодчина, известная как «Северная Фиваида» из-за плотной церковной топографии, множества православных храмов и крупных

монастырей, в настоящее время не отличается повышенной религиозностью населения. Судя по результатам опроса 2012 г., среди жителей региона неверующих больше, чем в среднем по России (20% против 13), а исповедующих православие и относящих себя к Русской православной церкви (РПЦ) существенно меньше (30% против 41) (табл. 3).

Таблица 3. Конфессиональная самоидентификация населения Вологодской области (% от числа опрошенных)* [1, с. 110, 166]

Варианты ответов, выбранные из предложенных	В целом по РФ		По Вологодской области
	Доля от всех опрошенных	Доля от опрошенных русских	
Верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую	25	27	39
Исповедую православие, принадлежу к РПЦ	41	46	30
Не верю в Бога	13	14	20
Исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом	4,1	4,3	2
Исповедую православие, но не принадлежу РПЦ и не являюсь старообрядцем	1,5	1,5	1
* Опросы проводились Фондом «Общественное мнение» в 2012 г., выборка 56900 респондентов от 18 лет и старше в 79 субъектах РФ.			

Наибольшая часть респондентов признала себя «верующими без религии» (39%), а 2% – «христианами без конфессии». Остальные показатели конфессиональной самоидентификации в целом соответствуют общероссийским. Что касается религиозной практики, то жители Вологодской области в меньшей степени соблюдают предписания своей религии (13% против 22) и реже молятся (7% против 12) [1, с. 166; 17].

Сегодня отмечается явный разрыв между религиозной идентификацией и действительной воцерковлённостью. Отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, обычно около 20% респондентов сознательно относят себя к приверженцам традиционных религий. Социологические исследования показывают, что почти половина неверующих респондентов участвует в религиозных праздниках, а каждый пятый периодически посещает храм [4, с. 10].

Мониторинги общественного мнения свидетельствуют о том, что содержание веры у называющих себя верующими людьми зачастую лишено определённости, при этом религиозные идеи вполне уживаются с мистикой: верой в магию, колдовство, астрологические прогнозы и пророчества. Социологи считают, что сегодня мы имеем дело с культурной религиозностью, когда человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя, возможно, и не разделяет её верования, не участвует в обрядах и не входит в общину верующих [21].

Негативное воздействие на формирование общероссийской идентичности оказывает чрезмерное социальное расслоение. Каждая социальная страта российского общества научилась жить своей внутренней жизнью, не обращая на остальных внимания [20, с. 12]. Нынешняя система представляется большинству людей несправедливой, что ведёт к утрате чувства личной связи с государством, нарастанию отчуждения, размывает важнейшие консолидирующие начала – справедливость и восприятие государства как общего дела.

Исследователи сходятся во мнении, что необходимо формировать надэтническую общегражданскую идентичность, которая синтезирует социокультурную идентичность сообщества граждан, этнические идентичности и политическую связь с государством, базируясь на принципах «согражданства». Попытки форсировать формирование новых идентичностей взамен советской обречены на провал, поскольку это медленный процесс, требующий определения «конечной» цели, идеала, к которому страна должна стремиться [8, с. 19].

Таким образом, многонациональный и поликонфессиональный состав населения России, увеличивающийся поток мигрантов, смена поколений и значительный разрыв между богатыми и бедными делают процесс формирования идентичности чрезвычайно сложным. Даже в «русском» и относительно стабильном регионе, каким является Вологодская область, формирование общегражданской идентичности не завершилось, сплочение

населения ощущается только на уровне местного сообщества, а традиционная религия не обладает значительным консолидационным потенциалом.

Литература

1. Арена. Атлас религий и национальностей Российской Федерации [Электронный ресурс] // Исследовательская Служба «Среда». – Режим доступа: sreda.org/arena
2. Аргунова, В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ [Текст] / В.Н. Аргунова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. – 312 с.
3. Бабосов, Е. Идентичность как фактор консолидации [Текст] / Е. Бабосов // Беларуская думка. – 2013. – № 3. – С. 74-79.
4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания [Текст] / отв. ред. М.П. Мчедлов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Культурная революция, 2009. – 400 с.
5. Волконский, В.А. Теоретические основы идеологии [Текст] / В.А. Волконский // Экономическая наука современной России. – 2015. – № 3 (70). – С. 26-44.
6. Горшков, М.К. Мечты россиян и реальность демоскопии [Текст] / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова // Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 7-26.
7. Даминдарова, Ф.В. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политическом дискурсе [Текст] / Ф.В. Даминдарова, Г.Ш. Исмагилова // Власть. – 2014. – № 4. – С. 63-67.
8. Делокаров, К. Процесс модернизации и проблемы российской идентичности [Текст] / К. Делокаров // Управление мегаполисом. – 2011. – № 5. – С. 18-26.

9. Делокаров, К. Укрепление российской идентичности на Северном Кавказе в синергетической парадигме [Текст] / К. Делокаров, А. Шадже, С. Чефранов, Е. Куква // Власть. – 2013. – № 2. – С. 9-13.

10. Жеребин, В.М. Цифровой раскол как новый фактор социальной стратификации / В.М. Жеребин, О.А. Алексеева, Н.А. Ермакова [Текст] // Вопросы статистики. – 2015. – № 5. – С. 35-47.

11. Казьмина, О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы [Текст] / О.Е. Казьмина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 304 с.

12. Кожина, Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект [Текст] / Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3 (65). – С. 100-115.

13. Кожина, Т.П. Отношение населения Вологодской области к деятельности властных структур [Текст] / Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2012. – № 1 (57). – С. 128-135.

14. Кошарная, Г.Б. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества [Текст] / Г.Б. Кошарная // Власть. – 2015. – № 9. – С. 125-129.

15. Локосов, В.В. Основания консолидации российского общества (социологические аспекты) [Текст] / В.В. Локосов, В.Л. Шульц. – М.: ИСПИ РАН, 2008. – 168 с.

16. Молодов, О.Б. Доверие как фактор консолидации общества [Электронный ресурс] / О.Б. Молодов // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 5 (5). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1336/full>

17. Молодов, О.Б. Конфессиональная и национальная самоидентификация населения России (по материалам социологического опроса 2012 г.) [Текст] / О.Б. Молодов // Сибирский вестник специального образования. – 2015. – № 1 (14). – С. 77-80.

18. Молодов, О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана / О.Б. Молодов // Социум и власть. – 2014. – № 6 (50). – С. 95-102.

19. Персональный сайт Владимира Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interespol.ru/programm/consolid/>

20. Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России [Текст] / под ред. М.К. Горшкова. – М.: Российская газета, 2007. – 444 с.

21. Филатов, С.Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность [Текст] / С.Б. Филатов, Р.Н. Лункин // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35-45.

22. Шабунова, А.А. Доверие и общественное развитие в России [Текст] // А.А. Шабунова, Т.А. Гужавина, Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2 (79). – С. 7-19.

Нахимова Я.Н.

Нахимова Яна Николаевна (Россия, Тюмень) – аспирант, специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, rector@utmn.ru)

НАРКОТИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА)¹

Аннотация. В статье поднята проблема современного наркотизма в молодежной среде российского общества и способов его профилактики (на примере Тюменского региона). Приведены результаты авторских социологических исследований. Сформулированы рекомендации практического характера по улучшению ситуации в области профилактики наркотизма.

Ключевые слова: наркотизм, наркотики, молодёжь, профилактика, наркополитика.

В условиях глобализации в России происходят изменения, влекущие за собой новые тенденции в развитии общественных проблем, в частности наркотизма – социального явления, заключающегося в немедицинском потреблении наркотиков частью населения.

Во-первых, российскими учеными отмечается процесс «нормализации» наркотизации среди молодежи, которая была замечена среди рекреационного («от случая к случаю») потребления героина (Х. Пилкингтон, Е.Л. Омельченко) [10]. Исследователи обозначили, что в процессе «нормализации» видятся отражение глобализации наркорынка и различия, локализованные в местных практиках. Так, во многих городах

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке гранта РФФ (проект 14-38-00009) «Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ» (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого).

России в период 1990–2010 гг. особенностью наркотизма считалась распространенность героина.

Во-вторых, исследователи обозначают, что проблема наркотизации перестала быть проблемой маргиналов и лиц, опустившихся на «социальное дно»; появились «компетентные» потребители, способные контролировать процесс использования наркотиков, продолжая выполнять социальные роли (А.Г. Бартенев [2], А.В. Дмитриева [6]).

В-третьих, учеными отмечается неверный курс российской антинаркотической политики, который приводит к нарушению прав человека, социальному исключению реальных или бывших потребителей [3; 9]. Правоприменительные меры увеличивают латентность наркотизма, провоцируют криминализацию, создают преграды в разработке эффективных социальных и медицинских программ [11].

В-четвертых, первичная профилактика наркотизма в стране осуществляется устаревшими методами, которые не охватывают все группы молодежи. Профилактика наркотизма в России формируется под началом полицейского органа – Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН).

Таким образом, наркотизм несет в себе проблемы, с одной стороны, разрушения здоровья наркопотребителей, десоциализации целых групп общества, с другой, – криминализации, стигматизации, нарушения прав наркопотребителей, а также несоответствия профилактических мер сложившейся ситуации в сфере наркотизма.

Главную роль в институционализации профилактики наркотизма играет государство, именно оно задает вектор развития и определяет характер антинаркотической политики. Употребление наркотиков на территории России, с одной стороны, является правонарушением, с другой, – наркопотребитель, добровольно обратившийся за медицинским лечением, освобождается от административной ответственности. Также любой гражданин может быть остановлен уполномоченными органами и, в случае

подозрения в использовании наркотиков, обязан пройти медицинское освидетельствование, отказ от которого вновь считается нарушением. Анализ наркополитики показывает приоритет правового дискурса над профилактикой. Мы согласны с мнением Я.И. Гилинского о том, что стратегия контроля, основанная на приоритете первичной профилактики, «значительно разумнее, демократичнее, либеральнее, прогрессивнее, чем борьба и репрессии» [4].

Развитие наркотизма в отдельных регионах России имеет свою специфику. В Тюменской области проблемы наркотизма развиваются более быстрыми темпами (рис. 1) в отличие от среднероссийской ситуации, что обусловлено большей платежеспособностью населения, а также наличием границы с Республикой Казахстан и развитой транспортной инфраструктурой с сетью магистралей федерального значения, в силу чего область является транзитом для распространения наркотиков, наличием сырьевой базы для кустарного изготовления наркотиков каннабисной группы и т. д. [7].

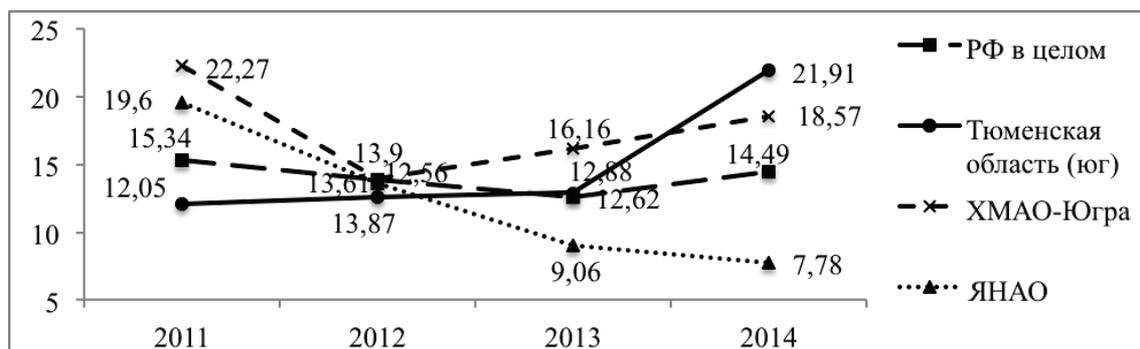

Рис. 1. Динамика числа лиц, зарегистрированных впервые наркологическими учреждениями с диагнозом «наркомания», на 100 тыс. чел. населения²

В 2014 году в Тюменском регионе увеличился показатель заболеваний наркоманией – на 70% (21,91 человек на 100 тыс. чел. населения) и

² Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2011-2012 годах. Статистический сборник. Москва, 2013. – 166 с.; Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2013-2014 годах. Статистический сборник. Москва, 2015. – 147 с.

показатель числа наркопотребителей – лиц с впервые установленным фактом наркопотребления с вредными последствиями – на 45% (39,31 человек на 100 тыс. чел. населения) по сравнению с 2013 годом. Среди впервые установленных лиц с диагнозом «наркомания» наибольшее число составляют потребители синтетических психостимуляторов (как правило, «солей») – 56,6%, каннабиноидов (каннабис вместе с синтетическим каннабиноидом – «спайсы») – 22,8%, опиатов – 20,6%. В возрастной структуре больных наркоманией превалирует возрастная группа 20–39 лет [7].

В связи с негативной ситуацией в регионе показательны данные социологических исследований, раскрывающие реальные масштабы наркотизма. Данные, на которых основана настоящая работа, получены в рамках молодежного мониторинга, реализованного в 2010–2013 гг. в Тюменском регионе (1 исследование). В опросе 2010 г. приняли участие 927 молодых человек в возрасте 18-30 лет, в 2011 – 1025, в 2013 – 759. Результаты мониторингов позволили оценить уровень осознания молодежью опасности наркопотребления. Также в 2015 году проведено авторское исследование, включавшее опрос 350 жителей города Тюмени в возрасте 18+ (2 исследование), по его результатам были выделены 2 группы молодежи в зависимости от наличия наркоопыта: наркотизированная группа – 49% молодежи (те, кто хотя бы раз, но пробовали наркотики); и денаркотизированная – 51% молодежи (никогда не пробовали наркотики).

Социологический портрет молодежной группы, которая включена в процесс наркотизации (2 исследование): 55% мужчин и 45% женщин; 82% работают; 55% имеют высшее образование, 31% учатся в университете, 6% имеют образование среднее или ниже, 7% – среднее специальное/профессиональное. Оценивают свой уровень дохода как средний – 63%, ниже среднего – 23%, выше среднего – 14%. Таким образом, процесс «нормализации» наркотизма не определяется гендером, социальным и/или материальным статусом.

В молодежных группах частота использования наркотиков увеличивается с возрастом (табл. 1). В группу потребителей каннабиса и дизайнерских наркотиков попадают все группы. Частота употребления стимуляторов и галлюциногенов повышается с возрастом.

Таблица 1. Структура потребляемых молодежью наркотиков, % от числа опрошенных (по данным 2 исследования)

	18-24 года	25-30 лет
1. Каннабис (марихуана, гашиш)	90	93
2. Дизайнерские наркотики («спайс», «соль»)	46	49
3. Стимуляторы (амфетамин, экстази, метамфетамин)	34	53
4. Галлюциногены (ЛСД, псилоцибин и др.)	34	49
5. Лекарственные препараты, употребляемые в немедицинских целях	28	34
6. Кокаин	8	11
7. Опиаты	7	11

Молодежь отнесла опиаты, кокаин и дизайнерские наркотики к «жестким» веществам, в зависимость от которых попасть можно, по её мнению, быстро. Рейтинг замыкает каннабис, который в сознании молодежи определяется как наименее «вредный» и наиболее «легкий» наркотик, «не вреднее алкоголя». Тем временем именно от каннабиса в 2014 году показатель наркомании увеличился на 43,8%.

Глубина проблемы наркопотребления осознается так же, как и глубина проблемы существующих антинаркотических практик. С одной стороны, молодежь легитимирует в своей среде употребление некоторых видов наркотиков, с другой – антинаркотические меры продолжают осуществляться силовыми ведомствами и носить репрессивный характер.

В Тюменском регионе основной субъект исполнения профилактики – отдел межведомственного взаимодействия в сфере профилактики (ОМВП). Его деятельность реализуется на проектной основе. В рамках информационного подхода действовали различные проекты: областной марафон «Тюменская область – территория независимости»; «Лето – пора

находок, а не потерь»; «Наставник»; проект организации волонтерства. В 2014 году реализованы проекты и акции «За здоровье и безопасность наших детей», «За здоровый образ жизни», «Традиции и обычаи – будущее народа». В рамках последней сотрудники ФСКН вместе со школьниками выезжают в музеи, библиотеки, Дворец национальных культур «Строитель» с целью информационно-просветительской работы, а также организации досуга и расширения кругозора подростков. Все реализуемые мероприятия направлены преимущественно на учащихся подростков, «трудных» подростков и «группы риска».

С декабря 2013 года в России принят закон о тестировании учащейся молодежи (с 9 класса) методом иммунохроматографической диагностики, призванной выявлять наркопотребителей. Однако этот метод не прошел научную экспертизу, экономическое обоснование и не обоснован с точки зрения этико-правовой оценки. Несмотря на принцип добровольного согласия, тестирование на наркотики приняло в образовательных учреждениях обязательный характер, что является нарушением прав личности на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), неприкосновенность частной жизни, личную тайну (ст. 23 Конституции РФ). При этом известно, что ограничения прав и свобод возможны, в соответствии со ст. 55 Конституции, только на основании Федерального закона (но не закона субъекта Российской Федерации) [8, 160]. Помимо перечисленных парадоксов, тестирование не способно выявить наркозависимость, а только сам факт употребления наркотиков. По результатам исследования (2 исследование) установлено, что поддержка данного метода находит меньший отклик в зависимости от наличия наркоопыта. Всего 33% наркотизированной и 42% денаркотизированной группы молодежи уверены, что «процедура с белыми стаканчиками» может быть эффективна в снижении наркотизации.

В Тюменской области утверждена Государственная программа «Антинаркотическая программа» до 2020 года, её цель – формирование в

период 2015–2020 гг. потенциала противодействия общества наркотизации, сокращение наркооборота и наркопотребления. Объем финансирования Программы [5] в 2015 году составил 652977 рублей, из которых на первичную профилактику выделено лишь 124044 рублей – 19% от общего объема.

По результатам мониторингов (1 исследование) выявлено, что молодежь стала хуже относиться к работе местных властей по осуществлению профилактики наркомании (рис. 2). В 2013 году на 8% снизилась доля молодежи, нейтрально оценивающей профилактическую работу, и на 8% увеличилась доля тех, кто считает, что существующие меры разовы и неэффективны, что указывает на бессистемность проводимой работы.

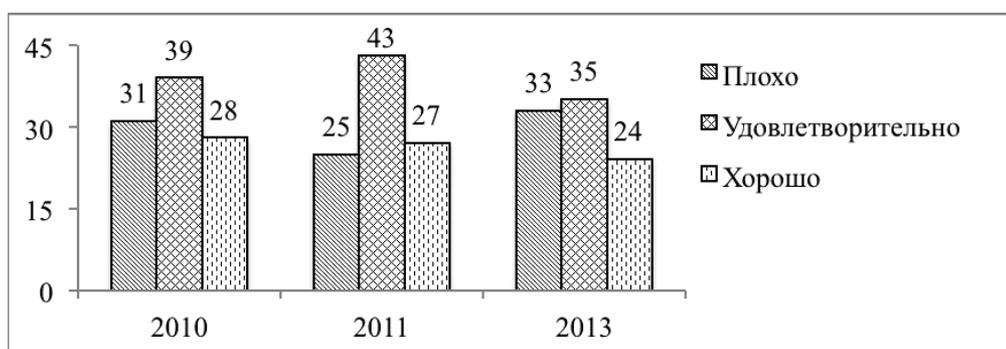

Рис. 2. Отношение молодежи к деятельности местных властей в сфере профилактики наркотизма, 2010–2013 гг., % (по результатам 1 исследования)

Важную роль в профилактике наркотизма призваны играть средства массовой информации [1, 96]. По результатам опроса (2 исследование), доверие к информации о наркотиках, предоставляемой государственными органами и СМИ, зависит в большей степени от наличия у молодежи наркоопыта (рис. 3). Однако даже денаркотизированная группа молодежи мало верит этим источникам. Очевидно, что одним из недостатков региональной профилактики является плохо продуманная информационная кампания.

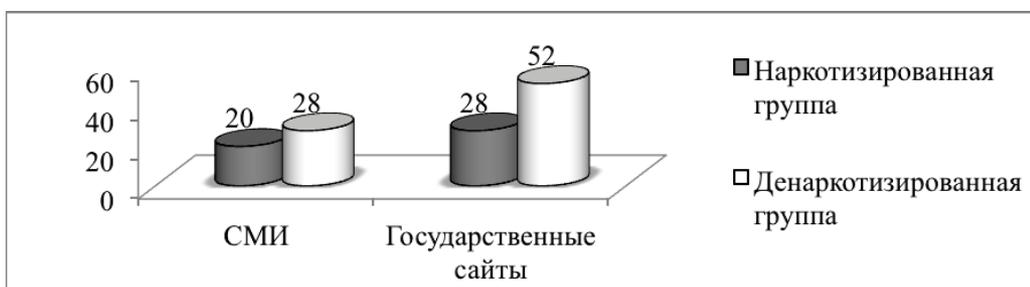

Рис. 3. Доверительное отношение молодежных групп к информации о наркотиках, предоставляемой различными источниками, % (по результатам 2 исследования)

Несмотря на массовый поток антинаркотических публикаций, наркотизм остается одной из мифологизированных сфер общественного сознания. В СМИ и на сайтах ФСКН часто можно встретить научно необоснованную информацию: привыкание к наркотикам происходит с первой пробы; попробуешь «легкие» – перейдешь к «тяжелым»; наркопотребитель – наркоман и преступник и т. д. Распространение подобной информации влияет на усиление латентности наркотизма и недоверия к государству и социальным институтам. По результатам исследования (2 исследование), лишь 18% наркотизированной и 34% денаркотизированной молодежи солидарны с идеей запугивания.

Таким образом, анализ профилактики молодежного наркотизма в Тюменском регионе показывает, что ФСКН фактически наделена властью в данном вопросе. Служба реализует профилактические меры в большей степени с позиции выявления и наказания потребителей наркотиков, а также устрашения населения. Гибкие, актуальные, инновационные формы первичной профилактики в регионе не получили распространения. Кроме того, действующие проекты носят эпизодический и частный характер, не охватывая дифференцированно группы молодежи с ее ресурсами и культурным потенциалом. Недостатком системы профилактики является также слабая включенность в неё социальных институтов. Еще один недостаток проектов – отсутствие критериев их оценки.

После анализа профилактики наркотизма в регионе даны следующие рекомендации. Во-первых, отменить программу по иммунохроматографическому тестированию учащихся ввиду нарушения принципа добровольности процедуры и ее конфиденциальности; во-вторых, ставить здоровье и права человека во главу угла, для чего необходимо перейти от репрессивных мер по отношению к потребителям наркотиков в сторону рестриктивной модели, используя научно обоснованные социальные и здравоохранительные программы; в-третьих, рассмотреть вопрос о создании отдельной организации, которая бы занималась первичной профилактикой алко- и наркопотребления; в-четвертых, внедрять современные формы профилактики и разработать методику оценивания эффективности проектов.

Литература

1. Акулич, М.М. Эксперты о противодействии наркомании в регионе / М.М. Акулич, А.В.Артюхов, Л.П. Гербер, А.В. Стожаров // СоцИС. – 2002. – № 8. – С. 96.
2. Бартнев, А.Г. Наркотизм в молодежной среде: идеологическая база наркопотребления, дифференцированность наркотических практик / А.Г. Бартнев // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. – № 2 (10). – Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – С. 77-84.
3. Гишинский, Я.И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор / Я.И. Гишинский // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 3. – С. 302-311.
4. Гишинский, Я.И. Социальный контроль над девиантным поведением в современной России: теория, история, перспективы / Я.И. Гишинский // Социальный контроль над девиантностью в современной России. – СПб., 1998. – С. 4-18.
5. Государственная программа Тюменской области «Антинаркотическая программа до 2020 года». – С. 18.

6. Дмитриева, А.В. Наркотики как фактор структуризации в обществе потребления (на примере правового дискурса) / А.В. Дмитриева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 5. – С. 338-347.

7. Доклад о наркоситуации в Тюменской области по итогам 2014 года [Электронный ресурс] // Антинаркотическая комиссия в Тюменской области. Тюмень, 2014. – Режим доступа: http://admtyumen.ru/ogv_ru/society/drug_prevention/more.htm?id=11291972@cmsArticle

8. Ефлова, М.Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции: дис. ... доктора соц. наук. – Саранск, 2015. – С. 160.

9. Мейлахс, П.А. Человек наркозависимый: свободный преступник или больной раб? Анатомия криминального и медицинского дискурсов наркомании. [Электронный ресурс] / П.А. Мейлахс. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/577/700/1219/Narkomaniya_v_med_i_krim_VT_m_ejlahs_2.pdf

10. Пилкингтон, Х. Журнал исследований социальной политики. – 2006. – № 2. – С. 229-268.

11. Jurgens R, Csete J, Amon J, Baral S, Beyrer, C (2010) People who use drugs, HIV, and human rights. Lancet, DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736\(10\)60830-6](http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736(10)60830-6).

Дементьева И.Н.

Дементьева Ирина Николаевна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, Irinika_74@mail.ru)

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В настоящей статье представлена динамика потенциала протеста в Вологодской области, а также характеристика группы протеста. Проанализированы факторы, детерминирующие формирование протестных настроений.

Исследование основывается на данных мониторинга общественного мнения населения Вологодской области.

Ключевые слова: социальная стабильность, потенциал протеста, социальная напряжённость, социальный конфликт, социальное самочувствие, консолидация.

Основной задачей любого государства, а в особенности того, которое, подобно России, переживает период глубокой социально-политической, экономической и культурной трансформации, является задача обеспечения стабильности и консолидированности общества.

Проблема обеспечения социальной стабильности вызывает сегодня серьёзную озабоченность общественных и государственных деятелей, учёных, всех граждан России. Многоаспектность и комплексность этой проблемы сделали её предметом исследования специалистов практически всех отраслей научного знания: философии, социологии, права, психологии, экономики, математики, экологии, биологии, здравоохранения и т. д.

Общественная стабильность может быть достигнута за счёт предупреждения и устранения потенциальных опасностей и угроз. В современной литературе, посвящённой проблематике социальной безопасности, в качестве одной из возможных угроз рассматривается социальная напряжённость, которая считается формой скрытого социального конфликта [2]. Социальная напряжённость рассматривается как дисфункция общественного сознания, возникающая вследствие нарушения деятельности основных социальных институтов и влияющая на психологическое состояние значительной части общества [2]. Именно социальная напряжённость, имеющая скрытый характер, – самый опасный источник «социального взрыва» [1]. Характерными чертами социальной напряжённости являются: распространение настроений недовольства; потеря доверия к власти; рост стихийных массовых действий (включая ажиотажный спрос на продукты питания, акции протеста, возрастание внутренней и внешней миграции) [2].

Определённые опасения вызывает формирование скрытой социальной напряжённости, протестных настроений, латентной формы социального протеста. Протестный потенциал населения, под которым понимают намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях, способен создать серьёзную проблему для поддержания социальной стабильности территории в случае его реализации в форме активных протестных выступлений.

В рамках опроса, проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году, были рассмотрены основные тенденции динамики протестных настроений жителей региона. Протестный контингент составляют респонденты, отвечающие на вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» – следующим образом: «выйду на митинг, демонстрацию»; «буду участвовать

в забастовках, акциях протеста»; «если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

Подобная постановка вопросов рассчитана на то, что респондент завершает процесс формирования внутреннего психологического настроя, перехода от недовольства, т. е. отсутствия удовлетворённости в отношении предмета исследований, к протестному настроению и, как следствие, к принятию решения об активных действиях по принуждению к изменению в проблемной ситуации.

Таким образом, «протестную группу» составляют жители области, отличающиеся не только соответствующим эмоциональным настроем, не обязательно тождественным активному социальному поведению, но и осознанной мотивацией к личному физическому участию в протестных акциях.

Анализ данных мониторинга, осуществляемого Институтом социально-экономического развития территорий РАН в регионе, показал, что за период с 2000 по 2010 год протестный потенциал в Вологодской области заметно снижался (в целом на 6 п.п.), однако в последние годы (2010–2015 гг.) показатель стабилизировался и существенных позитивных изменений не происходит: доля жителей, проявляющих протестные настроения, сохраняется на уровне 17–21% (*табл. 1*).

Следует особо отметить, что в «протестной группе» преобладает доля приверженцев «мирных» протестных акций («выйду на митинг, демонстрацию» – 11%) по сравнению с теми, кто высказывает готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 5%). Причём доля последних за период с 2000 по 2015 год сократилась почти в 2 раза.

Таблица 1. Динамика потенциала протеста в Вологодской области
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменение (+/-), 2015 г. к	
													2014 г.	2000 г.
Потенциал протеста	24,3	32,2	26,3	20,7	19,6	21,9	20,0	19,8	20,1	17,3	18,6	21,1	+3	-3
Выйду на митинг, демонстрацию	8,0	13,9	11,0	9,6	9,7	10,8	9,6	10,9	10,3	9,3	10,7	11,2	+1	+3
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	7,7	10,8	9,0	5,7	5,4	6,0	6,1	4,7	5,7	4,2	3,9	4,9	+1	-3
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	8,6	7,5	6,3	5,3	5,1	5,0	4,3	4,3	4,2	3,8	4,0	4,9	+1	-4

Анализ данных мониторинга позволяет выделить категории лиц, которые отличаются определенным социально-психологическим и эмоциональным настроем и имеют предрасположенность к активным действиям в случае возникновения социального конфликта. За всё время исследований отмечалась относительная устойчивость количественных показателей и качественных характеристик протестного контингента. В частности:

- в гендерном разрезе намерение участвовать в акциях протеста значительно сильнее выражено у представителей мужского пола (в среднем за 2015 г. – 23%) по сравнению с женским (20%), т. е. мужчины более склонны к проявлению протестных настроений, чем женщины (*табл. 2*);

- склонность к участию в протестных акциях в большей степени свойственна представителям возрастной категории от 30 до 55 лет (23%), а также лицам, имеющим незаконченное высшее и высшее образование (22%);

- в зависимости от уровня доходов наиболее высокий показатель социального недовольства отмечается в 20%-ой группе наименее обеспеченных (30%) и в 60%-ой категории людей со средним достатком (20%);

– в разрезе территорий области – в Вологде (26%) и Череповце (25%). По сравнению с 2014 г. доля «протестующих» в данных категориях несколько возросла.

Таблица 2. Динамика потенциала протеста в различных социально-демографических группах населения (в %)

Категория населения	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменение (+/-), 2015 г. к	
													2014 г.	2000 г.
<i>Пол</i>														
Мужской	29,4	36,2	28,3	23,6	23,2	25,1	22,2	22,6	23,0	19,3	21,7	22,5	+1	-7
Женский	20,9	28,9	24,8	18,3	16,8	19,3	18,3	17,5	17,7	15,7	16,1	19,9	+4	-1
<i>Возраст</i>														
до 30 лет	25,2	34,9	26,0	20,2	20,2	20,7	20,4	19,7	18,7	17,4	17,6	21,2	+4	-4
30-55 лет	27,2	33,0	27,3	20,8	20,0	22,6	21,6	20,7	21,3	17,3	19,3	22,7	+3	-5
старше 55 лет	18,0	28,6	25,2	20,9	18,5	21,7	17,0	18,3	19,2	17,4	18,3	18,8	+1	+1
<i>Образование</i>														
Н/среднее и среднее	20,9	22,8	24,3	19,2	20,7	20,7	20,2	20,6	22,8	17,3	21,8	20,9	-1	0
Среднее специальное	25,9	32,6	26,7	21,0	20,9	23,6	19,9	19,7	20,0	18,2	17,2	20,3	+3	-6
Н/высшее и высшее	22,9	33,6	28,4	20,4	16,8	21,3	19,9	19,2	17,5	16,5	16,7	22,1	+5	-1
<i>Доходные группы</i>														
20% наименее обеспеченных	27,5	33,4	29,6	23,9	24,8	24,3	23,9	27,2	25,0	21,7	22,4	29,9	+8	+2
60% средне-обеспеченных	24,6	34,5	26,6	21,2	19,9	22,3	21,1	19,0	20,4	16,4	19,3	20,2	+1	-4
20% наиболее обеспеченных	21,1	28,6	24,0	16,1	14,0	19,8	15,1	14,7	13,9	13,6	9,9	14,3	+4	-7
<i>Территории</i>														
Вологда	24,8	39,8	28,5	21,4	21,9	23,5	22,4	21,6	23,3	20,3	18,9	25,7	+7	+1
Череповец	21,1	31,4	23,0	20,3	17,2	21,2	22,1	19,7	18,5	17,6	22,4	24,7	+2	+4
Районы	25,9	29,1	27,1	20,6	19,8	21,4	18,0	19,0	19,3	15,7	16,4	16,4	0	-10

Сравнительный анализ данных мониторинга показал, что большую склонность к протестным проявлениям демонстрируют жители области, характеризующие политическую обстановку в России как «напряжённую, критическую, взрывоопасную» (в среднем за 2015 г. – 27%).

Не исключают возможности своего участия в протестных акциях в среднем в 2015 г. 60% жителей области, отрицательно оценивающих деятельность Президента РФ, и 53% населения, негативно характеризующего

работу Правительства РФ. При этом численность жителей области, придерживающихся противоположного мнения, почти в 6 раз меньше (12 и 9% соответственно).

Наиболее высокий уровень протестных настроений в оценках деятельности региональных и местных органов власти отмечается среди жителей, неодобительно отзывающихся о деятельности губернатора и глав местных администраций. Доля «протестующих» в соответствующих категориях составляет в среднем 44%. Среди жителей региона, «полностью и в основном» одобряющих работу главы области и глав местных администраций, протестный потенциал составляет 5 и 8% соответственно.

Как показали результаты опросов, наиболее высоким уровнем протестных настроений отличаются жители области, негативно оценивающие экономическое положение России (в среднем в 2015 г. – 34%) и области (33%). Доля тех, кто считает экономическую ситуацию в стране и регионе «очень хорошей и хорошей», составляет только 7 и 5% соответственно.

Протестные настроения присущи прежде всего жителям области из семей с низкими доходами (в среднем в 2015 г. – 40%). В группе населения, считающего собственное материальное благосостояние «очень хорошим и хорошим», протестный потенциал находится на более низких отметках (6%).

Потенциал протеста наиболее высок среди населения, относящего себя к категориям «бедных» и «нищих» (в среднем в 2015 г. – 33%). В группе «богатых» и «среднеобеспеченных» только 9% жителей области допускают возможность своего участия в протестных выступлениях. На протяжении всего периода измерений потенциал протеста среди «бедных и нищих» превышал соответствующий показатель среди «богатых и среднеобеспеченных» в 1,2–1,5 раза. В 2010 году этот разрыв составил 2,5 раза, в 2014 – 3,1 раза, в 2015 – 3,7 раза. Это произошло благодаря увеличению доли «протестующих» среди лиц с низким экономическим статусом.

Наибольшая склонность к протестным проявлениям отмечается среди жителей региона, отличающихся низким уровнем покупательной способности («денег хватает в лучшем случае на еду» – 34%). Причём в 2015 году протестные настроения в данной категории усиливались.

Наибольшую потенциальную склонность к участию в массовых выступлениях по критерию «социального самочувствия» проявляет население, испытывающее отрицательные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску», в среднем в 2015 г. – 45%). При этом доля «протестующих» в данной категории по сравнению с 2014 годом заметно выросла.

Потенциальной протестной активностью отличается и довольно значительная часть населения области с низким уровнем социального терпения («терпеть наше бедственное положение уже невозможно» – в среднем 59%). Причем по сравнению с 2014 годом протестные настроения в данной категории усилились.

Таким образом, в результате социологических измерений было выявлено, что в среднем в 2015 году примерно каждый пятый житель области высказывал намерение участвовать в протестных акциях. Группы риска – жители области в возрасте от 30 до 55 лет и старше, представители 20%-ой категории наименее обеспеченных людей, жители Вологды и Череповца. В данных категориях протестный потенциал превышает среднеобластной показатель. Более того, протестные настроения усиливаются среди жителей области, негативно характеризующих социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и регионе, собственное материальное положение; не одобряющих деятельность властных структур; испытывающих отрицательные эмоции.

Обобщённый анализ всех групп факторов, определяющих формирование и развитие социальной напряжённости в обществе, показывает наличие реальных предпосылок для ослабления стабильности в регионе и стране в целом. Хотя есть основания полагать, что масштабные

проявления деструктивных форм социальных взаимодействий, конфликтов, социально-политических «взрывов», т. е. резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые, станут ближайшей перспективой внутриполитической обстановки в стране, наличие отмеченных предпосылок остаётся предметом дальнейших исследований [3].

Основными условиями снижения уровня социальной напряжённости в обществе, исключения возможности перерастания латентного недовольства в волнения и беспорядки и, тем самым, обеспечения социальной стабильности и консолидированности являются: оптимизация деятельности государственных органов управления на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), повышение ее эффективности в сфере решения социально-экономических проблем и контроля за соблюдением принципа равенства всех перед законом.

Литература

1. Ильин, В.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 18-32.
2. Самушкин, А.И. Социальная напряжённость как общественно-политическое явление / А.И. Самушкин // Проблема социальной напряжённости: материалы международной научно-практической конференции 5-6 июня 2010 года. – Пенза – Ереван – Прага. – 2010. – С. 10-13.
3. Шабунова, А.А. Общее и частное социальной стабильности региона (на примере Вологодской области) / А.А. Шабунова, И.Н. Дементьева, В.К. Егоров // Вопросы безопасности. – 2015. – № 1. – С.110-158. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.1.15401. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_15401.html

Мартищенко Е.В.

Мартищенко Елена Владимировна (Беларусь, Минск) – научный сотрудник, Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, marti.74@mail.ru)

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ АЭС

Аннотация. В статье представлены результаты социологического опроса населения Беларуси по вопросам строительства Белорусской АЭС. Выявлены региональные различия в степени поддержки строительства Белорусской АЭС.

Ключевые слова: общественное мнение, ядерная энергетика, энергобезопасность, техногенные аварии на АЭС, экологическая безопасность.

Строительство в Беларуси атомной электростанции повысило внимание общественности к теме ядерной энергетике, т. к. ядерная энергетика, с одной стороны, является одним из наиболее экологически чистых и дешевых источников энергии, с другой стороны, ее использование несет в себе серьезные техногенные риски. Ряд аварий на различных АЭС, в особенности на Чернобыльской, заставил человечество серьезно задуматься над проблемами ядерной энергетике. Мнения и предложения по этой проблеме диаметрально противоположны: от полного запрета на строительство АЭС и вывода из эксплуатации уже действующих до необходимости модернизации построенных с целью повышения их безопасности и строительства новых, с меньшими уровнями техногенных рисков за счет более современных реакторов нового поколения, ужесточения ответственности за нарушения правил их эксплуатации и повышения защищенности этих станций от природных катаклизмов, техногенных катастроф и террористических посягательств.

Как показывает практика развития национальных энергетических отраслей, мир все больше склоняется ко второй точке зрения на проблемы ядерной энергетики. На сегодня в мире действует более 440 ядерных энергоблоков, строится еще 45 новых в Китае, Японии, Иране, Южной Корее и других странах. Ни одна страна, кроме Украины и Литвы, после Чернобыльской трагедии полностью не остановила действующие АЭС, были лишь усилены меры безопасности по их эксплуатации, с особым акцентом на человеческом факторе.

Во всех странах, развивающих ядерную энергетику, пристальное внимание уделяется изучению общественного мнения, а вместе с этим просвещению населения, информационно-разъяснительной работе, выступлениям специалистов в СМИ, введению спецкурсов в учебных заведениях и др. Однако единой методики изучения общественного мнения по данной проблеме нет. Это связано с необходимостью учета конкретных условий, всей совокупности изменяющихся факторов, развитости каналов выражения общественного мнения, в частности структур гражданского общества и остроты дискуссий по тематике исследований.

Во всем мире, в том числе в высокоразвитых странах, активную работу ведут различные антиядерные организации – вокруг атомных электростанций искусственно создается нервная обстановка. Они спекулируют на возможных негативных последствиях, не учитывая новые достижения в области ядерной энергетики (используются новейшие технологии в строительстве АЭС, реализуются передовые проектные решения, гарантирующие в дальнейшем безопасную эксплуатацию Белорусской АЭС и др.). Есть все основания понимать действия антиядерных организаций как попытки привлечения внимания к себе, завоевание популярности в политической борьбе в стремлении к власти. К сожалению, эти усилия находят отклик у некоторой части населения, как правило, у тех слоев, которые в силу недостаточного образования или каких-либо психологических факторов не могут глубоко вникать в новые технологии в области

ядерной энергетики. Отсюда возникает вероятность протестных акций, которые пытаются возбудить члены антиядерных организаций во всем мире, в том числе и в Беларуси. Можно допустить, что и после завершения строительства Белорусской АЭС и ввода ее в эксплуатацию различные антиядерные силы попытаются в очередной раз организовать акции протеста. В связи с этим проводимый с 2005 года Институтом социологии НАН Беларуси социологический мониторинг общественного мнения по вопросам развития ядерной энергетики в Республике Беларусь и восприятия населением строительства АЭС имеет огромное значение¹.

За период проведения социологического мониторинга изучался достаточно широкий спектр вопросов: 1) выявлена в динамике степень информированности разных категорий населения республики по проблематике развития ядерной энергетики в современном мире; 2) определена динамика изменения степени осведомленности населения о новых технологиях, конструктивных особенностях последнего типа реакторов, экологической безопасности и себестоимости электроэнергии АЭС; 3) выяснен уровень понимания сложившейся ситуации в топливно-энергетическом комплексе страны: проблем с импортом энергоресурсов, основных путей обеспечения ресурсами, развития производственных мощностей, реализации принципов энергетической безопасности; 4) проведен детальный анализ динамики ранжирования источников информации по данной проблеме, доверия населения к ним и влияния получаемой из них информации на позицию людей относительно развития ядерной энергетики Беларуси; 5) изучена динамика оценок условий и факторов, определяющих различное отношение к строительству АЭС в регионах, социальных группах и демографических категориях; 6) изучена динамика полноты и качества информирования населения по проблеме использования атомной энергии в качестве энергоресурса на разных стадиях

¹ Исследования проводились в рамках выполнения задания 7.3 «Провести социологический мониторинг общественного мнения по вопросам развития ядерной энергетики в Республике Беларусь и восприятия населением строительства АЭС» Государственной программы «Научное сопровождение развития атомной энергетики в Республике Беларусь на 2009–2010 годы и на период до 2020 года».

ее практического задействования (принятие решения, начало строительства, ожидания от ввода 1 блока, полного ввода АЭС в энергосистему страны) и др. Центральной задачей данного социологического мониторинга является изучение динамики отношения населения к использованию атомной энергетики и строительству АЭС в Беларуси. На каждом этапе данного исследования респондентам задавался вопрос: «Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?», в 2013 году в инструментарий был добавлен вопрос уже непосредственно об отношении к самому строительству: «Как Вы лично относитесь к начавшемуся в Островецком районе строительству белорусской АЭС?»

В исследовании 2015 года ставилась задача сравнительного характера, а именно – выявить текущие оценки и, сопоставив с данными предыдущих замеров, определить тенденции их изменения.

Результаты исследования, проведенного в мае 2015 года, показали, что существенных изменений в распределении ответов респондентов на вопрос о необходимости развития ядерной энергетики в Республике Беларусь не произошло (*табл. 1*).

Таблица 1. Динамика общественного мнения по проблемам ядерной энергетики (в % от числа опрошенных)

Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?	2005 г.	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Да	28,3	28,8	54,8	57,0	59,4	53,5	47,6	49,8	47,8
Нет	46,7	41,8	23,0	19,6	24,7	21,1	18,8	19,7	19,4
Затрудняюсь ответить	25,0	28,6	21,8	22,5	15,8	25,2	33,3	30,3	32,4
Нет ответа	–	0,8	0,4	0,9	0,1	0,2	0,3	0,2	0,3

Так, количество и сторонников, и противников ядерной энергетики по сравнению с прошлым годом немного уменьшилось (с 49,8 до 47,8% и с 19,7

до 19,4% соответственно). Данное уменьшение не является статистически значимым и находится в пределах ошибки выборки ($\pm 2,5\%$). Такая же ситуация и с количеством респондентов, затруднившихся ответить на данный вопрос – 32,4% (+2,1%). В итоге можно говорить о том, что с 2013 года отношение населения к ядерной энергетике остается на одном уровне – треть населения все еще не определилась в своей позиции по данному вопросу, а количество сторонников ядерной энергетике по-прежнему более чем в два раза превышает количество её противников.

Среди социальных категорий наиболее активными сторонниками строительства АЭС (показатели выше, чем в среднем по стране) выступают рабочие промышленности и руководители всех уровней – 54,5 и 50,3% соответственно; в стане противников наибольшее количество опять же руководителей всех уровней и предпринимателей – 26,7 и 30,8% соответственно.

Согласно инструментарию данного социологического опроса, одним из центральных вопросов является и вопрос о личном отношении респондентов к строительству в Островецком районе первой белорусской АЭС. Распределение ответов на данный вопрос представлено в *таблице 2*.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы лично относитесь к начавшемуся в Островецком районе строительству белорусской АЭС?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Всего	В том числе по регионам:							
		г. Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.:		Минская обл.	Могилевская обл.
						Всего	В т.ч. Островецкий р-н		
Положительно	20,7	16,9	19,0	10,6	23,4	28,7	54,3	25,5	22,3
Скорее положительно	38,4	31,9	42,5	43,2	39,7	42,1	27,0	37,0	35,0
<i>Сумма положительных ответов</i>	59,1	48,8	61,5	53,8	63,1	70,8	81,3	62,5	57,3
Скорее отрицательно	10,7	16,0	11,0	8,4	8,3	10,8	6,3	6,6	12,9
Отрицательно	12,6	20,6	10,9	8,3	16,3	12,2	6,3	7,5	9,1
<i>Сумма отрицательных</i>	23,3	36,6	21,9	16,7	24,6	23,0	12,6	14,4	22,0

Вариант ответа	Всего	В том числе по регионам:							
		г. Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.:		Минская обл.	Могилевская обл.
						Всего	В т.ч. Островецкий р-н		
<i>ответов</i>									
Затрудняюсь ответить	16,4	14,0	13,9	29,1	10,1	6,1	6,0	22,6	19,4
Нет ответа	1,2	0,6	2,7	0,4	2,1	—	—	0,8	1,3
<i>Неопределенное отношение</i>	17,6	14,6	16,6	29,5	12,2	6,1	6,0	23,4	20,7

Назначение данного вопроса заключается в том, чтобы выявить, насколько сегодня общественное мнение различает понятия «строительство АЭС» и «развитие ядерной энергетики». Как видно из таблицы 2, население данные понятия несколько разграничивает. Так, 59,1% всех опрошенных выразили положительное в целом (сумма ответов «Положительно» + «Скорее положительно») отношение к строительству АЭС, 23,3% – отрицательное и 17,6% – неопределенное («Затрудняюсь ответить» и «Нет ответа»).

Что касается региональных различий в ответах респондентов на вопрос об их отношении к строительству Белорусской АЭС, то можно выделить Гродненскую область как наиболее положительно настроенную в этом вопросе (70,8%) и Островецкий район (81,3%) – это, скорее всего, можно объяснить их близостью к площадке строительства АЭС и общей тенденцией данного региона. Значительно меньшей поддержкой строительство АЭС пользуется в Витебской области (53,8%) и городе Минске (48,8%). В остальных областях данный показатель находится практически на уровне среднереспубликанского. В плане отрицательного отношения к строительству можно выделить город Минск (здесь наибольший показатель – 36,6%), Минскую область (14,4%) и Островецкий район (наименьший по республике показатель – 12,6%).

Использование результатов данного мониторинга позволяет руководству страны и отрасли глубоко и всесторонне рассмотреть в динамике специфику общественного мнения по данной проблеме: что и из каких источников граждане знают о «плюсах» и «минусах» ядерной энергетики, что

они ожидают позитивного и чего боятся, каких ждут гарантий, в какой мере и почему они «поддерживают – не поддерживают» строительство АЭС, каковой будет их поведенческая мотивация и гражданская позиция после введения АЭС в эксплуатацию в ходе различных политических кампаний; как это строительство, по их оценкам, отразится на экологической, экономической, социальной и политической ситуации в республике. Результаты также позволяют увидеть специфику общественного мнения по различным вопросам относительно ядерной энергетики в разрезе региональном и по социальным категориям, что даст возможность с наибольшей эффективностью организовать и провести необходимую здесь информационную и разъяснительную работу с населением, профилактировать возможную социальную напряженность в регионе, где проходит строительство АЭС, и по республике в целом. Используя результаты данного социологического мониторинга, руководство отрасли сможет принимать и реализовывать необходимые решения с учетом реалий общественного мнения, а, следовательно, с минимальными риском и возможными социально-экономическими и политическими издержками.

Каминский В.С.

Каминский Вадим Сергеевич (Россия, Вологда) – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, 56а, FBCDE56B@yandex.ru)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье доказывается, что общественно-политические настроения населения имеют территориальную специфику. В крупных городах, по сравнению с муниципальными районами, лучше оценки политической ситуации в стране, выше уровень общественно-политической активности.

Информационная база исследования – данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Ключевые слова: мониторинг общественного мнения, городской округ, муниципальный район, общественно-политическая ситуация, уровень одобрения, партийно-политические предпочтения.

Одним из способов оценки эффективности государственного управления является анализ общественного мнения, который позволяет соотносить результаты управления с потребностями, интересами и ожиданиями населения и, как следствие, корректировать действия властей в соответствии с реальными потребностями жителей [3, с. 99]. Особенное значение имеет осуществление мониторинга оценок политической ситуации.

Целью исследования выступил анализ общественно-политических настроений жителей области, в частности: оценок текущей политической ситуации; оценок деятельности власти (уровень одобрения); партийно-политических предпочтений; степени вовлечённости в общественно-политическую жизнь.

Вологодская область включает в себя 28 муниципалитетов (26 муниципальных районов и 2 городских округа – Вологда и Череповец), различающихся по своему местоположению, состоянию экономической и социальной сферы.

В десяти муниципальных образованиях ИСЭРТ РАН с 1996 года проводит регулярные опросы общественного мнения¹. Несмотря на субъективный характер оценок населения, массовость и мониторинговый режим проведения исследования даёт возможность получить объективные сведения об эффективности государственного управления.

Данные мониторинга выступили информационной базой исследования. Помимо этого, были использованы результаты социологических опросов, проводящихся Левада-Центром.

Эмпирические данные свидетельствуют, что политическая сфера является весьма значимой для жителей области, политические процессы постоянно привлекают их внимание. Так, в 2015 году информацией об экономической и политической жизни интересовались 97% жителей Вологды и районов и 96% жителей Череповца.

Можно констатировать, что суждения о текущей политической ситуации имеют негативную динамику. В 2014–2015 гг. доля тех, кто считает политическую ситуацию в России «благополучной», «спокойной», сократилась в целом по области на 10 процентных пунктов (с 36 до 26%; *табл. 1*), удельный вес противоположных отзывов вырос на 9 п.п. (с 50 до 59%).

Негативный тренд наблюдается на всех территориях региона. Подобные тенденции привели к тому, что в 2015 году негативные оценки повсеместно стали преобладать над позитивными: в Вологде на 21 п.п., в Череповце – на 29 п.п. и в районах – на 42 п.п.

¹ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в 2 крупных городах – Вологде и Череповце, а также в 8 муниципальных районах (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Суждения о политической ситуации в области также ухудшаются: доля позитивных мнений в 2014–2015 гг. снизилась на 8 п.п. в Череповце (с 65 до 57%), на 4 п.п. в Вологде (с 56 до 52%) и на 3 п.п. в районах (с 40 до 37%). Однако оценки положения дел в области более благоприятны, чем относительно ситуации в целом по стране. Так, в 2015 году доля жителей области, позитивно характеризующих политическую обстановку в регионе, на 20 п.п. выше удельного веса подобных отзывов о политическом положении России (46 против 26%). Такая особенность общественного мнения проявляется на всех территориях региона.

В 2015 году суждения в муниципальных районах хуже, чем в крупных городах. Индекс оценок политической обстановки в стране составляет 58 п. в районах против 71–79 п. в крупных городах; индекс оценок политической обстановки в области – 93 против 118–121 п.

Таблица 1. Оценки политической обстановки

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменение (+/-), 2015 к	
									2014	2008
В стране										
Благополучная, спокойная, в %	51,4	41,6	45,9	44,1	39,8	41,4	35,8	25,6	-10	-26
Напряжённая, критическая, взрывоопасная, в %	33,6	43,2	36,7	37,8	43,2	41,3	50,2	58,7	+9	+25
Индекс, в п.*	117,8	98,4	109,2	106,3	96,6	100,1	85,6	66,9	-19	-51
В области										
Благополучная, спокойная, в %	65,8	48,0	56,1	56,4	51,8	52,2	50,5	46,0	-5	-20
Напряжённая, критическая, взрывоопасная, в %	20,9	37,4	27,0	26,6	31,8	34,2	36,2	39,1	+3	+18
Индекс, в п.*	144,9	110,6	129,1	129,8	120	118	122,3	106,9	-15	-38
Источник: Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.										
*Для расчёта индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.										

Самым высоким уровнем одобрения среди органов власти обладает Президент РФ. В 2015 году деятельность главы государства одобряли 86% россиян (по данным Левада-Центра) [5] и 69% жителей Вологодской области (табл. 2). Для сравнения – работу Госдумы одобряют лишь 50% граждан России и 40% жителей региона.

При этом по сравнению с предыдущим годом оценки работы Президента РФ улучшились: доля позитивных отзывов выросла на 5 п.п. как по стране, так и по региону (с 81 до 86% и с 64 до 69% соответственно).

На наш взгляд, высокий уровень одобрения Президента РФ обусловлен в первую очередь проводимым им независимым внешнеполитическим курсом, направленным на повышение статуса России на международной арене. Не случайно жители области считают, что наиболее успешно Президент справляется с задачей по укреплению международных позиций России. В 2015 году индекс успешности деятельности главы государства по решению данной проблемы достиг 119 п. (для сравнения – индекс успешности деятельности по наведению порядка в стране – 112 п., по защите демократии – 100 п., по подъёму экономики, росту благосостояния граждан – 82 п.).

Помимо этого, на оценку деятельности главы государства влияют особенности менталитета россиян [4, с. 39]. Исторически Россия всегда тяготела к самодержавию и патернализму. В менталитете российского общества глава государства всегда имел особый авторитет. Именно с ним во все исторические эпохи связывались надежды россиян. Именно правитель всегда брал на себя ответственность за курс общественного развития [1, с. 171].

Следует отметить, что наименьший уровень одобрения деятельности Президента РФ зафиксирован среди жителей районов (60% против 70% в Вологде и 84% в Череповце).

Таблица 2. Уровень одобрения органов власти, в %

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменение (+/-), 2015 к	
									2014	2008
Президент	73,4	63,8	63,9	58,7	51,7	55,3	64,1	69,0	+5	-4
Председатель Правительства	73,9	66,6	65,3	59,3	49,6	48,9	54,2	58,1	+4	-16
Правительство	58,9	51,0	48,8	45,1	39,7	42,7	48,3	49,4	+1	-10
Губернатор	56,5	46,5	48,0	45,7	41,9	44,4	40,1	39,3	-1	-17
Совет Федерации	46,3	41,4	39,2	35,8	33,6	35,8	40,3	39,1	-1	-7
Глава местной администрации	44,1	42,3	41,6	41,7	36,9	39,8	39,3	38,1	-1	-6
Государственная Дума	42,7	39,1	35,9	34,4	32,8	33,8	36,3	35,5	-1	-7
Законодательное Собрание области	40,5	35,5	34,7	31,7	31,2	34,4	34,3	32,6	-2	-8
Представительный орган местного самоуправления	37,7	36,2	35,1	31,2	27,7	30,2	30,6	28,7	-2	-9
Источник: Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН. Ранжировано по 2015 г.										

Основной формой участия в политической жизни остаются выборы. В 2015 году каждый второй житель региона отметил, что участвовал в них в прошлом году (48%; табл. 3). Наиболее активными избирателями оказались жители Вологды (54% против 46% в Череповце и 45% в районах), что было обусловлено состоявшимися в областном центре выборами в Вологодскую городскую Думу [2].

Таблица 3. Оценка участия населения в мероприятиях в общественной и политической жизни в предыдущем году, в %*

Показатель	2011	2013	2014	2015	Изменение (+/-), 2015 к	
					2014	2011
Выборы	68,3	64,9	41,4	47,7	+6	-21
Коллективное благоустройство, субботники	12,1	15,5	17,1	19,1	+2	+7
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	6,9	6,3	9,9	10,7	+1	+4
Работа ТСЖ, домового комитета (КТОС), совета дома, совета самоуправления	6,1	6,9	8,2	10,6	+2	+5
Деятельность профсоюзных организаций	2,7	3,8	3,5	3,8	0	+1
Подписание обращений, петиций в органы власти	2,7	2,4	2,6	3,8	+1	+1

Проведение избирательной кампании	4,7	5,3	3,7	3,3	0	-1
Деятельность общественных организаций	4,2	2,7	3,5	2,7	-1	-2
Митинги, демонстрации, пикеты	4,1	1,5	1,4	2,5	+1	-2
Деятельность политических партий	1,0	1,1	0,9	0,9	0	0
Деятельность религиозных организаций	0,9	0,6	0,9	0,7	0	0
Забастовки	1,0	0,2	0,3	0,1	0	-1
Ни в чем подобном не участвовал	20,6	29,0	43,7	36,6	-7	+16
Источник: Данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН. *Вопрос задаётся с 2011 г.						

Количество муниципальных выборов, прошедших в 2013 году, в 14,2 раза больше, чем в 2014 (483 против 34), поэтому неудивительно, что электоральная активность жителей районов в 2014 году снизилась (на 9 п.п.: с 54 до 45%).

Степень участия в иных формах политической жизни крайне незначительна. Так, в 2014 подписывало петиции в органы власти 4%, участвовало в проведении избирательной кампании 3% жителей области.

На низком уровне находится протестная активность: на митинги, демонстрации, пикеты выходило 3% населения. Однако потенциал протеста существенно выше: каждый десятый житель области готов выйти на митинг или демонстрацию для защиты своих интересов.

Логика развёртывания протестных акций такова, что в них могут быстро влиться колеблющиеся группы [6, с. 404]. Это почти каждый четвёртый житель области (24% затруднились ответить, что они предпримут в защиту своих интересов).

В деятельности политических партий вовлечён лишь 1% населения. Здесь следует остановиться на отношении населения к партийной системе.

Уровень доверия политическим партиям наиболее низок в сравнении с доверием к другим действующим в стране общественным структурам и институтам власти (17%). По-прежнему примерно каждый третий житель региона полагает, что ни одна из существующих партий не выражает его интересы (32%).

То есть население проявляет скептицизм в отношении существующей партийной системы. Либерализация законодательства о политических партиях (2012 г.), заключающаяся в кардинальном снижении требований к минимальной численности политической партии и упрощении процедуры регистрации [8], привела к размыванию политического поля, его дальнейшей фрагментации, отвлечению людей на видимость волеизъявления при отсутствии шансов реального участия в законодательных и представительных органах власти [7]. Показательно, что уровень доверия политическим партиям снизился по сравнению с 2011 г. (последний год перед изменением законодательства о партиях) на 6 п.п. (с 23 до 17%).

Среди жителей районов наиболее высок удельный вес тех, чьи интересы не выражает ни одна из партий (35% против 27–31% в крупных городах).

Более трети жителей области в 2014 году не участвовали ни в одной из форм общественной и политической жизни (37%), причём их доля по сравнению с 2010 годом выросла на 16 п.п. (с 21 до 37%). Больше всего людей, характеризующихся пассивной позицией, в районах (45% против 28–31% в крупных городах).

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Вопросы политической жизни страны актуальны для населения: подавляющее большинство (97%) проявляет к ним интерес. В то же время эта заинтересованность во многом пассивная: жители региона ограничиваются в основном участием в выборах. Вовлечённость в другие общественно-политических мероприятия (проведение избирательной кампании; подписание петиций в органы власти; участие в митингах, демонстрациях, пикетах; участие в деятельности политических партий) находится на крайне низком уровне (не превышает 4%). Более трети жителей области в 2014 году не участвовали ни в одной из форм общественной и политической жизни (37%).

2. Наиболее представительная категория населения недовольна политической ситуацией в стране: доля отрицательных оценок в 2015 году достигает 59%, положительных – 26%.

Суждения о политической обстановке в регионе более благоприятны (доля позитивных отзывов превышает удельный вес противоположных мнений на 7 п.п.: 46 против 39%), но имеют негативную динамику (по сравнению с 2014 г. индекс снизился на 15 п.: со 122 до 107 п.).

3. Самым высоким уровнем одобрения деятельности из всех органов власти обладает Президент РФ (69%). Это связано в первую очередь с проводимым им независимым внешнеполитическим курсом. Помимо этого, на оценку деятельности главы государства влияют особенности менталитета россиян.

4. Жители региона скептически относятся к существующей партийной системе. Население доверяет политическим партиям меньше, чем другим действующим в стране общественным и политическим институтам. Примерно каждый третий житель региона полагает, что ни одна из существующих партий не выражает его интересы (32%). Можно констатировать, что либерализация законодательства о политических партиях не улучшила отношение населения к партиям.

5. Общественно-политические настроения имеют территориальную специфику. В 2015 году в муниципальных районах оценки хуже, чем в городах, в частности:

- меньше индекс оценок политической ситуации в России (58 против 71–79 п.) и области (93 против 118–121 п.);

- ниже уровень одобрения деятельности Президента РФ (60 против 70–74%);

- наиболее высок удельный вес тех, чьи интересы не выражает ни одна из партий (35 против 27–31%);

- больше доля тех, кто не участвовал ни в одной из форм общественно-политической жизни (45 против 28–31%).

В заключение необходимо отметить, что актуальность вопросов, связанных с общественно-политической жизнью в стране, обуславливает необходимость проведения социологических измерений общественного мнения с целью определения тенденций удовлетворённости населения положением дел в стране, динамикой общественно-политической активности и т. д. Данная информация имеет принципиальное значение не только в научном смысле, но и в практике управленческой деятельности, поскольку предоставляет сведения о субъективных оценках населения, что недоступно официальным статистическим источникам.

Литература

1. Зуйков, А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития [Текст] / А.В. Зуйков // Конституционный вестник. – 2008. – № 1 (19). – С. 171-179.

2. Календарь выборов [Электронный ресурс]: Избирательная комиссия Вологодской области. – Режим доступа: <http://www.vologod.vybory.izbirkom.ru/region/vologod>

3. Каминский, В.С. Общественное мнение как индикатор эффективности государственного управления [Текст] / В.С. Каминский // Проблемы развития территорий. – 2015 – № 79. – С. 97-110.

4. Морев, М.В. О государственном управлении на современном этапе развития российского общества [Текст] / М.В. Морев, В.С. Каминский // СОЦИС. – 2015. – № 10. – С. 39-48.

5. Одобрение органов власти [Электронный ресурс]: Аналитический центр Юрия Левады. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>

6. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России [Текст] / отв. ред. В.В. Маркин. – Новый Хронограф Москва, 2015. – 600 с.

7. Тощенко, Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация [Текст] / Ж.Т. Тощенко // СОЦИС. – 2012. – № 1. – С. 23-35.

8. Федеральный закон от 2.04.2012 №28-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О политических партиях» [Электронный ресурс] // Российская Газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html>.

Яковлева Н.И.

Яковлева Наталья Ивановна (Беларусь, Минск) – младший научный сотрудник отдела социологии социальной сферы, Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, an.nata.an@gmail.com)

ОТНОШЕНИЕ БЕЛОРУСОВ К СТРАХОВОЙ СИСТЕМЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье содержится описание сферы страхования в контексте сложившейся в Беларуси социально-экономической ситуации. Автором представлены результаты проведенного социологического исследования по вопросам отношения населения Беларуси к системе страхования.

Ключевые слова: страхование, риск, социальная защита, социальная политика, страховая активность, результаты исследования.

Система страховой защиты населения является многоуровневой организационно-управленческой структурой, составные элементы которой взаимосвязаны и в своем развитии во многом зависят от динамики социально-экономических изменений в государстве. Основные функции сферы страхования: защитная; предупредительная; сберегательная; контрольная; инвестиционная. Они направлены на поддержание социального благополучия человека. Между тем, в настоящее время систему страхования принято рассматривать не только как комплекс мер защитного характера, но и как систему, ориентированную на формирование в обществе отношения к страхованию как к инструменту инвестирования в сохранение таких ценностей, как жизнь, здоровье, имущество.

В Беларуси сегодня наблюдается ряд социальных противоречий между различными субъектами страхового рынка, а также на основных уровнях системы страхования: а) конфликт интересов национальных страховщиков и

иностранных компаний, которые активно осваивают отечественный страховой рынок; б) столкновение интересов между самими белорусскими страховыми организациями; в) между интересами страховых компаний и реальными страховыми интересами и социальными потребностями потребителя страховых услуг [2, с. 23-25].

Существующая в данном контексте система страхования нуждается в оптимизации, однако только лишь административно-правовых решений будет недостаточно, важным представляется создание системы стимулирования граждан к страховой активности с учетом их потребностей и ожиданий. Следует учитывать и то обстоятельство, что на современном этапе развития общественных систем задача реформирования усложняется постоянно возникающими новыми социальными, политическими и экономическими институтами, более подвижными ценностями и нормами, всевозрастающими рисками. В сегодняшних условиях ограниченного финансирования остро встает вопрос об эффективности функционирования системы страхования, о выборе ее модели, приемлемой для общества, посильной для экономики и соответствующей ожиданиям граждан.

Важным представляется и то обстоятельство, что система социального страхования в настоящий период является фактором снижения социального расслоения, кардинальные её изменения могут усилить поляризацию населения, а также во многом ограничить доступность гарантированных государством минимальных социальных благ. Следовательно, для регулирования социальных отношений в данной сфере необходимы адекватные по сложности методы социальной политики, основанные на изучении национальной системы страхования. Сегодня, к сожалению, она остается недостаточно изученной социологией как наукой, а локальные социологические исследования не могут обеспечить в полной мере реализацию принципа «обратной связи», включая анализ социальных факторов самосохранительного поведения людей, данные об удовлетворенности страховыми услугами, без учета которых невозможно успешно проводить реформы системы страхования.

Реформы, как политические, так и экономические, всегда требуют проявления большой осторожности, поскольку могут вызвать серьезные социальные проблемы. Это связано с тем, что при проведении реформ пороги незащищенности в разных областях жизни поднимаются. Будучи средством, призванным облегчить болезненные явления переходного периода, система социального обеспечения в целом и социального страхования в частности играет ведущую роль в осуществлении экономической реформы. По этой причине любые изменения, затрагивающие функционирование системы социальной поддержки и страхования, могут оказывать глубокое воздействие на социально-экономическое положение государства.

Согласно данным проведенных социологических исследований, граждане Беларуси в большинстве своем не имеют четкого представления о сущности системы социальной поддержки, о механизмах формирования и расходования средств основных бюджетных фондов (страхового, пенсионного, социальной защиты). Система социального страхования воспринимается только как дополнительная финансовая нагрузка на индивида или как налог, а государственные выплаты – как дотации и помощь малообеспеченным. Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что в настоящее время (как и после распада Советского Союза) государство по-прежнему сохраняет ведущие позиции в решении проблем по поддержанию необходимого уровня социальной обеспеченности граждан, тогда как изменения в социально-экономической и демографической сферах привели к ситуации, при которой осуществление достаточной помощи населению со стороны государства крайне проблематично [4, с. 19].

В силу данных обстоятельств становится особенно важным социологическое изучение системы страхования, поскольку пришло осознание того факта, что эффективное функционирование системы связано не только с экономико-правовыми механизмами, но и с социальной проблематикой.

Социологическое исследование по вопросам страхования было проведено ГНУ Институт социологии НАН Беларуси в 2013 году.¹ Целью исследования стало изучение отношения граждан Беларуси к системе страхования, а именно: уровень доверия, степень удовлетворенности существующей системой страхования, причины удовлетворенности/неудовлетворенности, потребность в различных видах добровольного страхования. По репрезентативной национальной выборке было опрошено 1594 человека. Среди опрошенных 45,8% мужчин и 54,2% женщин. В общей структуре респондентов 66% – работающие граждане и 34% – в данный момент не имеют трудоустройства. Лица 16–29 лет составили 25,7% от числа опрошенных, 30–49 лет – 34,9%, лица старше 50 лет – 39,4%. Таким образом, в данной подвыборке пропорционально представлены все возрастные категории респондентов.

Уровень доверия страховым компаниям различной формы собственности (государственная/частная) определялся по оценочной шкале от 1 (одного) до 10 (десяти) (где 1 – минимальная степень доверия, 10 – максимальная). Результаты проведенного исследования показали, что уровень доверия (средневзвешенная) населения Беларуси государственным страховым компаниям составил 6,0 баллов, частным – 3,8 балла. При анализе данных в возрастном разрезе максимальную степень доверия страховым компаниям как частной, так и государственной формы собственности отметили респонденты в возрасте 16–25 лет: 4,5 балла – частным, 6,3 – государственным компаниям; минимальный уровень доверия отмечен респондентами старше 55 лет: 3,7 балла – уровень доверия частным страховым компаниям, 5,7 – государственным.

¹ГПНИ «История, культура, общество, государство» подпрограммы «Социокультурное развитие белорусского общества в современных условиях («Социология»)» на 2011–2015 гг. в соответствии с заданием 3.1.02 «Инновационное развитие отраслей социальной сферы» (науч. рук. – С.А. Шавель).

В настоящее время страхование – это наиболее простой способ стимулировать рост накоплений населения, возместить потери в связи с утратой здоровья или смертью члена семьи, организовать медицинскую помощь в случае болезни. Однако следует понимать, что активность населения в сфере страхования связана с наличием определенного опыта (позитивного или негативного) страховых отношений, и самый большой неэкономический резерв развития системы страхования в Беларуси – это укрепление доверия со стороны населения к страховым компаниям, которое реализуется при возникновении страхового случая и при справедливом решении вопроса о выплате/невыплате страхового возмещения. Без создания позитивного опыта страховых отношений крайне сложно рассчитывать на рост доверия населения к страхованию [1, с. 21-41].

О наличии определенного опыта страховых отношений свидетельствует степень удовлетворенности населения существующей системой страхования. Данные таблицы 1 показывают, что при оценке удовлетворенности преобладают позитивные ответы. Доля негативных оценок (не удовлетворен, скорее не удовлетворен) – 22,4%; доля позитивных оценок (удовлетворен, скорее удовлетворен) составляет 48,4%, более чем в два раза превышая долю негативных оценок. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что каждый пятый опрошенный респондент дал неудовлетворительную оценку в отношении качества страховых услуг. Высокая доля затруднившихся ответить – 29,2% – может быть объяснена тем, что около трети респондентов не имеют опыта страховых отношений.

Таблица 1. Удовлетворенность качеством страховых услуг (% ответивших²).

Степень удовлетворенности	%
Удовлетворен	15,8
Скорее удовлетворен	32,6
Скорее не удовлетворен	10,4
Не удовлетворен	12,0
Затрудняюсь ответить	29,2

²Не ответили 1,3% от числа опрошенных.

Отметим, что степень страхового участия во многом обуславливается такими факторами, как уровень дохода, качество предоставляемых услуг и гарантии их исполнения. Так, по результатам данного исследования, при ответе на вопрос «Если Вы не удовлетворены качеством страховых услуг, отметьте причины неудовлетворенности» были отмечены следующие позиции (в порядке значимости, % от числа ответивших³):

1) сомневаюсь, что принятые обязательства будут исполнены в полной мере – 45,6%;

2) трудно получить страховое возмещение при наступлении страхового случая – 29,5%;

3) высокие цены на страховые услуги – 21,0%;

4) недостаток информации о страховых услугах и страховых компаниях – 13,9%;

5) несправедливые договоры страхования – 10,1%;

6) узкий круг (недостаточное предложение) страховых продуктов – 9,3%.

Оценить потребность в страховой защите позволяют результаты анализа ответов на вопрос «Нуждаетесь ли Вы в страховой защите?» Результаты опроса показали, что потребность в страховой защите проявляют 37,0% респондентов (от числа ответивших, ответило 95,2% от числа всех опрошенных), не нуждаются в страховой защите – 18,1%; не видят смысла в страховании – 16,4%; затрудняются ответить – 28,4% соответственно. Максимальная потребность в страховой защите отмечается у респондентов возрастной когорты 26–35 лет – 45,1%, а минимальная – 28,2% – у лиц старше 55 лет. В то же время уровень доверия страховым организациям группы респондентов 26–35 лет на 10% выше, чем среди респондентов старше 55 лет. Это, возможно, объясняется отсутствием у лиц молодого возраста негативного опыта в сфере страхования, который имеют лица старших возрастов в связи с финансовыми потерями в период распада

³Ответили 35,3% от числа опрошенных.

Советского Союза. Более высокий спрос на страховую защиту среди лиц 26–35 лет, на наш взгляд, может быть обусловлен ещё и тем, что именно в данном возрастном периоде большинство людей начинают активную трудовую деятельность, создают семьи и формируют финансовые накопления.

Наличие выраженной потребности в страховой защите среди населения Беларуси (37%) даёт основания предполагать, что развитие и формирование взаимовыгодной системы страховых отношений (гарантированное предоставление выплат при наступлении оговоренных в договоре страхования событий) воспримется в обществе позитивно.

Очевидно, что факторы и причины, препятствующие формированию позитивного опыта страховых отношений, следует рассматривать и изучать в динамике, поскольку они во многом подвержены влиянию постоянно меняющейся внешней социально-экономической среды. Изучение страхового поведения населения, потребностей в страховании, условий их удовлетворения, а также причин негативного отношения к страхованию необходимо при разработке и выборе стратегии для формирования национальной страховой политики. Особенность системы страхования заключается в том, что она, выполняя функции социальной защиты, сочетает в себе личную ответственность граждан за свое благополучие и солидарную взаимопомощь [3, с. 21-23]. Установление института страховой защиты, его развитие, вне всякого сомнения, способствуют укреплению социальной стабильности и являются достижением любого общества.

Литература

1. Мазаева, М.В. Рискологическая природа страховой защиты: социологический аспект / М.В. Мазаева // Социально-экономические проблемы Тюменской области: сб. науч. тр. – Тюмень, 2002. – С. 53-65.

2. Мазаева, М.В. Исследование возможностей повышения деловой активности страховых компаний на рынке / М.В. Мазаева, Л.С. Киселева //

Социально-экономические проблемы Тюменской области: сб. науч. тр. – Тюмень, 2002. – С. 23-25.

3. Среднесрочная перспектива финансовой устойчивости государственных внебюджетных фондов / Комитет Совета Федерации по социальной политике. Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации // Аналитический вестник. – 2012. – № 5. – 257 с.

4. Шавель, С.А. Социальная политика суверенной Беларуси / С.А. Шавель, Р.А. Смирнова; Акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 1996. – 234 с.

Барсукова Мария Евгеньевна (Россия, Иркутск) – помощник депутата, Дума города Иркутска (г. Иркутск, ул. Академическая, 12, Maria777-07@mail.ru)

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ О СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация. В статье представлен механизм формирования общественного сознания на разных уровнях в условиях современных миграционных процессов при решении геополитических задач социальной интеграции мигрантов в рамках концепции устойчивого развития мировой цивилизации.

Ключевые слова: миграционные процессы, устойчивое развитие, формирование общественного сознания.

В начале XXI века мировая цивилизация столкнулась с массой угроз для своего развития. Проблемы, связанные с геополитическим первенством на мировой арене, перенаселением, угрозы со стороны террористических организаций, борьба с бедностью меркнут по сравнению с глобальными экологическими проблемами. Вопросы, требующие осмысления и касающиеся не только экологического состояния нашей планеты, но и возможностей мирного сосуществования в условиях значительного изменения состава населения, остаются в числе приоритетных при определении пути развития мировой цивилизации. В этом смысле говорится о демографических последствиях миграционных процессов, бурно протекающих в современном мире и, соответственно, находящих отражение в общественном сознании.

Общественное сознание представляет собой внутреннюю сущность общественного бытия в соответствии с потребностями и интересами людей.

Рассмотрим более подробно механизм его формирования. Общественное сознание включает три уровня: психологический, обыденный (эмпирический) и духовный (теоретический, интеллектуальный, разумный), в каждом из которых переплетены познавательная (отражение, воображение, оценка) и управленческая (проектирование, регуляция, корректировка) стороны [4, с. 155]. Общественное сознание значительно влияет на характер умонастроения, соответственно, для осуществления геополитики признается важным не только рассмотрение миграционных процессов как данности современной цивилизации, но формирование общественного сознания таким образом, чтобы дальнейшее развитие мировой цивилизации было возможным.

Мировое сообщество призвано объединиться для решения обозначенных проблем. Основой становится общественное сознание духовного уровня. Созданный в 1968 году Римский клуб регулярно представляет прогнозы развития мировой цивилизации, а конференции по устойчивому развитию позволяют мировому сообществу совместно разрабатывать приоритетные направления совместных действий. Концепция устойчивого развития предполагает триединую основу, включая экономическое, социальное и экологическое развитие. По этому поводу в Стокгольме в 1972 году, в Рио-де-Жанейро в 1992 году проходили конференции под названием «Планета земля», в 2002 году в Йоханнесбурге (ЮАР) состоялась Всемирная встреча на высшем уровне, а в 2012 – встреча на высшем уровне «Рио +20» – снова в Рио-де-Жанейро. Следует отметить, что приоритетным направлением деятельности на протяжении всего времени признавалось решение социальных задач в развивающихся странах.

В 2015 году в рамках 70-й юбилейной сессии Генеральной ассамблеи Организации объединенных наций в Нью-Йорке прошел очередной саммит по устойчивому развитию. По его результатам было определено 17 целей [7], а также утверждена новая повестка дня, определяющая развитие мира на

последующие 15 лет до 2030 года. Теперь приоритетной становится взаимосвязь основных элементов устойчивого развития – экономического роста, социальной интеграции и защиты окружающей среды. Одна из целей, определяемая как «содействие построению миролюбивых и открытых обществ ..., обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных учреждений...» [7], провозглашена под лозунгом «Мир, правосудие и эффективные институты» и предопределяет работу по созданию гармоничных обществ равных возможностей.

Именно здесь отображается связь с современными миграционными процессами, значительно трансформирующими традиционные общества путем перемещения масс населения с одними культурными ценностями на территории с иными. Ситуация осложняется тем, что не всегда государства-реципиенты при этом способны «переварить» вновь прибывшее население, поэтому вынуждены мириться с образовавшимися на территории «зонами мигрантов». А потому формирование общественного сознания, готового к социальной интеграции мигрантов, – задача не из легких, она требует включения всех уровней общественного сознания для своего решения. Таким образом, общественное сознание проявляется на психологическом уровне, разновидностью которого зачастую выступает массовое сознание. Массовое сознание активизируется в условиях кризиса, при возникновении значительной проблемы, требующей незамедлительного решения или выводящей общественные массы из состояния равновесия [3]. Иными словами, чем значительнее социальное потрясение, тем активнее начинает работать массовое сознание.

Между тем, на общем фоне миграционных процессов всегда существуют отдельные интересы на прочих уровнях социальной организации: государственном (национальном), региональном, локальном или муниципальном, а также отдельные интересы конкретных личностей или социальных групп. Для продвижения своих интересов можно использовать разные методы. Одним из наиболее эффективных в современном

геоинформационном пространстве представляется воздействие на общественное сознание путем управленческой его формы.

Рассмотрим более подробно механизмы влияния властных структур на общественное сознание. Прежде всего следует говорить о политико-правовом аспекте, закреплённом в нормативно-правовых актах, действующих на всех уровнях власти и формирующих общественное сознание в его регулирующем аспекте. В числе основных документов в правовом поле РФ действуют Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [2], Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года, концептуально базирующейся на фундаментальной идее о России как о государстве-нации и одновременно государстве-цивилизации. Кроме того, Президент РФ подписал Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений». Закон акцентирует внимание на деятельности органов государственной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления, к которым отнесены соответствующие полномочия в сфере межнациональных отношений, такие как: укрепление межнационального и межконфессионального согласия; предотвращение дискриминации по признакам национальной, языковой или религиозной принадлежности; социальная и культурная адаптация мигрантов.

В современных условиях геоинформационного общества мы оказываемся в ловушке стереотипов, спускающихся через средства массовой информации. Четвертая власть в этом смысле не осталась безучастной, специально для ее представителей разработан «Этический кодекс», согласно которому «цель работы журналиста – не замалчивать факты и проблемы, а снизить градус напряженности в обществе, привить согражданам интерес и

уважение к истории и культуре народов, населяющих Россию, настроить аудиторию на созидание стабильного многонационального общества» [1].

Поскольку объектом нашего внимания выступают миграционные процессы, то необходимо затронуть и уровень международных документов и организаций, осуществляющих деятельность на мировой арене и создающих основу для формирования общественного сознания на иных уровнях государственного управления. Это касается регионов, входящих в состав отдельных организаций, содружеств, прочих политических образований. В иных случаях, когда государства изолированы от межгосударственных соглашений, у них складывается свой взгляд на происходящие процессы либо им прививают определенное видение.

Говоря о геополитике в правовом аспекте, важно подчеркнуть, что речь идет о формировании политического сознания граждан на уровне государства и управленческих структур (субъектов геополитики). Одновременно с этим следует сказать о встречающемся несоответствии взглядов непосредственно правителей в лице отдельных личностей и взглядов народонаселения территорий. Этот вопрос лежит в плоскости термина народной дипломатии, когда установление контактов между странами происходит не только согласно официальным действиям властей, но осуществляется посредством общения граждан одной страны с представителями иных государств. Здесь возникает потребность в формировании общественного сознания как объективного понимания происходящих процессов на психологическом уровне.

Следующим уровнем общественного сознания выступает обыденное сознание, формирующееся на индивидуальном уровне под воздействием влияния общества и представляющее собой сознание групп, классов, страт, правящей элиты и т. п., которые вместе образуют обыденное сознание народа (общества) [4, с. 157]. В системе маркетинга существует понятие пропаганды, где в качестве отдельных путей рассматривается не только система государственного оповещения через средства массовой информации или

социальной рекламы, но именно простое общение между гражданами в рамках семьи или трудового коллектива, общение между соседями и дружеское общение. Именно такой путь представляется, с одной стороны, достаточно действенным, поскольку основан на доверии, а с другой – опасным, поскольку случайно распространенная мысль может проникнуть в сознание отдельного индивидуума и быть воспринята иначе, чем предполагалось.

В современных условиях глобализации массовое сознание имеет определяющее значение при проведении геополитики. Миграционные процессы, бурно протекающие на территории современного пространства, находятся под непосредственным влиянием массового сознания, присущего той или иной социальной группе в отдельном регионе. В этом смысле формирование общественного мнения о государстве-реципиенте или территории исхода играет решающую роль не только в направлении миграционных потоков, но и в процессе адаптации мигрантов, характере интеграции в новый социум и восприятия мигрантов в нем со стороны местных жителей.

На разных уровнях и в отдельных аспектах прослеживается формирование общественного сознания путем деятельности НКО, в числе которых национально-культурные центры. Образовательные структуры оказывают первостепенное значение при формировании сознания детей, подростков и молодежи. В этом отношении важно своевременно провести мониторинг текущей миграционной ситуации и подготовить соответствующие программы по социальной интеграции. Роль религиозных организаций отражается на духовном уровне сознания. Научные учреждения призваны обобщить и систематизировать информацию, обеспечить объективную оценку и предложить эффективный путь формирования общественного сознания таким образом, чтобы дальнейшее совместное проживание на территории геопространства было комфортным для каждого отдельного человека, вне зависимости от принадлежности к определенной

социальной, этнической, конфессиональной, религиозной или иной группе (в рамках закона).

В связи с этим на государственном или даже межгосударственном уровне необходимо четко осознавать, что мы хотим от дальнейшего совместного проживания в глобализирующемся пространстве. В современных условиях, когда устойчивое развитие признается основным вектором движения современной цивилизации, а проблемы экологической опасности, угрозы террористических актов, национальная безопасность и иные факторы международного значения находятся в тесной связи с миграционными процессами, поскольку именно человеческие ресурсы являются проводниками этих угроз, особенно важно действовать в рамках одного информационного поля, сформированного общественным сознанием.

Таким образом, только слаженная работа всех социальных институтов, направленная на формирование общественного сознания нового типа, может значительно упростить процесс интеграции мигрантов в социальную среду конкретного территориального образования, при этом сохраняя культурные идентичности отдельных социальных групп как уникальных в своем роде, а также способствуя решению обозначенных в концепции устойчивого развития идей об «удовлетворении потребностей нынешнего поколения, без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [5] в дальнейшем.

Литература

1. Зорин, В.Ю. Экономические факторы гармонизации национальных и межэтнических отношений в современной России [Электронный ресурс] / В.Ю. Зорин // Фонд развития национальных и федеративных отношений «Сближение». – URL: <http://fond-sblizhenie.ru/v-zorin-ekonomicheskie-factory-garmonizacii-nacionalnyx-i-mezhetnicheskix-otnoshenij-v-sovremennoj-rossii/>

2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // ИПС

ГАРАНТ.РУ. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz427xlPCox>

3. Ольшанский, Д.В. Психология масс [Электронный ресурс] / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с. – URL: http://bookap.info/sociopsy/olshanskiy_psihologiya_mass/gl5.shtml

4. Система общественного сознания. Социальная философия: [Электронный ресурс]: учебник. – 437 с. – URL: <http://bibl.tikva.ru/base/B1772/B1772Part30-154.php>

5. Справочник технического переводчика [Электронный ресурс] / ДИК Академик. – URL: http://technical_translator_dictionary.academic.ru/

6. Стратегия национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/

7. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] / Организация объединенных наций: официальный сайт. – URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/yols/>

Попова М.В.

Попова Марина Владимировна (Россия, Иркутск) – студент 1 курса магистратуры, направление «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (664011, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, bobrovskaya_marina93@mail.ru)

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ)

Аннотация. В статье рассматривается трансформация понятия бренда, выделено понятие брендинг территории. Обозначена важность данного явления для российских городов, в частности сибирских территорий. Приведены примеры проектов брендинга в Сибири, выявлены проблемы разработки концепций брендов.

Ключевые слова: бренд, брендинг территории, опыт территориального бренда Сибири, целевые группы потребителей.

В современных условиях растущей конкурентоспособности каждая территория вынуждена искать способы привлечения необходимых ресурсов. Становится актуальной задача разработки и осуществления маркетинговых стратегий. Города, регионы и страны с помощью брендинга пытаются повысить популярность своей территории, привлечь инвестиции и новых специалистов. И тут большинство регионов, не зная, что брендинг территории – долгосрочный проект, к которому нужен стратегический подход, считают, что смогут привлечь целевые группы с помощью логотипа и слогана.

В России термин «бренд территории» появился не так давно, и сегодня уже это явление стало новым модным трендом в политике. В 2008 году была принята «Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства» [1], что также усилило

интерес в данном направлении. Термины «бренд», «брендинг» стали употреблять многие политики.

На деле получается, что большинство городов и регионов в России имеют слабо выраженный имидж. Отсутствуют необходимая информация о городах, реклама территорий, не очерчены их конкурентные преимущества, имеет место неграмотное их продвижение [3]. Все это дает отрицательную оценку территории. При этом для любой целевой группы важны имидж и репутация территории, на которую они имеют какие-либо планы, будь то место учебы, работы, жительства либо инвестирование.

Для привлечения любой группы потребителей необходима целенаправленная разработка концепции бренда территории, а это долгая, глубокая и систематическая работа. «Бренд города невозможно построить как дом, – замечает Д.В. Визгалов. – Его можно вырастить – как дерево. Он может возникнуть в том случае, если городское сообщество проводит работу по поиску и системному использованию своих конкурентных преимуществ – чтобы соответствовать спросу на них со стороны собственных жителей, а также гостей города, инвесторов и других целевых групп» [2, с. 38].

В современном мире в условиях глобализации информационные потоки делают наш мир более быстрым. В. Штепа в своих статьях говорил: «Дабы не раствориться в потоке глобальной, усредненной масс-культуры, каждый регион просто вынужден создавать свой уникальный бренд, узнаваемый в мировом контексте» [4].

Анализ литературных источников показал различные подходы к формированию понятия «бренд». Если в 1950-х годах Д. Огилви понимал термин «бренд» в основном как знак, способствующий восприятию и пониманию товара, то к концу 90-х годов бренд стали воспринимать как сложное явление, включающее в себя следующие компоненты:

- сопоставление товара и производителя;
- конкурентные преимущества товара;
- впечатления, возникающие при упоминании товара.

Получается, что бренд – это сформированный у потребителя образ, состоящий из набора положительных ассоциаций, благодаря которым человек понимает, что этот товар ему необходим.

Под брендингом будет пониматься управление процессом создания нужного образа в сознании потребителя и контроль за ним.

На наш взгляд, более точное определение понятия «бренд территории» дает Ф. Котлер. По его мнению, бренд территории – это совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории [5].

Если в Европе и Соединённых Штатах интерес к брендингу территорий как практической деятельности появился примерно с 1970-х годов, то в России про брендинг территории начали говорить только в начале XXI века [6]. Причинами тому послужили увеличение ответственности и повышение самостоятельности местных властей. Это вызвало рост конкуренции между городами на внешнем и внутреннем рынках.

Популярность брендинга стала расти, в стране начали проводиться различные форумы на эту тему. Но если рассматривать примеры проектов бренда городов, то большинство из них находятся в центральной части России. Намного хуже обстоят дела в Сибири. Денис Визгалов отмечает, что «проблема не только в грязных производствах, но и в климатических условиях, в очаговом расселении, в безумных расстояниях между городами, слабом инфраструктурном каркасе» [3]. Александр Панкрухин говорит, что городам Сибири сейчас важнее сохранить на своей территории уже имеющиеся ресурсы, заниматься внутренним продвижением, ориентированным на жителей [6].

Из всех сибирских городов можно назвать лишь несколько, где делаются попытки создания собственного бренда. Одним из них является

город Томск. Работа проводилась поэтапно. Сначала была создана «Концепция развития туризма и гостеприимства», далее – принята программа «Внешнее позиционирование Томска». В 2009–2011 гг. на внешнее позиционирование было выделено около 25 млн рублей [8]. Разрабатывалась и производилась полиграфическая и сувенирная продукция с символикой города, снималась социальная реклама. Целью брендинга стало создание платформы будущего бренда на основе выбранных целевых групп.

И на самом деле, туристическая активность в Томске за последнее время возросла. Томск позиционирует себя как город с уникальным инвестиционным и экономическим климатом. Была создана Техно-внедренческая особая экономическая зона (ТВЗ), получившая название «Фабрика интеллекта» и оказавшаяся началом для формирования бренда. Город стал настоящей «кузницей кадров». В Томске самая высокая доля работников с высшим и средним образованием от общего числа занятых: на 10 тыс. человек экономически активного населения приходится 151 исследователь [8] (для примера: в России – 69, Японии – 102).

Не осталась в стороне Республика Бурятия. 2013 год для республики был годом туризма и гостеприимства. В рамках данной концепции разработан бренд-бук, который свободно использовался заинтересованными структурами. Целью данного бренда стала не экономическая составляющая, а большой тираж и узнаваемость эмблемы [7, с. 40].

Столица Бурятии – город Улан-Удэ – также работает над вопросом по созданию собственного бренда. Недалеко от города было найдено городское поселение. Его называют «гуннское городище». Благодаря такой археологической находке Улан-Удэ может постареть почти на две тысячи лет. Власти города решили воспользоваться данным открытием и начали оформление нового возрастного статуса города. Теперь город может претендовать на звание самого древнего в России. Власти понимают, что такой статус послужит увеличению туристического потока в город.

Рассмотрим примеры, касающиеся Иркутской области. На всех продуктах местного производства появилась одинаковая эмблема – зелёная кедровая шишка с надписью «Продукты Приангарья. Создано вместе с природой». Проект является некоммерческим, производители могут свободно использовать указанную эмблему на своей продукции. Данный кейс также теряет свою экономическую функцию ради широкого распространения [7, с. 46].

У самого Иркутска в настоящее время нет единого сформированного бренда. Существуют различные варианты проектов, созданные общественностью. Ни один из них не нашёл поддержку у властей.

Похожую ситуацию можно наблюдать в других крупных городах Сибири. Новосибирск, в целях экономии бюджета, предложил разработать внешний облик жителям города. Был объявлен конкурс, по итогам которого отобраны несколько бренд-буков. На сегодняшний день у города нет сформированного внешнего облика.

Красноярск, в сравнении с Новосибирском и Иркутском, продвинулся чуть дальше. Выпускница Института архитектуры и дизайна СФУ презентовала дизайн-проект бренда города мэру. Официально бренд не был принят, но в случае его одобрения он может стать основой для разработки единой концепции города [9].

Среди всех сибирских регионов первым официально приняла бренд Омская область. На разработку концепции было потрачено 12 млн рублей. Эмблемой региона стала медвежья лапа с елями вместо ногтей и слоган: «Омский регион – открытая Сибирь» [9].

Формирование бренда территории создает условия для развития потенциала региона, для роста эффективности его использования, повышения конкурентоспособности территории. Продвижение бренда способствует росту его узнаваемости, а следовательно – росту числа потенциальной целевой аудитории (инвесторов, туристов, потребителей товаров и услуг, предпринимателей и т. п.).

Для Сибири брендинг территории – достаточно новое явление, и власти не представляют, как с ним работать. Проблема заключается в том, что брендинг на большинстве территорий носит стихийный характер. Это объясняется нехваткой опыта, информации и специалистов. Большинство регионов, не зная, что брендинг территории – долгосрочный проект, к которому нужен стратегический подход, считают, что смогут привлечь целевые группы с помощью логотипа и слогана. Сибирским регионам необходимо вести работу, ориентированную на внутренние целевые группы.

Литература

1. Баженова, Е.Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах/ Е.Ю. Баженова // Terra economicus. – 2013. – № 3-2. – С. 11-20.
2. Визгалов, Д.В. Брендинг города / Д.В. Визгалов. – Москва: Институт экономики города, 2011. – 155 с.
3. Визгалов, Д.В. Позиционирование города: поиск городской идентичности и разработка концепции бренда / Д.В. Визгалов // Муниципальная власть. – 2014. – № 2. – С. 26-33.
4. Зязина, В.А. Принципы территориального брендинга / В.А. Зязина // Бренд-менеджмент. – 2010. – № 5. – С. 291-301.
5. Котлер, Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005. – 382 с.
6. Панкрухин, А. Брендинг городов: лучшие практики. Взгляд из Барселоны и Лондона / А. Панкрухин // Муниципальная власть. – 2012. – № 1. – С. 18-20.
7. Плотникова, М.М. Территориальный брендинг: от герба до бренда (на примере Иркутской области) / М.М. Плотникова. – Иркутск: Из-во ИГУ, 2013. – 103 с.

8. Администрация Томской области [Электронный ресурс]: новости. – Режим доступа: <http://tomsk.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2016 г.)

9. Sibnovosti.ru [Электронный ресурс]: экономика. – Режим доступа: <http://krsk.sibnovosti.ru/business/307244-breeding-sibirskih-gorodov-chemu-mozhet-nauchitsya-krasnoyarsk> (дата обращения 08.03.2016 г.)

Каргаполова Е.В., Хамзяева О.С.

Каргаполова Екатерина Владимировна (Россия, Астрахань) – доктор социологических наук, доцент по специальности «Социология», профессор кафедры философии, социологии и лингвистики, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет (414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 18, k474671@list.ru);

Хамзяева Ольга Сергеевна (Россия, Астрахань) – зав. лабораторией социально-психологических исследований кафедры «Философия, социология и лингвистика», Астраханский государственный архитектурно-строительный университет (414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 18, hamzyaeva77@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДЕЖИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. На основе результатов конкретного социологического исследования выявлены черты социокультурного портрета молодежи Астраханской области в условиях трансформации современного общества.

Ключевые слова: молодёжь, социально-демографическая группа, трансформация.

Происходящие в последние десятилетия в России изменения привели к переменам, затрагивающим интересы всего населения. Особое место отводится молодежи, определяющей облик будущей России. От того, какую позицию примет молодое поколение, и будет зависеть развитие всего общества.

В энциклопедическом словаре «Социология молодежи» под термином «молодежь» понимается обширный комплекс групповых общностей, которые образуются на основе возрастных признаков и связанных с ними основных видов деятельности [9, с. 267].

Молодежь может также определяться как «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитанием данного общества, современные возрастные границы от 14-16 до 25-30 лет, доля в составе населения 20%» [7, с. 147].

Е.М. Бабосов рассматривает молодежь как социально-демографическую группу, находящуюся в процессе формирования и развития общественной, психофизиологической, общекультурной и гражданской зрелости, адаптированной к социальным статусам и ролям, которые свойственны и взрослым людям [1, с. 265].

С.И. Иконникова и В.Т. Лисовский [3] исследуют молодежь как поколение, отличием которого является не только возраст, но и совокупность целей, убеждений, общие переживания и отношение к жизни. Общественные убеждения, интересы, ценности, стремления, симпатии – основные показатели положения молодежи в социуме.

Таким образом, можно сказать, что молодежь – это социально-демографическая группа с определенными особенностями социального статуса и социальных отношений.

В Астраханском государственном архитектурно-строительном университете лабораторией социально-психологических исследований при непосредственном участии авторов в марте-мае 2015 года было проведено социологическое исследование методом анкетирования. В опросе использовались некоторые вопросы Типовой методики Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной ЦИСИ ИФ РАН (руководители: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева).

Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием Vortex 8. Было опрошено население Астраханской области (N = 6221), из них выбран подмассив молодежи (N = 2249), что позволило провести сравнительный анализ [5, 6].

Так, например, межпоселенный вид миграции среди молодого населения составляет 22,9%. Это та молодежь, которая приехала по собственному желанию из другого города (села) нашей области, то есть внутрирегиональные мигранты. Можно предположить, что немалую долю таких мигрантов составляет студенческая молодежь, родители которых вынуждены переехать в г. Астрахань на время их учебы. Каждый десятый (10,4%) представитель молодого поколения приехал из другого региона по своему желанию.

Иерархия кругов взаимопонимания у молодых жителей региона и у астраханцев в целом совпадает (*табл. 1*). Так, на первом месте находится семья, выступающая основным «психологическим убежищем» человека от проблем и опасностей окружающей среды, именно родные и близкие составляют жизненный мир ответивших респондентов. Однако среди коллег по работе среднестатистический астраханец находит больше взаимопонимания, чем молодой. Это объясняется тем, что для молодого поколения круг работы не имеет особого значения, в то время как для представителей более зрелого возраста очень важны взаимоотношения с коллегами, и зачастую они же и являются друзьями. В период трансформации современного общества труднее всего найти себя в общественном окружении, поэтому молодежь окружает себя теми, кто находится рядом и ближе для взаимопонимания – это члены семьи и друзья [2, с. 57].

Таблица 1. Ответы респондентов на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание? Оцените по степени значимости по 10-балльной шкале (1 балл – наименьшая степень значимости, 10 баллов – наибольшая степень значимости)»

Вариант ответа	Молодежь Астраханской области	Население Астраханской области в целом
В семье	9,0	9,1
В компании друзей	8,2	8,1
Среди соседей	6,0	6,2
Среди коллег по работе	6,6	6,9
В кругу единоверцев, представителей одной конфессии	5,8	6,0
Среди людей вашей национальности	6,2	6,5

Не менее важным в современном обществе является отношение молодежи к религии. В ходе оценки своей религиозности 52% молодого населения и 50,6% жителей Астраханской области заявляют о своей вере в Бога. К категории «скорее верующий, чем неверующий» себя относят 32,3% молодежи и 33,9% населения Астраханской области. Неверующих и атеистов среди молодого населения оказалось 8,7%, а среди респондентов Астраханской области – 9,1%. Таким образом, общее число верующих – 84,3% молодежи и 84,5% по Астраханской области.

Православное христианство является доминирующим в Астраханской области. Преобладающее число респондентов относят себя к православию (62,1% молодежи и 66,2% всего населения региона). Также религиозный состав представлен: мусульманами (32,7% молодежи и 28,7% населения в целом), иудеями (1,2% и 1,4% молодежи и всего населения соответственно), буддистами (2,4% молодежи), протестантами (0,6% молодежи), католиками (1,0% и 0,7% молодежи и всего населения региона соответственно). Таким образом, конфессиональный состав населения Астраханской области довольно разнообразен, второе место занимает ислам. «Астрахань всегда была, есть и будет перекрестком религий. Она исторически мультирелигиозна. Хотя на первый взгляд сейчас практически каждый

крупный город мира может говорить о своей мультиконфессиональности. Астрахань занимает в этом ряду особое положение, так как эта мультиконфессиональность не является продуктом современных миграционных процессов, а является неотъемлемой частью ее истории. В мире мало есть мест, где столь очевидно проявились бы еще в средние века тенденции веротерпимости и мультирелигиозности» [8, с. 140-141].

Институт брака для молодежи теряет свои ценности: 51,4% респондентов не состоят в браке, хотя среди всех жителей Астраханской области эта категория практически в два раза меньше и составляет 24,2%. Ценность семьи остается приоритетной у 38,4% молодежи и 58% всех астраханцев, состоящих в браке. Общественная модель семьи продолжает видоизменяться. Так, у 57,9% молодого населения нет детей. В современном мире тяжело обеспечить собственную семью всем необходимым. Поэтому молодежь стремится сделать карьеру, наладить материальную жизнь, «встать на ноги», а потом уже растить детей. Семья с одним ребенком прослеживается у 22,5% молодого населения и 26,6% жителей региона. 13,9% молодежи имеют двоих детей, а вот у жителей Астраханской области семья с двумя детьми составляет 32,6%. Низкий уровень репродуктивных планов современной молодежи является ответной реакцией на социальную, экономическую, политическую стабильность в стране. Современный динамичный образ жизни оказывает влияние на модель семьи, где приоритетом становятся индивидуальные успехи вне семьи, ослабляя при этом желание иметь несколько детей, на первый план выходит материальный фактор.

«...Показателем стратификации населения является самооценка уровня своего материального положения. Самооценка материального положения в условиях нестабильной экономической ситуации становится адаптационным средством, частью культурного капитала населения» [4, с. 258]. На вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение» ответы респондентов распределились следующим

образом: 44,8% молодого населения и 51,6% жителей Астраханской области (сюда вошли условные слои «нищие», «бедные», «необеспеченные») говорят о недостаточности средств для нормального существования (питание и одежда), 28% молодежи и 34,2% жителей всей области («нищие», «бедные») отмечают материальные трудности, в результате чего они могут удовлетворять (полностью или частично) только повседневные потребности; 9,2% молодежи и 7,8% жителей Астраханской области относят себя к «богатым», имея возможность удовлетворять практически все свои потребности. К обеспеченным относит себя практически каждый четвертый (27,5%) представитель современной молодежи. Им достаточно средств на ежедневные затраты, но для покупки, например, машины, квартиры и т. д. надо брать в долг.

Переход к рыночным отношениям создал социальное расслоение, ранее не известное в России, одна из областей, где оно хорошо заметно, это доступ к образованию. Образование – это сфера целенаправленного формирования и развития личности, где процессы социальной идентичности приобретают упорядоченные формы и общественно значимые стандарты и ориентиры. Высокий уровень образования и его качество расширяют возможности современной молодежи для обретения общественного статуса, составляющими которого являются перспективная должность и высокая заработная плата.

Самую многочисленную группу респондентов образуют лица с высшим образованием – 34,4% молодежи и 45,9% населения Астраханской области, на втором месте группа со среднеспециальным образованием (23,2% молодёжи и 33,3% жителей области). Незаконченное высшее образование имеют 17,9% населения и молодежи Астраханской области. Еще 12,1% имеют среднее образование, 3,9% – незаконченное среднее и начальное специальное образование. Послевузовское образование получили 2,6% молодежи и 2,8% жителей региона. Доля молодых людей Астраханской области, имеющих только начальное образование, составляет 2%.

Для молодых людей высшее образование ассоциируется с престижной и любимой работой, оно служит основой для материального благополучия. Также можно сказать, что наличие высшего образования позволяет выбрать работу по душе, дает перспективы продвижения к высокому положению в обществе, карьерного роста и, наконец, позволяет быстро найти работу. Но при этом поиск своего места в социуме происходит в ситуации обесценивания многих профессий.

Исходя из вышесказанного, можно определить основные черты социокультурного портрета современной молодежи Астраханской области: это человек в возрасте 14–30 лет, который находит взаимопонимание среди семьи и друзей; верующий (православный или мусульманин); недостаточно материально обеспеченный; с высшим образованием, которое позволяет расширить возможности, обрести социальный статус, перспективную должность, а также высокую заработную плату. В условиях трансформации современного общества модель современной молодой семьи видоизменяется – преобладает тип малодетной или бездетной семьи.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Социология. Энциклопедический словарь / Е.М. Бабосов. – М.: ИСПИ РАН, 2009. – 480 с.
2. Данилова, Е.Н. Контуры социально-групповых идентификаций личности в современном российском обществе / Е.Н. Данилова, В.А. Ядов // Социальная идентификация личности. Кн. 1. / ред. В.А. Ядов. – М., 1993. – 326 с.
3. Иконникова, С.И. Молодежь о себе, о своих сверстниках (социологическое исследование) / С.И. Иконникова, В.Т. Лисовский. – Л., 1969. – 357 с.
4. Каргаполова, Е.В. Развитие социокультурного потенциала современного российского региона в условиях институциональных

изменений: дис... доктора социологических наук / Е.В. Каргаполова. – Волгоград, 2014. – 378 с.

5. Каргаполова, Е.В. Самоидентификация как фактор социальной адаптации населения Астраханской области / Е.В. Каргаполова, О.С. Хамзяева // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. – 2015. – № 2 (3). – С. 53–56.

6. Каргаполова, Е.В. Социальная адаптация молодежи в условиях трансформации современного общества (по материалам конкретного социологического исследования) / Е.В. Каргаполова, О.С. Хамзяева // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвузовский сборник научных статей. – № 7 (167). – Волгоград: ВолгГТУ, 2015. – Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – Вып. 21. – С. 32–35.

7. Пределы роста: доклад Римского клуба / Д.Л. Медоуз., Дж. Рендерс и др. – М., 1991. – 342 с.

8. Романова, А.П. Мультиконфессиональность как фактор социокультурной стабильности / А.П. Романова, С.Н. Якушенков // Народы прикаспийского региона: диалог культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста. 29-31 мая 2009 г. – Элиста: Изд-во КГУ, 2009.

9. Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – М., 2008. – 608 с.

2 секция

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКЕ**

Алексашина Т.В.

Алексашина Татьяна Викторовна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, зав. кафедрой менеджмента и маркетинга, ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» (115432, г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, 12, стр. 1, altavip@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ НАУКОЕМКОГО И ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. Выделена ключевая роль социального капитала в модернизации наукоемкого и высокотехнологичного сектора промышленности, определена результативность социального капитала на микро-, мезо- и макроуровнях, обосновано использование социальных инноваций для увеличения добавленной стоимости наукоемких предприятий и их капитализации.

Ключевые слова: социальный капитал, промышленность, наукоёмкий сектор, интеллектуальный капитал, социальные инновации.

Наукоемкая и высокотехнологичная промышленность считается локомотивом инновационного роста, поскольку для неё характерны интенсивные инновационные процессы, активное взаимодействие в сфере международной торговли, освоение новых рынков, стимулирование развития смежных отраслей.

Наукоемкие промышленные предприятия – один из конкурентоспособных секторов, позволяющих разрабатывать и внедрять опережающие инновации с целью их последующей коммерциализации внутри страны и за рубежом.

Интеллектуализация современного мира обращает внимание на проблематику социального капитала как ресурса, необходимого для повышения качества жизни отдельного работника, обеспечения

конкурентоспособности промышленных предприятий, становления экономики знаний и инновационного развития страны. Все шире признается тот факт, что социальные связи, взаимодействие и доверие, составляющие основу социального капитала, влияют на формирование, развитие и накопление интеллектуального капитала, концентрируемого в наукоемком и высокотехнологичном секторе материального производства, что приобретает первостепенное значение и входит в круг основных интересов мирового научного сообщества.

Активизации интеграционных процессов инновационной и научно-исследовательской деятельности, ориентированной на коммерциализацию интеллектуальных продуктов, трансформации знаний и информации в экономическую ценность способствует социальный капитал.

Э. Лессер и Л. Прусак в книге «Как превратить знания в стоимость» рассматривают содержание понятия «социальный капитал» как необходимое условие управления знаниями в организации, которое предполагает наличие сети, доверия, общепринятых норм и ценности для эффективного распространения знаний.

Предложение интеллектуального капитала на микроуровне обеспечивают инноваторы, ученые, исследователи, то есть профессионалы, наделенные уникальными и трудно заменимыми способностями, трансформирующие их в объекты интеллектуальной собственности, в производственные технологии, в эффективные технологические, технические и организационно-управленческие решения. Особенности их поведения определяются социальными обязательствами, ценностями, взаимной ответственностью и личным доверием.

На макроуровне предложение обеспечивают наукоёмкие производства (фирмы), проектные и проектно-изыскательские организации, опытные заводы, высшие учебные заведения, научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения в организациях, а также целые научно-технические объединения: наукограды, технополисы, бизнес-инкубаторы,

технопарки и др. научно-исследовательские организации. Причем в основе развития их интеллектуального потенциала и инновационных открытий лежат творческое сотрудничество, соблюдение принципов и правил социального партнерства и профессиональное доверие. В свою очередь доверие является важнейшим качеством социальных связей, служит предпосылкой их возникновения и крепнет на их основе.

Следовательно, социальные сети, нормы и доверие, составляющие триаду социального капитала, способствуют воспроизводству интеллектуального капитала и формированию направленных целевых взаимодействий хозяйствующих субъектов по поводу разработки и внедрения инноваций, прежде всего в высокотехнологичное производство с целью модернизации.

Одна из важнейших особенностей социального капитала в том, что он системы воспроизводства и использования актуализированных инновационных знаний, механизмы их расширенного воспроизводства, коммерциализации инноваций и социально-экономического взаимодействия их носителей связывает в единую сеть, многократно повышая их потенциал и позволяя использовать их во взаимосвязи значительно эффективнее, нежели по отдельности [4, 7].

Социальный капитал как некий ресурс, в который конвертируются отношения между участниками наукоемкого производства, способствует:

1) предоставлению возможности получения полной, достоверной и объективной информации и полезных сведений, недоступных другим участникам социальных сетей, как следствие – вариант наиболее выгодного поведения на рынке и получение информационной ренты;

2) поддержанию связей с теми, кто располагает ресурсами и реальной властью, и расширению базы контактов с целью обеспечения доступа к необходимым ресурсам и лоббирования собственных интересов;

3) созданию положительного имиджа, репутации компании, работника за счет высокой степени доверия, что дает возможность получения социальных гарантий, обеспечивающих доступ к различным ресурсам, открытия новых горизонтов, что находит отражение в увеличении активов фирмы, и изменения их структуры;

4) усилению и ускорению процесса признания и адаптации субъектов хозяйственных отношений в научной среде и инновационном секторе экономики.

Совокупное действие всех названных преимуществ ориентировано на модернизацию наукоемкого и высокотехнологичного сектора промышленности, поскольку существенно ускоряет процессы воспроизводства интеллектуального капитала, способствует его наращиванию и увеличению его стоимости.

По мнению А. Ляско, социальный капитал оказывает существенное влияние на величину транзакционных и операционных издержек фирмы с помощью различных элементов, которые действуют перекрестно и взаимно на все типы внешних и внутренних затрат [5].

Социальный капитал снижает издержки беспорядка в экономике и обществе, возникающие вследствие чрезмерных затрат на защиту контрактов, экономическую и личную безопасность, нехватки общественных благ и услуг, упадка социальной сферы, а также несостоявшихся сделок и инвестиционных проектов, упущенных из-за недоверия между участниками [6].

Те условия, которые формируются благодаря социальному капиталу, как на микро-, так и на макроуровне способствуют привлечению инвестиций, повышают ценность имеющихся интеллектуальных ресурсов, создают возможность формирования опережающих конкурентных преимуществ и программы модернизации наукоемкого производства (*табл. 1*).

Социальный капитал индивида способствует экономическому успеху, восприимчивости к новациям, инновационной активности хозяйствующих

субъектов за счет личных связей, обеспечивающих доступ к информации и вакансиям, снижающих транзакционные издержки в бизнесе и позволяющих рассчитывать на поддержку в трудных ситуациях.

Таблица 1. Результативность социального капитала на микро-, мезо- и макроуровнях

Уровень	Формы социального капитала	Результат воздействия
Микроуровень (индивидуальный)	Личные связи индивидуумов, неформальные нормы и ценности, личные убеждения и доверие	Стимулирование к развитию новых видов связей, повышение уровня знаний, открытость к новым идеям; формирование инновационного мышления и поведения
Мезоуровень (организационный)	Горизонтальные и вертикальные связи в организации, корпоративная культура, стиль управления, рациональное доверие	Формирование механизмов трансфера знаний и новых технологий; улучшение качества взаимодействия в коллективе; мобильность и инновационная активность работников, повышение степени лояльности; привлекательность научных организаций и инновационно-активных предприятий как объекта инвестиций и кредитования
Макроуровень (общественный)	Институциональная среда, фундаментальные нормы и ценности, обобщенное доверие	Формирование принципов социальной ответственности и партнерства; информационная открытость субъектов российской экономики в направлениях реализации государственной инновационной политики; развитие взаимодействия между отдельными элементами инновационной инфраструктуры

На уровне предприятий и организаций социальный капитал способствует формированию различных моделей трансфера инноваций, мобильности и инновационной активности работников, улучшению качества взаимодействия в коллективе. Согласно Коузу, организации увеличиваются в размере до тех пор, пока экономия транзакционных издержек не перекрывается ростом издержек управления. Социальный капитал

способствует сокращению обоих типов издержек и приводит, таким образом, к увеличению эффективного размера организации [1].

Культурные ценности и поведенческие стереотипы на макроуровне, поддерживаемые социальным капиталом, могут стать основой формирования принципов социальной ответственности и партнерства в бизнесе, информационной открытости субъектов российской экономики в направлениях реализации государственной инновационной политики.

В силу резко выраженной экономической дифференциации территорий в национальном пространстве, существенных отличий в распределении ресурсов, интеллектуального потенциала, а следовательно, и уровня их инновационного развития проблема включенности отдельных регионов в систему социальных связей выводит на первый план. Особую остроту эта проблема приобретает в регионах с экстремальными природно-экономическими условиями хозяйствования, в частности в регионах Крайнего Севера, на что справедливо обращают внимание такие исследователи, как А.Н. Алексеев, А.В. Аверина, Е.В. Рибокене и др. [2, 3].

Оторванность данных субъектов РФ от ведущих научно-образовательных и интеллектуальных центров, имеющих стратегическое значение для устойчивого экономического роста страны и сосредотачивающих в себе 70-90% всего природно-ресурсного потенциала, не способствует формированию системы социальных отношений и восприимчивости к инновациям.

В контексте модернизации наукоемкого и высокотехнологичного сектора промышленности важную роль играют социальные инновации, под которыми понимаются осознанные действия компании по увеличению своей нематериальной стоимости.

Такой результат может быть достигнут за счет:

1) идентификации формальных и неформальных «знаниевых» сетей как внутри самой организации, так и за ее пределами;

2) организации конструктивного диалога, направленного на оперативное решение задач, стоящих перед компанией;

3) разработки модели информационного взаимодействия при существенном сокращении затрат и увеличении прибыли;

4) повышения уровня лояльности сотрудников и удовлетворенности работой, что ведет к повышению производственных показателей и увеличивает срок работы персонала;

5) создания «конвейера талантов» и управления ими.

Несмотря на то, что социальный капитал занимает обоснованно важное место в концепции инновационного развития, в современной отечественной экономике пока не существует четкой и апробированной системы институтов, координирующих и регулирующих социальные взаимодействия в инновационном ключе.

Решение отмеченных выше задач предопределяет необходимость расширенного воспроизводства формальных и неформальных институтов, координирующие отношения, возникающие в контексте функциональности социального капитала, а именно: закрепление форм и способов взаимодействий, институциональное оформление доверительных отношений и обеспечение их устойчивости, разработка новых форм и способов сетевых взаимодействий, создание механизма инвестиции в социальный капитал.

Литература

1. Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4, No 16. P. 386-405; La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Trust in Large Organizations // *American Economic Review*. 1997. Vol. 87, No 2. P. 333-338.

2. Аверин, А.В. Стратегические приоритеты комплексного развития Арктического региона / А.В. Аверин, Е.В. Рибокене // *Современные проблемы использования потенциала морских акваторий и прибрежных зон: материалы XI Международной научной конференции*. 2015. – С. 16-22.

3. Алексеев, А.Н. Модернизация социально-экономической системы северных регионов России / А.Н. Алексеев // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2013. – № 4 (6). – С. 11-16.

4. Власов, Ф.Б. Социальный капитал, системы ценностей и экономика инноваций / Ф.Б. Власов, О.В. Рудакова // Вестник ОрелГИЭТ. – 2015. – № 2 (32). – С. 26-31.

5. Ляско, А. Доверие и транзакционные издержки / А. Ляско // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С. 42-58.

6. Полищук, Л. Экономическое значение социального капитала / Л. Полищук, Р. Меняшев // Вопросы экономики. – 2011. – № 12. – С. 46-65.

7. Резанова, Е.В. Социальный капитал организации: теоретико-методологические аспекты исследования / Е.В. Резанова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – Т. 57. – № 7. – С. 120-127.

Иванов Роман Викторович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, каб. 302, dorwardrw@list.ru)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье показаны проблемы формирования идеологического пространства в современной России, выявлены специфика формирования идеологии и возможные направления развития.

Ключевые слова: идеология, современная Россия, проблемы.

Термин «идеология» ввел французский ученый-революционер Дестют де Траси (1754–1836). В самом широком смысле им обозначается система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений.

Сегодня ситуация в большей мере зависит от экономических достижений, классические формы и периоды апробирования идеологий прошли. Теперь международный рынок решает доходность и прибыльность, экономическую эффективность государства с определенной идеологией. И при условии эффективности национальной экономики без наличия идеологии, конечно, идеология будет «как пятое колесо в телеге».

США в XIX веке первыми продемонстрировали пример экономического подхода ко всем политическим и идеологическим проблемам, когда конгресс США десятилетиями обсуждал на официальных заседаниях лишь экономические вопросы. Теперь этот подход внедряется повсеместно. Только

подспудно внедряется и идеологическая составляющая в рамках выше названных мною тенденций глобализации.

В процессе воссоздания единых наций и государств в Европе происходило усиление национальной составляющей в рамках государственной идеологии в Германии, Италии, Франции. Национальное единство несет серьезный стимул к развитию нового единого государства на первых этапах. Стремление к преобладанию в национальном аспекте приводит к неизбежному конфликту внутри многонационального государственного образования.

В серьезном диссонансе с потребностью русского народного духа в динамическом развитии находится слабая проработанность теоретических проблем идеологии русского национализма. С ней связана опасная, тревожная тенденция: в русском национализме достаточно сильные позиции занимает языческое антихристианское течение. Это – абсолютно абсурдная ситуация, поскольку русский национализм исторически возник в русле православия.

После революции организации русских националистов в 20-30 годы XX века возникали и развивались, несмотря на идеологию социализма. Однако агрессия коммунистической идеологии вынудила русских националистов идти по пути агрессии и содействия с внешними противниками Советов.

Русский национализм имеет имперскую основу и не стирает различия между нациями, не уничтожает культуру малых народов, а включает её, сам обогащаясь и глобализуясь за счёт поликультурности в составе России. Русский имперский национализм не стремится к преобладанию за счет угнетения других народов, напротив, он создаёт образ русского народа – многогранного, открытого, поликультурного, с широким набором духовных и религиозных ценностей и конфессий, не агрессивного, за счет своей целостности стремящегося к поддержке и помощи другим нациям и государствам.

Сегодня в проблеме формирования идеологии определяющую роль играет временной разрыв, как и разрыв в поколениях и комплексах ценностей шестидесятников и людей из девяностых. Можно ли говорить о тенденциях формирования современной идеологии с досоветских времен? Тенденция возвращения к имперским основам, бесспорно, есть, но весьма опосредованная.

Более очевидны тенденции глобализации, здесь и внедрение потребительской основы в общество, и стремление к обогащению для повышения уровня потребления, создание системы ценностей в оправдание стремлений к обогащению, повышение уровня уважения в обществе к носителям материальных благ. На наш взгляд, в обществе одновременно формируются источники для идеологии потребления, национальной идеологии, социальной идеологии как противовеса процессам капитализации общества, также в перспективе существует основа для усиления религиозной идеологии – как противовеса влиянию западной культуры [4, с. 105].

На естественное формирование общенациональной идеологии требуются столетия общекультурного развития, на современном этапе – при ускорении процессов развития в десятки и в некоторых сферах в сотни раз. Поэтому, эксперимент со скоростным внедрением новой идеологии выглядит в политическом плане, конечно, весьма смелым.

Другой вопрос, что стратегически попытка возврата к идеологизации под любым предлогом – особенно на фоне объективной глобализации – является откровенной деградацией, а православная мотивация при этом, с религиозной точки зрения, похожа на святотатство.

Опыт применения идеологии в XX веке на территории бывшего СССР связан с ориентацией на категории населения с низким и средним достатком, условно говоря, такую систему можно назвать идеологией для бедных: «Представление о бедности не столько как о недостатке денег, сколько как о недостатке определенного рода возможностей – очень важная установка»

[3, с. 96]. Однако потребность в идеологии в настоящее время требует выработки комплексного варианта идеологической системы.

В результате понимание идеологии на государственном уровне в России связано с вмешательством во все сферы жизни человека. Как считает Т.И. Заславская: «Такие качества, как отсутствие гражданственности, конформизм по отношению к власти, нетребовательность и смирение, парадоксально сочетающиеся с неуважением к закону и чужой собственности, сформировались у россиян в первую очередь под влиянием многовекового рабства» [1, с. 60].

В конце XX века стало очевидным, что время тоталитарных идеологий как основы жизни народов и политических систем прошло. В процессе реализации гуманитарных прав и свобод в мире, который неуклонно стремится к состоянию светскости, идеологий может быть не меньше, а вероятно, больше, чем мировоззрений и вероисповеданий. В рамках формирования новых идеологических систем важное место занимают экономические мотивы.

Согласно нынешней цивилизованной этике и праву, человек может свободно исповедовать любую религию, придерживаться любой идеологии и открыто пропагандировать свои взгляды, если это не наносит ущерба обществу, не вступает в конфликт с Законом. Тем не менее, при ответе на главный вопрос: что же может стать общенациональным ориентиром, эталоном, ценностью? – основным является абстрактное стремление к общему благу, для достижения которого существует ряд лабиринтов в социальной сфере.

Каждая идеологическая система стремилась выработать комплекс правил для регулирования жизненных процессов субъекта социума. Религиозные конфессии устанавливали кодексы и регламенты для своих последователей как эталон для духовного роста. Религиозные постулаты в XIX–XX столетиях использовались для обоснования богоизбранности в

национальных идеологиях Германии и Италии. Обращаясь к прецедентам использования религиозной мотивации идеологами, хотелось бы отметить, что религия, как вера людей, их внутренние святыни и глубинное стремление к Богу, неподходящая среда для безнаказанного спекулирования, не то, с чем можно шутить в сиюминутных политических целях.

Проблема создания идеологии в последние двадцать лет ставилась политическим руководством страны на самом высоком уровне. Попытки сформулировать хотя бы основные принципы современной российской идеологии предпринимались неоднократно, но все они оказались безуспешными. Философское познание столкнулось с необходимостью различения основных типов общества – коллективистского и индивидуалистического, изучения специфики их становления и развития.

В рамках решения проблемы соответствия идеологии типу общества с учетом сложившихся в стране теоретических традиций ключевое значение имеет выработка единого подхода к ценностным категориям. Как отмечает Н.М. Сирота, в «меняющемся интеллектуальном пространстве постиндустриального, информационного мира ослабевает прежде жесткая привязанность идеологий к строго определенному социальному носителю – группе, слою, классу, государству» [2, с. 142]. В этом контексте актуализируется проблема истинности идеологии. Начинается активный поиск новых, наиболее адекватных сегодняшней социальной действительности идеологических ориентиров. Государственная идеология, обеспечивая стабильность, формирует у граждан чувство удовлетворенности, убеждение в преимуществах существующей формы правления и организации общества. Идеология воспитывает солидарность, патриотизм, стремление к общественно значимым целям. Жизнеспособная идеология должна соответствовать генетически заложенным стереотипам жизнедеятельности, элементам национальной психологии и векторам исторического развития.

Литература

1. Заславская, Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т.И. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
2. Полюшкевич, О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе : монография / О.А. Полюшкевич. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 190 с.
3. Сирота, Н.М. Мировые политические идеологии / Н.М. Сирота. – СПб.: Санкт-Петерб. государственный полит. ун-т, 2008. – 176 с.
4. Чадаев, А. Путин. Его идеология / А. Чадаев. – М.: Европа, 2006. – 180 с.

Кадырова А.И.

Кадырова Айгуль Ильфатовна (Россия, Уфа) – аспирант, Башкирский государственный университет (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, aigul.kadr@mail.ru)

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Аннотация. Дистанционное образование рассматривается как решение проблемы доступности качественного образования для жителей сельской местности. Применение новых информативно-коммуникативных технологий может способствовать реализации концепции непрерывного образования и закреплению молодых кадров в сельской местности.

Ключевые слова: дистанционное обучение, сельское население, инвалиды, безработные, мигранты.

В Концепции модернизации российского образования на период до 2020 г. отмечено: «Надлежит повсеместно обеспечить равный доступ молодых людей к полноценному качественному образованию в соответствии с их интересами и склонностями, независимо от материального достатка семьи, места проживания, национальной принадлежности и состояния здоровья... Для обеспечения сельским школьникам равных возможностей в получении качественного общего образования будут осуществлены специальные меры по поддержке сельской школы, а также ее реструктуризации» [1, с. 27].

К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что у жителей российской глубинки недостаточно возможностей для получения базового и дополнительного образования или, например, повышения квалификации, не говоря уже о высшем профессиональном образовании. Традиционно происходит отток лучших преподавателей в крупные центры. Региональные учебные заведения, как правило, не располагают адекватными финансовыми

и информационными ресурсами, которые позволили бы удержать высококвалифицированных специалистов или привлечь дополнительных. В подобных условиях очевидно, что вузам, корпорациям и коммерческим учебным центрам необходимо создавать, развивать и рекламировать программы дистанционного обучения, учитывая при этом и тот факт, что в сельской местности учащийся привязан к конкретной школе, он вынужден оставаться в замкнутом образовательном пространстве, а для взрослого сельского населения вопрос получения новых знаний зачастую вообще не рассматривается.

Очевидно, что социально-экономические преобразования в России обострили социальные проблемы сельского населения: возросла безработица, на рынке труда увеличился спрос на специалистов новых профессий и квалификаций, увеличилась категория безработных, куда вошли уже не только выпускники школ, но и специалисты со средним специальным образованием, что обосновано повышением требований к уровню образования при приеме на работу, и т. д. За последние 15 лет в результате резкого спада сельскохозяйственного производства и ухудшения финансового положения отрасли, изменения организационно-экономического механизма развития социальной сферы и инженерной инфраструктуры села произошло снижение доступности для сельского населения образовательных, медицинских, культурных и торгово-бытовых услуг, увеличилось отставание села от города по уровню и условиям жизнедеятельности. Ухудшается качественный состав кадров сельского хозяйства. В 2014 году среди занятого в сельском хозяйстве населения профессиональное образование имели только 53% работников, высшее – 13,6% [2, с. 116].

Увеличение финансовых потоков, направляемых в сельскохозяйственное производство, должно коренным образом изменить инфраструктуру занятого в аграрном производстве населения. Самые тяжелые социально-экономические, социально-нравственные потери на различных этапах

развития страны были связаны с отсутствием должного внимания к человеку села. Очевидно, что реформирование аграрного сектора страны должно сопровождаться преобразованиями в социальной сфере села: образовании, культуре, здравоохранении, социальной защите. Важнейшим фактором возрождения села является построение системы образования качественно нового уровня, целью которой должно стать воспитание компетентных людей, непрерывно совершенствующих, повышающих свой профессиональный уровень, свою квалификацию в течение всей жизни.

Становление рыночной экономики и развитие многоукладных хозяйственных отношений в деревне внесли изменения в социальный заказ общества, предъявляемый образованию на селе. Специфика сельского рынка труда, изменившийся социальный состав жителей деревни (владельцы крестьянских хозяйств, фермеры, работники сельхозкооперативов и артелей, предприниматели, мелкие торговцы, работники социальной сферы, безработные), конкуренция на сельском рынке товаров и услуг требуют более основательной экономической подготовки сельских жителей. Основными функциями образования для взрослых являются: экономическая (осуществляет воспроизводство кадров для всех сфер жизнедеятельности общества, обеспечивает их профессиональную мобильность и уровень квалификации, необходимый обществу на данном конкретноисторическом этапе развития); функция социальной адаптации взрослых к условиям быстро изменяющейся современной действительности (глобальная информатизация общества, научно-технический прогресс, экономические и политические кризисы, национальные конфликты и другие социальные потрясения); функция социальной защиты и реабилитации взрослых людей с недостатками физического развития, инвалидов, безработных, мигрантов и других категорий жителей.

По традиционной форме обучения (включая и заочную) учится больше студентов, работающих на государственных предприятиях, а с использованием дистанционных образовательных технологий – студенты,

работающие на селе в негосударственном секторе экономики, в открытых и закрытых акционерных обществах, на предприятиях малого и среднего бизнеса, в частных компаниях. Очевидно, это обосновано тем, что дистанционное образование по своим основополагающим принципам направлено на обслуживание новой – рыночной – экономики. Сельское население и его взрослая часть – это особая категория учащихся, для которой образование выступает средством социальной защиты и адаптации в условиях быстро изменяющейся действительности. В связи с этим именно дистанционные образовательные технологии могут стать основным и эффективным механизмом получения либо повышения образовательного уровня различных возрастных категорий сельского населения, в частности взрослого.

Дистанционное образование в силу относительно низких затрат и высокой информативности является наиболее социально ориентированным среди других форм обучения, в частности при решении проблемы профессиональной переподготовки взрослых специалистов, проживающих на селе. Система дистанционного образования формирует также новое мировоззрение у взрослых студентов сельских районов к получению образования: непрерывное образование становится для них нормой, усиливая их активную жизненную позицию, предоставляя равные возможности в получении образования и доступ к информационным мировым и отечественным образовательным ресурсам, в силу своих особенностей способствует более глубокому восприятию учебного материала. Подготовленные специалисты, включая преподавателей, смогут организовать образовательный процесс с использованием дистанционных образовательных технологий вне зависимости от места нахождения обучающегося, а подготовленный учащийся в дальнейшем будет способен самостоятельно получать необходимые знания путем непрерывного образования с использованием информационных технологий. Компьютерная грамотность давно уже стала ключевым фактором, влияющим на современный

образовательный процесс. Обучающиеся с использованием дистанционных образовательных технологий должны уметь пользоваться электронной почтой, форумами, чатами, онлайн-тестами и прочим сетевым инструментарием программ ДО. Со своей стороны, растущая пропускная способность сетей делает более актуальным использование имитационных методик, видеоматериалов и видеоконференций [3, с. 497].

Однако при создании системы дистанционного образования в сельских районах (включая разработку учебно-методического и программно-технического обеспечения дистанционного образования) необходимо иметь в виду, что оно напрямую связано с уровнем развития телекоммуникационных средств связи, в настоящее время в большинстве регионов остающимся крайне низким, в связи с чем широкое распространение дистанционное образование получит в России только тогда, когда появятся соответствующие технические возможности, хорошие телекоммуникационные каналы. При дистанционном обучении жителей сельских районов следует делать акцент на кейсовую технологию и на несетевые средства доставки учебных материалов, прежде всего на CD в комбинации с печатными материалами, аудио- и видеозаписями, а сетевое взаимодействие предусматривать эпизодически с преимущественным использованием асинхронных и экономичных технологий электронной почты. В отношении остальных составляющих различия между городом и селом уже менее существенны: в сельских школах, домах сельских жителей уже есть компьютеры и их можно учитывать при организации дистанционного обучения [4, с. 98].

Литература

1. Андреев, А.А. Основы открытого образования / А.А. Андреев, С.Л. Каплан, Г.А. Краснова и др. – М.: НИИЦ РАО, 2012. – Т. 1. – 676 с.
2. Давыдова, Н.Н. Самоорганизационное управление образовательных учреждений в сетевом взаимодействии: подходы к исследованию и

разработке [Текст] / Н.Н. Давыдова, В.А. Фёдоров // Вестник ФГОУ ВПО МГДУ. – 2011. – № 4. – С.115-212.

2. Логинова, М.А. Сетевые процессы в социальном взаимодействии [Текст] : автореф. дис... канд. филос. наук : 09.00.11 / М.А. Логинова. – Новосибирск, 2011. – 20 с.

3. Нардин, Д.С. Перспективы развития аграрного образования с использованием дистанционных технологий / Д.С. Нардин, С.А. Нардина // Молодой ученый. – 2012. – № 12. – С. 497-499.

4. Полат, Е.С. Дистанционное обучение / Е.С. Полат // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2013. – № 1. – С. 28-33.

5. Пушкарева, Т.Г. Содержание социальной компетентности будущих педагогов сельских образовательных учреждений [Текст] / Т.Г. Пушкарева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 11. – С. 98-103.

Еремеева А.С.

Еремеева Анна Стефановна (Россия, Череповец) – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, 56а, common@vscc.ac.ru)

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

Аннотация. Одним из важнейших факторов, ограничивающих в России формирование стабильного уровня экономического развития территорий, является нехватка социального капитала, который позволяет как на уровне государства, так и населения страны в целом сформировать совокупность норм и ценностей для решения проблем предоставления необходимых общественных благ.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные связи, социальные сети, экономические агенты, издержки принуждения, издержки беспорядка, институциональные возможности.

На данный момент в России не проведено всеобъемлющей диагностики социального капитала, он не изучен в различных аспектах и на различных уровнях, нет базы данных, объединяющей признаки и характеристики социального капитала для целей его изучения и управления в пространственной перспективе [1]. Все это показывает, что проблема исследования роли социального капитала для России остается открытой, т. е. дефицитными являются пути и средства, необходимые для его измерения, определения механизмов и инструментов его развития [1].

Наибольшее внимание изучению вопросов влияния социального капитала на экономическое развитие региона уделено в трудах

американского политолога Роберта Дэвида Патнэма. Именно он, анализируя экономическое развитие нескольких регионов мира, показал в своих исследованиях зависимость между численностью гражданских организаций (кружков и объединений) и качеством развития регионов. Согласно теории Патнэма, социальный капитал обусловлен такими факторами, как нормы взаимности, доверие и социальные сети [6]. Здесь необходимо отметить, что наибольшее значение при рассмотрении роли социального капитала в экономическом развитии территорий имеют социальные сети. Именно через них обеспечивается обмен информацией, укрепляются доверие, нормы взаимности и достигаются договоренности. Таким образом, согласно теории Патнэма, можно отметить, что экономические агенты, вступая в социальные отношения, включаются в определенные социальные сети для получения прибыли. При этом основой для получения прибыли могут стать четыре важных ресурса, которые возникают и усиливаются именно благодаря *социальным сетям и социальным связям*, что позволяет повысить эффективность экономической деятельности хозяйствующих субъектов и в дальнейшем положительно сказывается на экономике регионов:

1) Доступ к информации – это ресурс, который способствует сокращению затрат, т. е. издержек на сбор и обработку информации. Здесь подразумевается то, что именно социальные сети и социальные связи способствуют наличию в определенной среде и на определенных иерархических уровнях наиболее полной информации о текущих потребностях и перспективах развития рынка. При этом социальные сети и связи способствуют предоставлению для экономических агентов полезной информации, не доступной из других источников, например о возможностях и вариантах наиболее выгодного поведения на рынке, в результате чего сокращаются расходы на рекламу, покупку периодических изданий, оплату услуг торговых агентов, командировочные расходы и пр.

2) Влияние информации – это ресурс, который способствует сокращению издержек для экономических агентов при проведении переговоров и принятии управленческих решений. Здесь социальные сети и связи, располагая необходимой информацией, способствуют сокращению расходов по решению вопросов заключения и оформления контрактов. Кроме того, сюда можно отнести управленческие решения по трудоустройству, найму, продвижению и увольнению работников.

3) Социальные гарантии – это ресурс, который способствует сокращению издержек на проведение мониторинга выполнения внутренних контрактов для экономических агентов, т. е. выполнение контроля над исполнением работниками должностных обязанностей и поручений. Здесь социальные сети и социальные связи, обладая информацией о ресурсах индивидуального человеческого капитала, выступают как социальные гарантии, что способствует сокращению затрат и повышению уровня самоконтроля для экономических агентов.

4) Доверие – это ресурс, способствующий сокращению издержек юридической защиты выполнения контракта, т. е. сокращаются судебные расходы и издержки арбитражных процессов для экономических агентов. Социальные сети и связи, при осуществлении необходимых сделок для экономических агентов, способствуют распространению информации о надежности партнеров, что гарантирует выполнение условий контракта без юридической защиты.

Таким образом, можно отметить следующее: влияние социального капитала на экономику региона в «вертикальном направлении» зависит от эффективности функционирования формальных институтов для экономических агентов и качества государственного управления. Экономическое развитие региона в «горизонтальном направлении» возникает в результате институциональной альтернативы государству, т. е. когда именно через социальный капитал поддерживается порядок в обществе на

основе доверия, взаимоуважения, учета экономическими агентами не только частных, но и общественных интересов. В первом случае социальный капитал способствует консолидации и политической активности экономических агентов, а целями коллективных действий выступают надлежащая работа государства и функционирование учреждаемых им институтов, при этом экономятся *издержки принуждения*, возникающие вследствие злоупотребления властью или ошибочных решений государственных органов. Во втором случае функция социального капитала состоит в координации действий экономических агентов по предотвращению провалов рынка без участия государства, при этом сокращаются *издержки беспорядка*.

«Издержки принуждения» – это вертикальное влияние, они связаны с усилиями по консолидации общества со стороны государства, стимулированием политической активности граждан, и именно качественное развитие социального капитала способствует экономии этой части расходов [2].

«Издержки беспорядка» – это горизонтальное влияние, они возникают в результате избыточных расходов на защиту соглашений и проектов, которые могут быть не реализованы из-за отсутствия доверия между экономическими агентами, на экономическую и личную безопасность, преодоление дефицита общественных благ и «упадка» социальной сферы, борьбу с нерегулируемыми экстерналиями [2].

Наглядное представление о влиянии социального капитала на экономическое развитие региона дает *кривая институциональных возможностей*, характеризующая влияние институционального изменения на поведение экономических агентов, т. е. изменение формальных норм и правил, и иллюстрирующая способность общества контролировать издержки беспорядка и издержки принуждения (*рис. 1*).

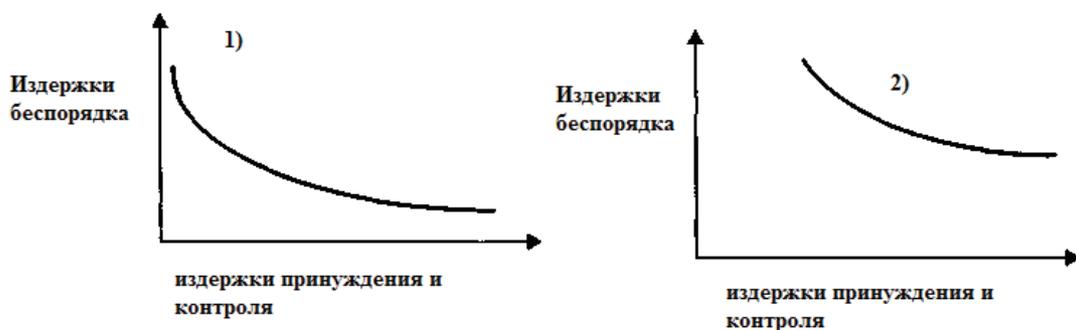

Рис.1. Социальный капитал и граница институциональных возможностей [8]

При достаточном запасе социального капитала издержки беспорядка относительно невелики изначально и могут быть снижены до приемлемого уровня эффективными действиями государства без особых издержек принуждения (*рис. 1, вариант 1*). При нехватке социального капитала издержки беспорядка значительно больше, их сокращение при участии государства сопровождается чрезмерным ростом издержек принуждения (*рис. 1, вариант 2*). Удаленность кривой институциональных возможностей от начала координат, где оба типа издержек равны нулю, позволяет судить о вкладе социального капитала в общественное благосостояние и экономический рост территорий по горизонтальному и вертикальному направлениям.

При достаточном запасе социального капитала потребность в государственном присутствии в экономике и обществе значительно снижается, т. к. формальные институты и социальный капитал, решая близкие по характеру действия задачи, взаимно заменяют друг друга. Обмен информацией по социальным сетям, доверие, предпринимательская и трудовая этика повышают эффективность инвестиций в экономику региона, в этом случае государство в меньшей степени нуждается в формальных институтах.

При достаточном запасе социального капитала общество может частично замещать государство в сфере предоставления общественных благ, принимая на себя ответственность за содержание объектов инфраструктуры,

поддержание общественного порядка и пр. При этом социальный капитал делает возможным саморегулирование отраслей экономики, позволяя сократить масштабы государственного регулирования, а корпоративная социальная ответственность экономических агентов снижает потребность участия государства в решении таких проблемных вопросов, как, например, трудовые отношения или контроль качества труда [7].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Социальный капитал – это ценный ресурс, который дополняет определенные экономические ресурсы и способствует сокращению издержек для экономических агентов. Благодаря именно социальным связям экономические агенты вступают в социальные отношения и включаются в определенные сети для получения прибыли.

2. Социальный капитал снижает издержки принуждения и беспорядка в экономике, возникающие вследствие нехватки общественных благ и услуг, неразвитых рынков, а также несостоявшихся или упущенных сделок при реализации региональных инвестиционных проектов из-за недоверия между его участниками. Экономическая деятельность региона при нехватке социального капитала становится более примитивной, а возможности экономического развития оказываются недоиспользованными.

3. Социальный капитал облегчает его владельцам доступ к ресурсам, накопленным в социальной сети. Следствиями этого являются более широкий доступ к информации, инновациям, лучшим рабочим местам, снижение уязвимости, получение помощи в случае неудачи, кризиса и иных форс-мажорных ситуаций.

Литература

1. Афанасьев, Д.В. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса [Текст] / Д.В. Афанасьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4 (40). – С. 88-105.

2. Длугопольский, А.В. Имеет ли доверие ценность, или как социальный капитал влияет на экономику [Текст] / А.В. Длугопольский // Теоретическая экономика. – 2014. – № 4. – С. 24-38.

3. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий [Текст] / Дж. Коулман // Общественные науки и современность – 2001. – № 3. – С. 121-139.

4. Охлопкова, Н.В. Социальный капитал в инновационном социально-экономическом развитии северных регионов России [Текст] / Н.В. Охлопкова, Л.Ю. Писарева // Проблемы современной экономики. – 2012. – Вып. 4. – С. 254-257.

5. Пауэлл, У. Сети и хозяйственная жизнь [Текст] / У. Пауэлл, Л. Смит-Дор // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 229.

6. Патнэм, Р.Д. Эффективность демократии: опыт местного самоуправления [Текст] / Р.Д. Патнэм // Sapere aude. Вестник Московской школы политических исследований. – М., 1995. – № 4. – С. 67-89.

7. Полищук, Л.И. Корпоративная социальная ответственность или государственное регулирование: анализ институционального выбора [Текст] / Л.И. Полищук // Вопросы экономики. – 2009. – № 10. – С. 4-22.

8. Полищук, Л. Экономическое значение социального капитала [Текст] / Л. Полищук, Р.Ш. Меняшев // Вопросы экономики. – 2011. – № 12. – С. 46-65.

9. Рожков, Г.В. Генезис инновационной экономики в России [Текст] / Г.В. Рожков, под ред. С.Г. Ерошенкова. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 888 с.

10. Трубехина, И.Е. Социальный капитал и экономическое развитие в регионах России / И.Е. Трубехина // INEM – 2012. Труды II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции в сфере инноваций, экономики и менеджмента. Томск, 24 апр. 2012. – Томск: Томский политех. ун-т, 2012. – С. 357-361.

11. Beugelsdijk, S. Bonding and Bridging Social Capital and Economic Growth / S. Beugelsdijk, S. Smulders // Center Discussion Paper. – 2009. – № 27. – P. 1-39.

3 секция

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ:
ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ**

Тихомирова В.В.

Тихомирова Валентина Валентиновна (Россия, Сыктывкар) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории финансово-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, vvtikhomirova@mail.ru)

БЮДЖЕТНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФИНАНСОВЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Аннотация. По результатам социологического опроса «Социальный эффект инвестиций в человеческий капитал в условиях инновационного процесса» исследуется человеческий капитал демографической группы населения старше трудоспособного возраста.

С целью определения актуальности мер социальной поддержки граждан пожилого возраста и инвалидов были рассмотрены составные части человеческого капитала: затраты семей на питание, одежду, жилища, образование, здравоохранение, социальную защиту и социальное обслуживание, а также расходы государства на эти цели.

Выявлена необходимость повышения их инновационной и инвестиционной привлекательности для государственного, негосударственного и частного секторов.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, человеческий капитал, уровень и качество жизни, старшее поколение, пенсионеры, инвалиды, льготная категория населения.

В Республике Коми за период с 1991 по 2014 гг. вследствие демографических процессов произошло увеличение абсолютной численности лиц старше трудоспособного возраста с 132,8 до 172,0 тыс. чел. (с 10,7% до 19,7%). Так, за период 2006–2013 гг. удельный вес числа жителей старше

трудоспособного возраста вырос с 15 до 20%, при падении как доли лиц трудоспособного возраста, так и общего числа жителей [3].

Доля населения пожилого и старческого возраста будет увеличиваться и в перспективе. Согласно прогнозу Росстата, в период до 2020 года в республике продолжится увеличение численности населения моложе трудоспособного возраста до 19,3% (в 2015 году 19,1%) и старше трудоспособного возраста (составит 23,3% в структуре населения Республики Коми). Удельный вес лиц в возрасте 65 лет и старше увеличится до 12,2%. При ожидаемом снижении общей численности населения региона на 7,8% старение означает рост проблем трудоустройства экономики, нарастание проблем бюджетной обеспеченности и экономического благополучия граждан [4].

Таким образом, актуализация исследований инвестиций в человеческий капитал в контексте инновационного развития территории обусловлена научной и практической необходимостью.

Чтобы определить актуальность мер государственной социальной поддержки граждан пожилого возраста и инвалидов и выявить необходимость повышения их инвестиционной и инновационной привлекательности для государственного, негосударственного и частного секторов, нами был проведен социологический опрос «Социальный эффект инвестиций в человеческий капитал в условиях инновационного развития». Мы исследовали *показатели уровня и качества жизни* населения социально-демографической группы «старше трудоспособного возраста» Республики Коми.

Уровень жизни – это экономическая категория и социальный стандарт, характеризующий *степень удовлетворения* физических и социальных потребностей людей.

Подробнее: «Уровень жизни – это обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их

потребления и степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей» [1].

Категория «уровень жизни» в рекомендациях ООН измеряется *системой показателей*, характеризующих здоровье, уровень потребления, занятость, образование, жилище, социальное обеспечение. Данные показатели были взяты за основу, так как совокупность этих компонентов охватывает всю сферу человеческих потребностей.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы, полученные в ходе анкетного опроса населения Республики Коми, достигшего пенсионного возраста (женщины старше 50 лет, мужчины старше 55 лет). Опрос проведён в 2014 году.

Целевая выборка составила 555 респондентов, обратившихся в центры по предоставлению государственных услуг в сфере социальной защиты населения, и граждан, проживающих в домах-интернатах для престарелых и инвалидов.

Большинство опрошенных граждан (87,8%) относится к льготной категории населения. Ветераны труда составляют 52,0%, инвалиды – 24,7%, труженики тыла – 4,0%, участники Великой Отечественной войны и приравненные к ним – 1,8%, реабилитированные лица или пострадавшие от политических репрессий – 1,5%. На остальные 3,8% приходятся пострадавшие вследствие радиационных катастроф (3 человека), дети войны (2 человека), почетные доноры России (2 человека), один ветеран военной службы и одна многодетная мать.

В выборке доля городского населения составила 55,5%, сельского – 44,5%. 74 человека проживает в городских домах-интернатах для престарелых и инвалидов и 39 – в сельских.

По половому признаку было охвачено 430 женщин и 125 мужчин. Число мужчин, участвовавших в исследовании, в сельском населении на 2,8% больше, чем в городском.

Рассматривая вопросы инвестирования в человеческий капитал, экономисты особое внимание уделяют инвестициям в *капитал образования* как фактору роста капитализации человека. Образование и ментальность – составляющие человеческого капитала.

Среди социальных институтов современного общества образование играет чрезвычайно важную роль, являясь одной из основных отраслей человеческой деятельности, а именно целенаправленной познавательной деятельностью людей по получению знаний, умений и навыков либо по их совершенствованию.

Образование, как один из элементов человеческого капитала, представляет собой фундаментальный фактор развития инновационной экономики. Оно по своей сути уже является инновацией.

Среди респондентов 20,2% – специалисты высшего уровня квалификации (здесь доминируют представители городских поселений), 52,4% – специалисты среднего уровня квалификации (здесь доминируют представители сельских поселений). Начальное образование имеют 7,0% опрошенных, общее образование – 12,8%.

Основным компонентом инноваций являются новые знания, которые воплощаются в человеческом капитале. Человеческий капитал – главный фактор инновационного развития.

На вопрос: «Какие дополнительные знания, навыки вы хотели бы еще получить, чему обучиться?» большинство респондентов ответили – компьютерной грамотности (13,0%), причем сельское население на 2,8% опережает городское. Каждый седьмой житель села, участвующий в исследовании, желает научиться пользоваться компьютером.

Далее, в нисходящем ряду, находится вождение автомобиля. Здесь опять лидируют сельские граждане. А вот желание получить второе высшее образование присуще только горожанам.

Из всех опрошенных только 3,8% ответили, что все знают, у них нет желания учиться, многие думают, что уже опоздали. Так ответил каждый пятый житель города и каждый четвертый житель села в возрасте 60–65 лет.

Остальные оппоненты высказали большой диапазон знаний и умений, которые хотели бы получить: вязать крючком, делать поделки, кроить и шить, красиво танцевать, петь оперы, научиться природному земледелию, автослесарному делу, познать китайскую философию, основы православия, получить медицинские, юридические и психологические знания, выучить коми язык. Многие работающие граждане отметили, что периодически проходят курсы повышения квалификации на рабочих местах.

Следующий вид человеческого капитала – *капитал здоровья*. Он представляет собой инвестиции в человека, осуществляемые с целью формирования, поддержания и совершенствования его здоровья и работоспособности.

Известно, что капитал здоровья является не только национальным достоянием, но и несущей конструкцией и основой для человеческого капитала вообще [2]. Инвестиции в здоровье, его охрана, способствующие сокращению заболеваний и смертности, продлевают трудоспособную жизнь человека, а следовательно, и время функционирования человеческого капитала.

Капитал здоровья неравнозначен для групп населения разного возраста. В связи с этим отдельно выделяют капитал здоровья группы населения старше трудоспособного возраста.

На вопрос: «*Как вы оцениваете свое здоровье?*» около 60,0% пожилых людей ответили, что они относительно здоровы. Особенно выделяется сельское население: здесь 2,7% опрошенных считают, что находятся в отличной форме, здоровых 10,5%. Из общего массива больными себя назвали 26,4% опрошенных. Как в городе, так и на селе это в основном инвалиды первой и второй групп и граждане, проживающие в домах-интернатах для престарелых и инвалидов (32,0%).

В графе «Другое» были даны ответы: в соответствии с биологическим возрастом; оценить свое здоровье не могу; не знаю, к врачам не попасть и т. д.

В среднем 20,2% респондентов ответили, что обращаются за помощью к врачу раз в месяц. Пожилые люди, проживающие в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, болеют чаще по всем показателям (78,0%). Среди граждан данной категории очень часто обращаются к врачу 25,0%.

Заметно реже врачебная помощь (раз в полгода) нужна сельским жителям (41,0%), чем городским (35,7%). Не обращаются к врачам 11,0% сельчан и 12,5% горожан.

В графе «Другое» были даны ответы: обращаюсь к врачам частенько; по мере острой необходимости; когда прижмет, практически не обращаюсь; в основном лечусь сама; стараюсь не обращаться; нет врача; сложно попасть на прием; когда приеду в город.

Большинство оппонентов (71,0%) отметили, что санаторно-курортного лечения не получают, среди престарелых и инвалидов их число достигает 85,0%. Около 15,0% городского и сельского населения ездят на курорт редко, раз в год – 2,3%, раз в два года – 3,2%.

Дополнительно были даны ответы: ни разу в жизни не была в санатории; хотелось бы; сама покупаю путевку; один раз за 72 года и т. д.

На вопрос: «*Проходите ли вы периодические профилактические медицинские осмотры?*» 61,4% ответили, что проходят их раз в год, 16,0% не проходят. На фоне городских и сельских жителей 81,1% граждан, проживающих в специализированных домах-интернатах, отметили, что ежегодно проходят диспансеризацию.

Многие ответили: один раз в 2 года; только флюорографию; большинство написали, что проходят диспансеризацию.

Анализ уровня и качества жизни населения предполагает включение в его состав в качестве важнейшего компонента так называемые *бесплатные услуги*, т. е. медицинское обслуживание, услуги для престарелых, инвалидов,

нетрудоспособных граждан и других категорий населения, предоставляемые на безвозмездной основе.

На вопрос: «*Какие медицинские услуги Вам приходится оплачивать?*» оппоненты дали по несколько вариантов ответов. Больше всего инвестиций в собственное здоровье у исследуемых приходится на зубопротезирование (51,4%), медицинское обследование (22,3%), массаж (20,7%) и сдачу анализов (14,6%). Прием врача оплачивают около 10,0% граждан.

В графе «Другое» были даны ответы: оплачиваю почти все; лечение зубов; операция; рентген; УЗИ; прием узких специалистов; физиопроцедуры.

Пожилые люди, проживающие в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, пишут, что никакие услуги врачей не оплачивают, ни за что платить не приходится, все бесплатно, «все включено».

Сегодня здоровье необходимо рассматривать как экономическую категорию – основу человеческого капитала. Отсюда инвестициями в человеческий капитал являются сохранение и укрепление здоровья.

Поэтому нельзя говорить о полной амортизации данной категории граждан. Если индивидуум постоянно производит инвестиции в свой человеческий капитал, в его составные части (образование, здоровье, социальные услуги), то в этом случае нельзя говорить об обесценивании человеческого капитала. Так, инвестиции и инновации, связанные с охраной здоровья, способны замедлить данный процесс.

В рыночной экономике важнейшей составляющей качества жизни становится *степень социальной защищенности* населения.

Большинство граждан старшего поколения (82,3%) пишут, что в основном их средства идут на питание, причем у сельских жителей этот показатель выше (86,0%). Далее в нисходящем ряду идет оплата коммунальных услуг (56,9%), лекарств (53,0%) и покупка одежды. Хочется отметить, что на покупку одежды сельские жители и жители интернатных учреждений тратят меньше, чем проживающие в городе, на 10,0%.

Высок показатель затрат пенсионеров на помощь детям (20,7%), низок – на отдых (13,0%). Сельские жители отдыхают реже городских.

Также оппоненты пишут о дополнительных затратах на приобретение подарков детям, возмещение кредитов, ремонт дома, оплату социальных услуг.

Горожане сетуют, что денег хватает от пенсии до пенсии, много денег уходит на лекарства, пеленки, памперсы, денег не хватает на ремонт квартиры, на помощь детям по уходу за внуками.

Сельские жители отметили, что нужно помогать детям, внукам, платить кредиты, деньги нужны на содержание дома.

Инвалиды и престарелые граждане, проживающие в интернатных учреждениях, указали, что живут за счет государства, им хватает средств на все необходимое. В структуре затрат многие из них выделяют затраты на «курево».

Среди граждан городских поселений на *социальном обслуживании* находятся 32,7% оппонентов, что на 9,4% выше уровня сельских поселений. В основном это обусловлено удаленностью многих сельских населенных пунктов от центров социального обслуживания населения, а также транспортной недоступностью.

Лишь 18,6% жителей домов-интернатов для престарелых и инвалидов считают, что они не обслуживаются.

Среди услуг наиболее востребованы социально-бытовые (24,0%), далее в нисходящем ряду идут медицинские (17,5%), социально-правовые (15,3%) и социально-экономические (14,1%). Меньше всего востребованы социально-педагогические (6,5%) и психологические (11,4%) услуги, особо это относится к сельским жителям. Однако у жителей интернатных учреждений данные услуги имеют значительный вес (50%).

Здесь опять более комфортно чувствуют себя респонденты, проживающие в домах-интернатах для престарелых и инвалидов. В графе «Другое» они пишут, что у них «все включено», они получают все

социальные услуги в интернате, в том числе и питание, однако им не хватает внимания, они жалуются на грубое обращение со стороны социальных работников.

Городские жители отметили, что получают услуги в соответствии с договором: доставка лекарств, лечебная физкультура и услуги, которые им оказывают в отделениях дневного пребывания.

Сельские жители получают более специфические социальные услуги: готовка пищи, колка дров, доставка воды и продуктов питания.

При ответе на вопрос: *«Какой дополнительный вид социальной помощи Вам хотелось бы получать?»* многие отметили расширение бесплатных услуг: путевка в санаторий, зубопротезирование, медицинское обследование, помощь по перевозке и транспортировке в больницу, услуги сиделки, ремонт и уборка помещений, просят вернуть все льготы, опять же многим не хватает внимания.

Большинство оппонентов пишут, что хотят не помощи, а качественных услуг со стороны социальных работников в соответствии с возложенными на них функциями.

«Пока никаких услуг не нужно», – ответили лишь 3,6% оппонентов.

Из всех учреждений социального обслуживания исследуемые чаще всего посещают центры по предоставлению государственных услуг в сфере социальной защиты населения (34,8%). Это связано со спецификой работы данных учреждений, которые предоставляют населению комплексные услуги: социальные выплаты, адресную помощь, компенсацию и субсидии по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, здесь граждане пожилого возраста и инвалиды получают социальные гарантии и могут встать на социальное и социально-медицинское обслуживание.

В сельской местности этот показатель достигает 40,0%, что обусловлено безработицей и низкими доходами населения.

Ничего не посещают 46,2% опрошенных граждан.

Из всех мер социальной поддержки наиболее востребована оплата жилья и коммунальных услуг (51,8%). Эта мера является адресным видом социальной помощи и назначается лицам, имеющим доход ниже величины прожиточного минимума, а также ветеранам труда.

Далее идут проезд на общественном транспорте (28,1%), который включен в социальный пакет, и приобретение лекарственных средств (17,1%) инвалидам.

Городские жители чаще всего отмечали, что пользуются субсидией на оплату ЖКХ, проездным билетом и льготами «Ветеран труда».

Жители сельских поселений получают компенсацию твердого топлива.

Граждане, проживающие в специализированных домах, – средства реабилитации, слуховой аппарат, проживание.

Многие респонденты (61,6%) хотят получать помощь от государства, детей и внуков (16,9%). Причем сельские жители больше надеются на детей, чем городские. У граждан, проживающих в интернатных учреждениях, этот показатель сильно занижен (9,0%), так как в основном это одинокие люди, не имеющие близких и своего угла. Однако они надеются на помощь со стороны общественных организаций и волонтеров (13,0%).

Горожане также ждут помощи со стороны общественных организаций (8,0%), в то время как сельчане не питают такой надежды (1,0%).

Большинство респондентов добавили, что хотели бы иметь достойную пенсию и получить прибавку к пенсии, они ждут помощи от Пенсионного фонда и В.В. Путина. От социальных работников ждут помощи в основном инвалиды. Многие надеются только на себя.

В результате исследования выяснилось, что на третьем этапе (граждане старше трудоспособного возраста) формирования человеческого капитала продолжают осуществляться инвестиции индивидом, семьей, предприятием, государством на уровне всех его видов.

Несмотря на пенсионный возраст, 96,2% старшего поколения вкладывают или готовы вкладывать инвестиции в дальнейшее образование, которое является фундаментальным фактором развития экономики.

В целом по Республике Коми заметна устойчивая мотивация граждан старшего поколения к получению новых знаний, совершенствованию навыков и развитию своих способностей.

Отмечается устойчивый рост затрат домашних хозяйств на образование, как в личном плане, так и в обучении детей и внуков.

Выявлено, что около 60% граждан группы старше трудоспособного возраста относительно здоровы, около 30% – больны и являются инвалидами первой и второй групп. Ввиду неудовлетворительного состояния здоровья и преклонного возраста они нуждаются в постоянной посторонней помощи и стационарном социальном обслуживании.

Граждане старшего поколения отметили, что постоянно производят инвестиции в свой капитал здоровья, оплачивая почти все медицинские услуги.

С наступлением пенсионного возраста резко трансформируется структура распределения личных доходов домашних хозяйств и их возрастная динамика. Наблюдается относительно высокий удельный вес расходов на питание, лекарство, на оплату коммунальных и социальных услуг, а расходы на капитализацию личных доходов значительно сокращаются.

Сохраняется тенденция роста цен на платные социальные услуги и сокращения доли услуг, оказываемых на бесплатной основе, поэтому роль сферы социальных услуг, формирующих человеческий капитал, значительно повышается.

Понимание и выбор человеческого капитала в качестве главного фактора развития территорий буквально диктует системный и комплексный подход при разработке стратегии развития Республики Коми и увязки с ней всех других частных стратегий и программ.

Литература

1. Айвазян, С.А. Интегральные показатели качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях / С.А. Айвазян. – М.: ЦЭМИ РАН, 2000. – 118 с.; Госкомстат России. Методологические положения по статистике. Вып. 1. – М., 1996.
2. Ильинский, И.В. Инвестиции в будущее: образование в инновационном воспроизводстве / И.В. Ильинский. – СПб.: Изд. СПбУЭФ, 1996. – 163 с.
3. Тихомирова, В.В. Методология и механизмы финансового обеспечения системы социальной поддержки населения регионов зоны Севера / В.В. Тихомирова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1 (25). – С. 123-137.
4. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Крошилин С.В., Медведева Е.И.

Крошилин Сергей Викторович (Россия, Коломна) – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30, krosh_sergey@mail.ru);

Медведева Елена Ильинична (Россия, Коломна) – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, E_Lenam@mail.ru)

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В НЕПРЕРЫВНОМ ОБРАЗОВАНИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ¹

Аннотация. Востребованность образования для развития человеческого потенциала в условиях импортозамещения, демографические проблемы российского общества и реформирование системы образования заставляют задумываться о развитии и внедрении новых форм обучения. Одной из них является E-Learning. Концепция электронного обучения соответствует новой парадигме «образование через всю жизнь», а также является наиболее эффективным инструментом для развития непрерывного обучения. Без эффективной системы подготовки и переподготовки кадров невозможно социально-экономическое развитие регионов России.

Ключевые слова: образование, человеческий потенциал, электронное образование, система образования, система электронного обучения, экономика знаний, информационное общество.

¹ РГНФ 15-02-00066 «Непрерывное образование в условиях рецессии и демографической трансформации как фактор повышения конкурентоспособности России».

Современная информатизация общества оказывает воздействие на все сферы деятельности. Образование не исключение. Ведь знания, как и информация, очень быстро устаревают. Важно научить человека находить актуальную и релевантную информацию, а значит и получать новые знания – вот главная задача образования сегодня. В настоящее время применяются новые формы образования, используются компьютерные, информационные и web-технологии для поддержки процесса обучения. Без эффективной системы подготовки и переподготовки кадров невозможно социально-экономическое развитие регионов России.

Распространение и доступность Интернета послужили основой для внедрения сетевых технологий в процесс обучения и распространения знаний. Это позволило использовать новые формы распространения учебного материала, такие как электронные учебники и библиотеки, удобные системы тестирования, а также средства общения. Образовательные порталы позволяют использовать технологии E-Learning [1]: не только проводить удаленное обучение в ведущих университетах, но и получать документальное подтверждение полученной квалификации – сертификаты и дипломы.

E-Learning – электронное (виртуальное), или, как в России чаще принято называть, дистанционное обучение. При таком обучении используются компьютерные, информационные и web-технологии для поддержки процесса обучения. E-Learning сегодня основывается на сетевых технологиях, т. е. происходит интеграция учебных методик и возможностей интернет-технологий для передачи необходимых компетенций обучаемому. Это особенно актуально сегодня, когда во всех учебных заведениях страны реализуется «Доступная среда». Такой подход к обучению практически не имеет каких-либо отраслевых ограничений в применении (особенно в теоретических курсах). Многочисленные исследования выделяют множество преимуществ электронного обучения, среди которых наиболее значительными являются следующие [1]:

- мобильность – доступ к программам обучения в любом месте и в любое время;
- интерактивность – одновременный доступ неограниченного количества обучающихся;
- неформальность – процесс обучения происходит в комфортной обстановке;
- экономичность – сокращение затрат на обучение;
- технологичность – запись и воспроизведение учебных материалов;
- индивидуальный подход – возможность персонализации программы под каждого учащегося.

Эффективность E-Learning подтверждает зарубежный опыт. Например, бывший глава GE Джек Уэлч инвестировал 2 млн долл. в обанкротившееся подразделение Кливлендского университета и вместе с другими инвесторами хочет превратить его в центр интернет-обучения. В онлайн-университете будут программы MBA, бакалавриата и магистратуры. Стратегия проста: использовать научный, теоретический и человеческий потенциал, имеющийся у университета, и на его базе создать онлайн-вуз [2]. Российские вузы имеют огромный потенциал, который в связи с последним реформированием системы образования может быть безвозвратно утрачен. Ситуация может стать аналогичной современному положению с детскими садами и системой начального профессионального образования, когда имеющуюся материальную базу проще сдать в аренду, а не перепрофилировать деятельность для развития новых направлений и возможностей обучения. Кроме того, применение дистанционных форм обучения (E-Learning) значительно сокращает затраты на процесс получения образования и может способствовать выживанию и сохранению научного потенциала многих вузов страны, в том числе и государственных. Однако для реализации таких форм образования учебным учреждениям необходимо иметь определенную техническую, информационную и законодательную базу.

Анализируя процессы становления информационного общества, можно выделить 5 основных направлений радикальных изменений в системе образования [3]:

- развитие неформального образования, обусловленное воздействием информационных технологий;
- усиление индивидуализированного характера образования, который позволяет учитывать возможности и потребности каждого конкретного человека;
- утверждение самообразования, самообучения как ведущих форм образования;
- ориентация на образование, создающее знание;
- формирование системы непрерывного образования, т. е. образования в течение всей жизни.

Все из перечисленного в той или иной мере пересекается с электронной формой обучения – E-Learning. Существует также проблема «лавинообразного» увеличения количества информации, которую человек должен анализировать в процессе своей трудовой деятельности в эпоху экономики знаний.

Очевидно, что развитие новых методов обучения или даже электронных форм образования невозможно без использования новых технических и информационных средств. Разработка новых образовательных технологий, базирующихся на применении компьютеров и использовании информационных ресурсов, позволяет обеспечить практическую реализацию принципов открытого образования, а также значительный приток учащихся без увеличения площадей материально-технической базы, затрат на оплату коммунальных услуг и т. д. Применение и развитие новых форм обучения на основе ИТ способно повлиять на конечную стоимость образовательной программы. Например, дистанционное образование значительно дешевле, нежели программа получения образования в очной форме. Однако сама форма дистанционного образования в России в связи с ее

коммерциализацией весьма себя дискредитировала. О качестве получаемого образования в таких вузах стали говорить только сейчас, когда на рынок труда волной хлынули дипломированные специалисты, которые по причине низкого качества полученных знаний там просто не востребованы. Об этом много говорится и пишется не только в научном сообществе, но и в СМИ [3].

К недостаткам E-Learning также можно отнести то факт, что свобода и гибкость графика обучения многими российскими обучающимися может быть воспринята как вседозволенность. Поэтому от обучающихся (независимо от их возраста) требуется реальная внутренняя мотивация к занятиям и самодисциплина. Необходимо соблюдать сроки выполнения задания и требования к ним и понимать, что электронная система образования не легче, чем традиционная. Крайне важно не пропускать занятия и своевременно выполнять задания. Не все профессиональные навыки могут быть получены с помощью электронного (дистанционного) образования. Есть ряд учебных дисциплин, где дистанционная форма обучения неприемлема. Например, при изучении конструкций технических объектов необходима учебная работа на натуральных экспонатах или их макетах, так как не все можно заменить компьютерным моделированием. Врачом нельзя стать без учебной клинической практики, парикмахером – без практических навыков работы и т. д. Необходимо понимать, что специфика обучения есть в любой профессии, следует грамотно выбирать те направления, которые можно реализовать через E-Learning с наибольшей эффективностью [1].

В значительной степени это относится и к работникам нефизического труда. В развитых странах использование E-Learning практически на всех этих местах стало нормой, а для специалистов – просто обязательным. Кроме того, ИКТ – важный элемент самообразования. Востребованность самообразования и непрерывного образования на основе ИКТ во всем мире в последнее время только возрастает (*рис. 1*) [3].

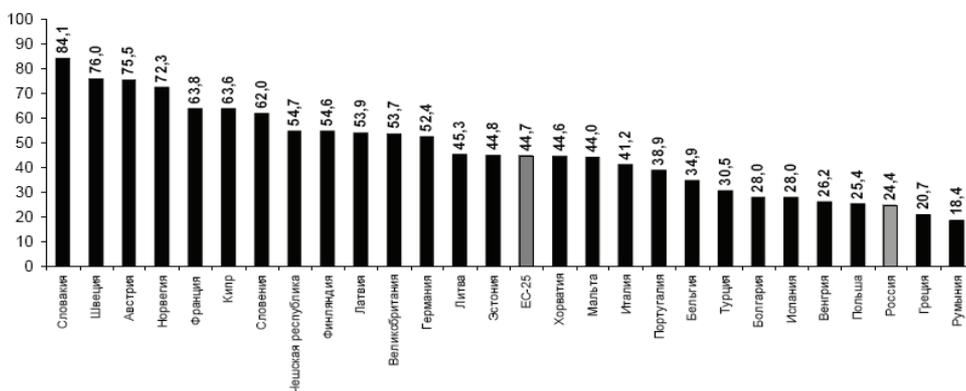

Рис. 1. Участие населения России и европейских стран в самообразовании (в % от числа опрошенных в возрасте 25–64 лет)

Источник: Индикаторы образования: 2011 : стат. сб. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011. С. 35-37.

Таким образом, положительным моментом при использовании ИКТ в образовании является повышение качества обучения за счет: большей адаптации обучаемого к учебному материалу; возможности выбора более подходящего для обучаемого метода усвоения предмета; самоконтроля; доступа к ранее недостижимым образовательным ресурсам российского и мирового уровня; поддержки активных методов обучения; образной наглядной формы представления изучаемого материала; развития самостоятельного обучения.

Существенная проблема при внедрении ИКТ в образовательный процесс – информационная перегрузка учащихся, которая с каждым годом только увеличивается. Избыток данных служит причиной снижения качества мышления, прежде всего среди образованных членов современного общества. Большинство проблем возникает не в связи с тем, что ИКТ применяют в процессе обучения, а именно с тем, как их используют. Мало кто задумывается о том, что значит для учащегося «просидеть» все занятия за компьютером. Не обсуждается и вопрос о том, как воздействует на учащихся просмотр презентаций через мультимедийный проектор. Спорным остается ноу-хау по внедрению электронных учебников, книг (типа E-book) для учащихся, особенно в первых классах, и т. д. и т. п.

Очевидно, что E-Learning предполагает изменение самой формы обучения с учетом определенной специфики электронного образования, прежде всего того, что заниматься можно в любом месте, где есть компьютер с выходом в Интернет (даже дома или на работе). Сегодня есть возможность просматривать и работать с данными с помощью современных сотовых телефонов и нетбуков буквально повсюду. Время начала и окончания занятий каждый обучающийся выбирает сам, при этом можно посещать виртуальный класс ежедневно или по любому удобному графику. Получая или отсылая информацию, связанную с изучением курса, учащийся постоянно взаимодействует и с преподавателем, и с другими студентами.

Как и при традиционном обучении, преподаватель, который ведет тот или иной виртуальный курс, разрабатывает учебные планы, проводит занятия в виртуальном классе, организует и направляет дискуссию по изучаемой теме, отвечает на вопросы студентов и, естественно, проверяет правильность выполнения заданий. Каждый учебный курс имеет свои временные рамки. Для изучения предмета потребуются книги. Их можно заказать через виртуальные книжные магазины, действующие при курсах. Сама по себе виртуальная система образования дает возможность приобрести дополнительные знания всем желающим независимо от национальных, расовых, половых, социальных и других признаков, которые в ином случае могут стать поводом для дискриминации. Особую роль играют личностные особенности, предпочтения и качества, способствующие или не способствующие успешному электронному обучению.

Все это сейчас активно используется в российском обществе, одним из целевых сегментов потребления электронных образовательных ресурсов различного назначения становится молодежь. Однако у новых технологий есть и «обратная сторона медали». Современная молодежь стала меньше читать и обращать внимание на релевантность полученной информации. Очень часто многие даже не могут назвать источник полученной информации, не говоря уж о степени его надежности.

В рамках проекта РГНФ 15-02-00066 «Непрерывное образование в условиях рецессии и демографической трансформации как фактор повышения конкурентоспособности России» было проведено исследование, в котором анализировалось отношение различных когорт учащихся к новым формам обучения, а также выявлялось отношение к развитию экономики знаний (информационного общества) в стране и регионе. Исследования проводились на юго-востоке Московской области. Численность выборки (пилотное исследование) составила 600 человек. Практически половина опрошенных – 31,7% – учащиеся школ; 26,7% – студенты вузов; 31,7% – учащиеся других учебных заведений (колледжи, лицеи и т. п.). Возраст респондентов от 15 до 33 лет, 41,3 % опрошенных – лица мужского пола, 58,7% – женского.

Многие из опрошенных (80,83%) указали, что используют Интернет для обучения (выполнения задания по учебе), как правило, это поиск нужных курсовых работ и рефератов. Однако лишь около половины учащихся пользуется образовательными порталами (48,72%). Треть опрошенных (35,9%) знают, что образовательные порталы есть, но не знают, как на них попасть (не знают адресов). 15,38% опрошенных считают, что такие порталы вообще не нужны. Отсутствие знаний адресов порталов, необходимых для учебы, наводит на мысли о плохой информированности учащихся о таких ресурсах. В результате, как показывает собственный практический опыт, качество предоставляемых обучающимися на проверку преподавателю рефератов и курсовых работ с каждым годом лишь ухудшается. Студент зачастую не имеет ни малейшего представления, что написано в сдаваемой им работе.

Распространение Интернета и других информационных ресурсов (электронные книги, базы знаний на компакт-дисках и др.) привели к тому, что современная молодежь стала меньше читать, причем с каждым годом количество прочитанных учащимися книг сокращается. Четверть опрошенных (25,3%) прочитывают одну или две книги за год, три-четыре –

около трети (29,7%), пять-десять – 13,3% респондентов. Времени на чтение литературы нет у 21,3% интервьюируемых. Как показало исследование, за чтением книг проводит всего несколько минут в день почти 27% опрошенных. Приблизительно 40% тратит на это от 0,5 до 1 часа, 26% – 1–3 часа, 4% – от 3 и более, все свободное время – 3%. Половина опрошенных (55,3%) предпочитает читать книги с листа «классическим способом», 15,0% – с экрана. Почти третья часть (29,7%) опрошенных не видит разницы между носителями информации.

Относительно чтения периодических изданий были получены следующие результаты: электронную периодику читают 23,1% опрошенных, «безразлично, какую периодику читать» (печатную или электронную), – 27,2%. Только печатную предпочитают 25,5%. Практически не читают периодические издания 14,8% опрошиваемых, а 9,3% не читают ее вообще. Активнее используются электронные книги. Отдельное электронное устройство – E-book – есть практически у каждого третьего опрошенного (32,4%).

В настоящее время в мире и в российском обществе происходит «гуглизация» сознания. Молодежь видит в Интернете «продолжение» своего знания. Около 90% опрошенных при необходимости определения нового понятия или неизвестного термина набирают его в поисковой строке (Yandex, Google и т. п.), спрашивают у наставников или преподавателей (школьники – у взрослых, родителей или учителей) – 5,2% опрошенных, у друзей – лишь 1,7%, идут в библиотеку – 2,8% опрошенных.

Библиотека перестала быть единственным местом нахождения необходимой информации. Ее посещают 56,2% опрошенных. Причем 1 раз в полгода – 22,1%, 1 раз в год – 14,5% и столько же 1 раз в месяц. Лишь 5,2% посещают библиотеку раз в неделю. Вообще туда не ходят 43,8% опрошенных.

Очевидно, что многие компенсируют «поход в библиотеку» электронными ресурсами. Однако лишь чуть больше половины опрошенных

пользуется образовательными порталами (54,3%). Треть (28%) – знают, что они (образовательные порталы) есть, но не знают, как на них попасть (не знают адресов). 17,7% опрошенных эти порталы вообще не нужны. Отсутствие знаний адресов необходимых для учебы порталов, сайтов и полезных источников отчасти говорит о плохой информированности о наличии таких ресурсов.

Несмотря на существующие проблемы, реальная экономия средств вузов и компаний-работодателей при организации дистанционного обучения очевидна. Правда, широкое распространение E-Learning получит только тогда, когда в России появятся соответствующие технические возможности, хорошие телекоммуникационные каналы – в первую очередь в провинции, на которую изначально был рассчитан этот вариант обучения.

Использование информационных и коммуникационных технологий в процессе обучения – это, безусловно, качественный прорыв в российском образовании. Благодаря таким технологиям становится возможным шире, нагляднее, интерактивно и современно представлять учебный материал учащимся. С применением ИКТ в образовании появилась возможность обучаться дистанционно, что весьма актуально для такого государства, как Россия. Как правило, все крупные учебные заведения сосредоточены в центральных районах страны, для получения качественного образования жителям отдаленных регионов приходится ехать учиться в «центр», что для многих весьма затратно. Развитие дистанционного образования могло бы решить проблему равного доступа к образованию. Однако практическая реализация многих идей далека от совершенства, о качестве получаемого таким способом образования сегодня говорить не приходится – оно слишком отличается (в худшую сторону) от традиционных форм. Причина этого не в самих технологиях, а в способах их применения. От того, как их использовать, зависит не только качество получаемого образования в российском социуме, но и поступательное развитие экономики и всей страны.

Самое главное условие для успешной реализации E-Learning в России – политическая и правовая поддержка со стороны государства, объединение ресурсов Минобрнауки и Минсвязи, содействие бизнеса и крупных IT-компаний.

Литература

1. Медведева, Е.И. Электронное образование и развитие инновационной экономики России / Е.И. Медведева, С.В. Крошилин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 4 (16). – С. 58-72.

2. Крошилин, С.В. Электронное образование в России (E-learning) / С.В. Крошилин // Материалы научно-практической конференции «Проблемы современного экономического образования: школа-ВУЗ». 31 марта 2011 года. – МГОСГИ, ЭФ.

3. Крошилин, С.В. Влияние информационных технологий на качество образования / С.В. Крошилин // Народонаселение. – 2012. – № 2 (56). – С. 104-109.

4. Медведева, Е.И. Реструктуризация образования в условиях инновационного развития / Е.И. Медведева // Народонаселение. – 2012. – № 2 (56). – С. 94-100.

Леонова Ж.К., Иванина В.М.

Леонова Жанна Константиновна (Россия, Коломна) – доктор экономических наук, доцент, первый проректор, профессор кафедры экономики и менеджмента, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30, zh_leonova@mail.ru);

Иванина Вера Михайловна (Россия, Коломна) – аспирант, кафедра экономики и менеджмента, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30, vero4ka_2009_@mail.ru)

ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена анализу инвестиционного и инновационного развития Московской области. Инвестиции в образование являются одним из факторов развития инновационных процессов в национальной экономике. Проанализирована динамика инвестиций в сферу образования Московской области, структура инвестиций.

Ключевые слова: инвестиция, инновация, образовательный кластер, развитие региона, качество образования.

Одним из основных факторов экономического роста в любой стране являются инвестиции в инновационную деятельность. В условиях активной динамики технологичных укладов мировое хозяйство определяет конкурентоспособность национальных экономик в зависимости от уровня развития инноваций.

Развитие качественной инновационной и инвестиционной активности – это одна из основных задач современного государства. Инвестиции должны

быть направлены как в материальные, так и нематериальные активы с целью получения результатов в виде прибыли или создания новшеств, ориентированных на активизацию деятельности предприятия на базе научно-технического прогресса. Инновации позволяют формировать имидж эффективной национальной экономики, в том числе посредством привлечения высококвалифицированных специалистов в реальный сектор, молодежи в науку, создания инновационных кластеров.

В ежегодном обращении от 03.12.2015 к Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В. Путин отметил, что одним из инвестиционных направлений должно быть образование, которое является одним из факторов, стимулирующих инновационное развитие как в рамках страны, так и отдельного региона: «Стремительно меняются контуры мировой экономики, формируются новые торговые блоки, происходят радикальные изменения в сфере технологий. Именно сейчас определяются позиции стран в глобальном разделении труда на десятилетия вперед, и мы можем и обязаны занять место в числе лидеров. Россия не имеет права быть уязвимой. Нам нужно быть сильными в экономике, в технологиях, в профессиональных компетенциях, в полной мере использовать сегодняшние благоприятные возможности, которых завтра может уже и не быть» [1].

По индексу уровня образования в странах мира (Education Index) в 2013 году Россия занимала 36 место (Беларусь – 21, Латвия – 24, Литва – 8, Грузия – 40, Украина – 30). По данным The World Bank: World Development Indicators 2014 (Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование)[9], Россия находится на 98 месте (4,1% национального дохода), Беларусь – 83 (4,5%), Латвия – 42 (5,7%), Литва – 46 (5,6%), Грузия – 119 (3,2%), Украина – 57 (5,3%). Приведенные данные рассчитаны по состоянию на 2010–2012 годы (опубликованы в 2014 году).

Несмотря на достаточно серьезные вложения в отечественное образование за этот период, его конкурентоспособность на мировом рынке образовательных услуг остается весьма низкой.

При этом необходимо отметить, что при существующем многообразии моделей социально-экономического развития регионов России нужно понимать, что и уровень образования, и финансирование данной сферы являются неоднородными.

Так, например, Московская область по инвестиционному признаку характеризуется как регион «локомотив», а по инновационному признаку – регион, «инновационно развивающийся (или растущий регион)», развитие происходит за счёт развития инновационных систем, производящих замену элементов старой системы.

Сфера образовательных услуг – одна из интенсивно развивающихся. Инвестиции в образование в 2011–2012 годах выросли на 86%, или на 2643,8 млн. руб. В 2013 году инвестиции выросли более чем в 2 раза, или на 7105,2 млн. рублей, и составили на конец 2013 года 12828,2 млн. руб.

В настоящее время в системе образования Московской области работают 173500 чел.; в образовательных учреждениях всех типов и видов обучаются и воспитываются 1011200 чел.

По размерам сети учреждений образования, численности обучающихся и воспитанников система образования Московской области является одной из наиболее крупных в Российской Федерации и включает в себя:

- 1874 дошкольных образовательных учреждения, охватывающих 260296 детей;
- 1462 общеобразовательных учреждения с контингентом обучающихся 614484 чел.;
- 295 учреждений дополнительного образования детей, услугами которых пользуются 276461 чел.

Особое внимание необходимо уделить профессиональному образованию, так как именно в этой сфере идёт процесс подготовки квалифицированных кадров, в том числе для инновационного сектора.

По статистическим данным, на 2013 год в Московской области работали 78 учреждений начального профессионального образования (далее – НПО) с контингентом 24075 чел.;

57 учреждений среднего профессионального образования (далее – СПО) с контингентом 29467 человек;

5 учреждений высшего профессионального образования (далее – ВПО) с контингентом 26785 человек;

29 учреждений дополнительного профессионального образования (повышения квалификации специалистов) с контингентом слушателей 38522 человека [4].

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, постановлением Правительства Московской области от 28.08.2012 № 1049/32 «О разработке долгосрочной целевой программы Московской области «Развитие образования в Московской области на 2013–2015 годы» Правительство Московской области утвердило долгосрочную целевую программу Московской области «Развитие образования в Московской области на 2013–2015 годы».

Инвестиции в сферу образования Московской области рассчитываются исходя из прогнозируемой потребности в учебных местах и обеспечении образовательной деятельности региона. Так, прогнозируемый рост численности детей (к концу 2015 года численность детей от 1,5 до 7 лет увеличилась на 4%, численность обучающихся в общеобразовательных учреждениях – на 3%) обуславливает потребность в новых учебных местах.

Анализируя объемы финансирования образования в Московской области на 2015 год, можно заметить, что основная их доля приходится на средства из бюджета Московской области – 19267,356 млн. руб. Средства бюджета муниципальных образований составляют на 2015 год 170,519 млн. руб., средства федерального бюджета – 31,377 млн. руб. Структура финансирования представлена в *табл. 1*, на *рис. 1*.

Таблица 1. Структура финансирования сферы образовательных услуг в Московской области в 2015 г.

Направление финансирования	Сумма, млн. руб.	Доля, %
Финансирование развития системы профессионального образования	11643,32	59,80
Развитие системы дополнительного образования	4494,8	23,09
Развитие общего образования	1962,513	10,08
Обеспечение реализации программы	1328,719	6,82
Дошкольное образование	39,9	0,20
Всего	19469,25	

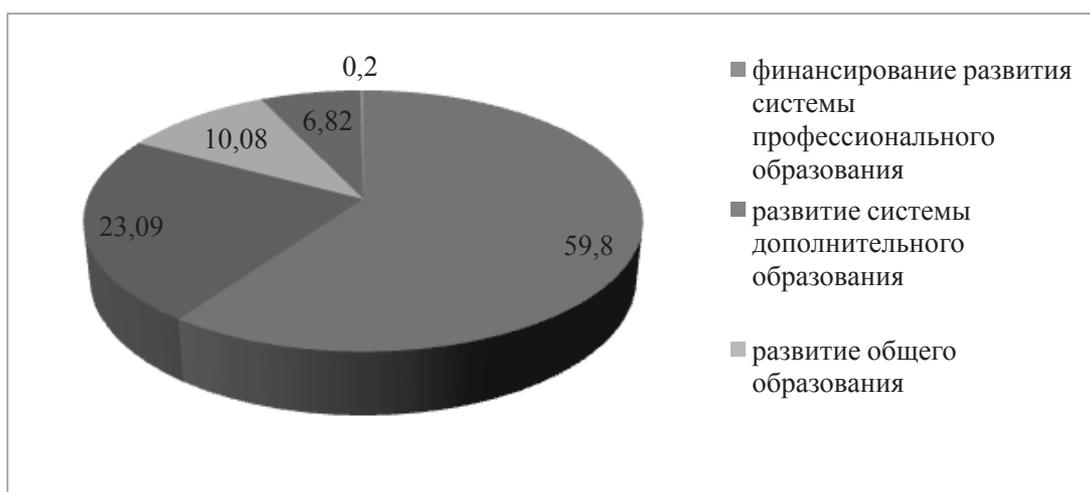

Рис. 1. Структура финансирования сферы образовательных услуг в Московской области в 2015 г.

В современной системе образования для обеспечения качественного обучения необходимо использовать инновационные подходы и методы. Поэтому изучение системы образования региона неотрывно следует за анализом инновационной составляющей данного процесса.

Инновационная инфраструктура представлена следующими элементами: особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Дубна»; 8 муниципальных образований со статусом наукограда Российской Федерации: города Дубна, Жуковский, Королев, Реутов, Протвино, Пущино, Фрязино, Черноголовка; 3 инновационных территориальных кластера: ядерно-физических и нанотехнологий в г. Дубне; биотехнологический

инновационный территориальный кластер в г. Пущино; кластер «Физтех XXI» в г. Долгопрудном и в г. Химки [6].

В регионе базируются организации, ведущие подготовку аспирантов и докторантов, научные учреждения, предоставляющие реализацию всех приоритетных тенденций развития науки [5]. Это говорит о том, что регион не только получает значительные объемы инвестиций, но и демонстрирует эффективный процесс внедрения инноваций.

Численные показатели впечатляют: число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, – 257 шт.; число инновационно-активных организаций – 202 ед.; численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками – 86,1 тыс. чел.; численность исследователей – 37,5 тыс. чел.; число выданных патентов на изобретения и полезные модели – 1856 шт. [6].

Относительные показатели значительно снижают оптимистический настрой и позволяют говорить, что «инновационный сектор сейчас с точки зрения экономического роста наиболее перспективен, но он не является драйвером экономики на текущий момент» [6].

Так, например, объем инновационных товаров, работ и услуг в процентах от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг – 7,1%. Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к валовому региональному продукту составляют всего 3,7%. Уровень инновационной активности организаций – 8,1% [7].

Среди причин сложившейся ситуации называются такие, как сокращение численности и качества работников, выполняющих научные исследования и разработки, и низкая инновационная активность бизнеса.

Инновационную инфраструктуру в системе образования Московской области составляют региональные коллективные субъекты инновационной деятельности, а также их объединения (группы, кластеры) и органы, обеспечивающие управление их деятельностью, ее сопровождение и поддержку. Инновационные кластеры создаются вокруг научных

учреждений, которые в современных условиях формируют спрос на кадры, способные не только создавать инновации, но и в дальнейшем внедрять их в производство. Особенностью образовательного кластера является повышение качества подготовки выпускников профессиональной школы.

Это объясняется тем, что в условиях перехода к инновационной экономике оправдан более широкий подход к понятию кластера – объединение как территориально приближённых, так и отдалённых друг от друга, но объединённых общими проектами, системой передачи знаний и стратегией развития [2].

В заключение следует сказать, что активизация инновационно-инвестиционного процесса в сфере образования – это одно из наиболее действенных механизмов социально-экономических преобразований, которое предопределяет устойчивое функционирование регионов, повышение их экономического и социального потенциала. Перемены, происходящие в сфере образования в рамках экономики знаний, воздействуют на уровень государственного регулирования, эволюции форм и методов организации образования как общественного блага [3].

Относительно Московской области необходимо заметить, что инвестиции в сферу образования данного региона достаточно высокие, однако наблюдается нехватка данных инвестиций. Повышение рождаемости обуславливает необходимость увеличения количества образовательных и дошкольных учреждений, штата педагогов. Научно-технический прогресс заставляет использовать более совершенные методы и средства обучения, что также необходимо учитывать при планировании инвестиций в рассматриваемый регион.

В будущем процветании региона центральная роль принадлежит инновационным инвестициям, повышающим производительность труда и вложенного капитала. Развитие инноваций осуществляется в условиях накопления новых знаний, создания и продуктивного использования новых технологий [8].

Литература

1. Выступление В.В. Путина 03.12.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news-mail.by/2015/12/03/vystuplenie-putina-03-12-2015-video-polnyj-tekst-putin-turciya-erdogan-igil-daish/>.
2. Леонова, Ж.К. Кластерный подход в подготовке и переподготовке предпринимателей в условиях инновационного развития экономики / Ж.К. Леонова // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 34. – С. 10-15.
3. Леонова, Ж.К. Особенности налогообложения образовательных услуг в РФ и зарубежный опыт / Ж.К. Леонова, В.М. Иванина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 3. – С. 60.
4. Мой-ориентир.рф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://мой-ориентир.рф/консультационный-центр/нормативно-правовые-материалы/109/861/???history=0&sample=2&ref=1>.
5. Официальный сайт «Инновации в России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://innovation.gov.ru/node/3562>.
6. Официальный сайт «<http://hippt.net/>» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hippt.net/documents/6617/nauchno-tehnicheskii-i-innovatsionnyu-potentsial-moskovskoy-oblasti.ppt???history=0&sample=14&ref=1>.
7. Полежаева, А.Ю. Управление инновационным развитием региона: проблемы и ориентиры (на примере Московской области) [Электронный ресурс] / А.Ю. Полежаева. – Режим доступа: <http://regconf.hse.ru/uploads/07984b06ed0454db6acb787091e3092a4cc24929.doc>.
8. Федотенков, Д.Г. Инвестиционно-инновационный потенциал как основа развития экономики региона [Текст] / Д.Г. Федотенков, А.А. Падалко // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 565-572.
9. World development indicators 2014 [Электронный ресурс] // The World Bank. Documents & Reports. – Режим доступа : <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/2014/05/19485574/world-development-indicators-2014>

Муравлёва В. В.

Муравлёва Вера Викторовна (Россия, Коломна) – ассистент, кафедра экономики и менеджмента, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» (140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30, muravleva-v@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития человеческого потенциала молодежи, численность которой с каждым годом снижается. Данная тенденция обязывает особое внимание уделять перспективам реализации и накопления современной молодежью потенциальных возможностей.

Ключевые слова: человеческий потенциал, молодежь, потенциальные возможности, уровень развития человеческого потенциала.

В долгосрочной перспективе необходимым условием прогресса современного общества является развитие человеческого потенциала населения. Будущие возможности страны зависят от образования, здоровья и стремления нации к реализации и накоплению знаний и навыков. В современных условиях для определения уровня и качества жизни населения все чаще употребляется термин «человеческий потенциал». Как отмечает министр по вопросам Открытого правительства РФ М. Абызов: «На сегодняшний день глобальная конкуренция – это конкуренция не технологий и инновационных решений, а конкуренция за человека».

Категория «человеческий потенциал» не может трактоваться как мера, которая абсолютно и однозначно характеризует его обладателя. Человеческий потенциал (ЧП) – это способность индивида к самовыражению, самоактуализации и самореализации [1, с. 132]. В докладе

Программы развития ООН (ПРООН) за 1990 г. человеческий потенциал определялся как процесс расширения человеческого выбора и достигнутый уровень благосостояния людей [2].

Характерными особенностями человеческого потенциала выступают:

- 1) главная задача – создание запасов знаний и опыта в результате обучения;
- 2) возможности и способности человека (находящиеся в резерве) при желании и определенной мотивации могут реализоваться в процессе труда;
- 3) человеческий потенциал неосязаем (возможно, будет приносить материальное вознаграждение в будущем).

Таким образом, человеческий потенциал можно определить как процесс достижения соответствующего уровня благосостояния, возможности отдельного человека сделать что-то в будущем и добиться поставленных целей, способных расширить возможности выбора для людей. Именно человеческий потенциал определит стратегические возможности и перспективы развития российского общества.

Исходя из этого, процесс развития человеческого потенциала следует рассматривать в совокупности определяющих социальных и экономических факторов (рис. 1).

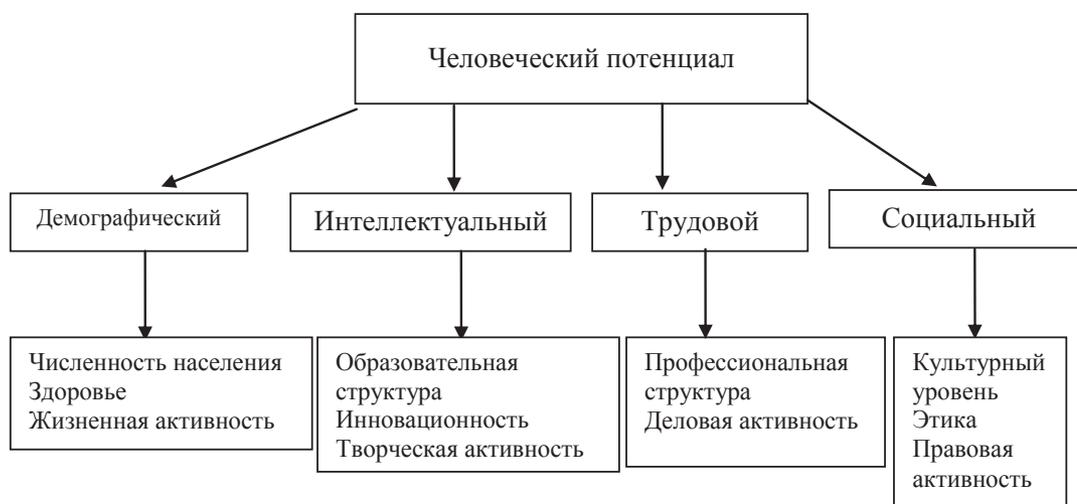

Рис. 1. Структура человеческого потенциала региона¹

¹ Схема составлена автором.

Ключевое звено в процессе человеческого развития – индивид, расширение возможностей его жизненного выбора способствует преодолению бедности, актуальность которой на сегодняшний день еще очень велика. Факторы – образование, наука, культура, здравоохранение, трудовая деятельность, доходы и др. – взаимосвязаны и определяют уровень человеческих возможностей (потенциала), что является движущей силой человеческого развития.

Таким образом, изучив основные теоретические аспекты категории развития человеческого потенциала, следует отметить, что это комплексная категория, выражающая степень удовлетворения физиологических, моральных, интеллектуальных, культурных, духовных, материальных и т. п. потребностей, а также степень их совершенствования.

Именно в этих условиях огромную значимость приобретает вопрос уровня и качества человеческого потенциала молодежи. Чтобы оценить эффективность проводимой политики в области развития человеческого потенциала РФ, был проведен расчет уровня ЧП молодежи на основе данных Федеральной службы государственной статистики. Предложенная схема (рис. 1) позволила математическим путем определить значения четырех основных показателей: интеллектуальный потенциал, трудовой потенциал, демографический потенциал и социальный потенциал. Молодежь России и Московской области выступала в роли объекта исследования, так как уровень человеческого потенциала молодого поколения в будущем определит векторы экономического развития страны. Полученные результаты представлены на *рис. 2*.

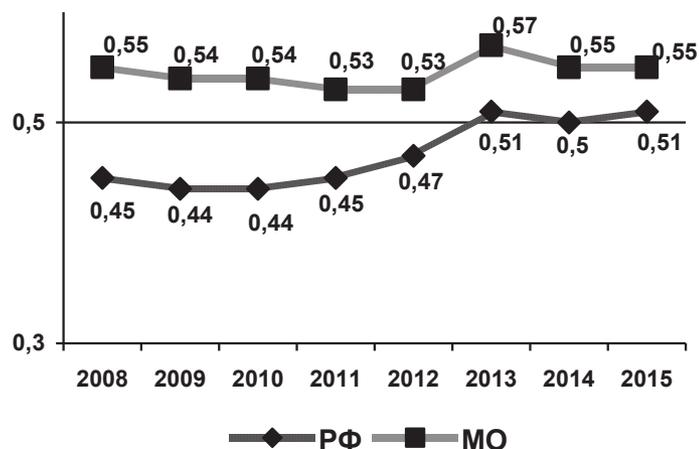

Рис. 2. Уровень развития человеческого потенциала молодежи, ед.²

Представленные данные отражают общую положительную тенденцию в стране. Человеческий потенциал молодежи РФ колеблется в диапазоне значений от 0,44 до 0,51 ед. С 2009 года и на протяжении последующих 4 лет величина ЧП в России характеризуется стабильным ростом почти на 16%. Однако в 2009 и 2014 годах наблюдалось небольшое снижение человеческого потенциала российской молодежи на 0,01 ед. (2,2% и 0,2% соответственно). Такое несущественное изменение объясняется негативными тенденциями в уровне трудового потенциала молодого поколения страны. Особого внимания заслуживает проблема занятости подрастающего поколения. Однако следует отметить, что в 2015 году ЧП молодежи вернулся к значению 2013 года (рост на 0,01 ед., или на 0,2%).

В Московском регионе с 2008 по 2012 год наблюдалось падение данного показателя на 3,6%. Выявленная ситуация объясняется плавным уменьшением значения уровня трудового потенциала молодежи Подмоскovie. Остальные составные элементы человеческого потенциала характеризуются уверенным ростом. В 2013 году был зафиксирован максимум величины ЧП молодежи в 0,57 ед. Положительным моментом является то, что рост данной категории превысил 7%. Решение проблем в

² Рассчитано автором на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики (www.gsk.ru).

области развития рынка труда для молодой когорты позволило внести существенные изменения в уровень ЧП.

Однако в 2014 году нестабильная ситуация на рынке трудовых ресурсов привела к снижению уровня развития ЧП областной молодежи на 3,5%. Последние два года продемонстрировали стабильную ситуацию, что в существующих условиях следует оценивать как положительное явление.

Анализ статистических данных показал, что 2013 год оказался самым эффективным с позиции прироста человеческого потенциала в регионе и стране. В данный период были замечены наиболее высокие значения данного показателя за весь исследуемый период. В настоящий момент уровень развития ЧП молодежи для Московской области составляет 0,55 ед., для РФ – 0,51 ед. В целом рассчитанные значения свидетельствуют о невысоком уровне реализации главной стратегической перспективы страны. Исследуемая величина стремится к максимальному значению (к единице), однако темпы ее роста напрямую зависят от структурных составляющих человеческого потенциала молодежи. Расчетным путем было определено главное препятствие динамичного роста указанной категории. На фоне средних значений показателей интеллектуального, социального и демографического потенциала вызывают беспокойство низкие величины уровня развития трудового потенциала молодежи.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что человеческий потенциал молодежи является определяющим вектором стратегического развития региона и страны. Молодое поколение накапливает, реализует и приумножает имеющиеся потенциальные возможности. Особое внимание следует уделить проблемам рынка молодых специалистов. Данная категория вносит существенный вклад в общий уровень развития ЧП в молодежной среде. Однако следует помнить, что человеческий потенциал молодежи определяется многофакторной моделью. Мероприятия по совершенствованию политики управления ЧП молодых граждан должны быть направлены на развитие всех его структурных компонентов. Комплексный

подход к данной проблеме позволит указанному показателю приблизиться к высоким значениям, что определит реализацию национальных долгосрочных перспектив.

Литература

1. Зараковский, Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие / Г.М. Зараковский. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
2. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/index.html> (дата обращения 03.03.16)

Цлаф В.М.

Цлаф Виктор Михайлович (Россия, Самара) – кандидат технических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Самарский государственный аэрокосмический университет (национальный исследовательский университет) (443086, г. Самара, Московское шоссе, 34, sbs@samaramail.ru); директор, частное учреждение «Центр системных и стратегических решений «Самарская школа бизнеса»», член Московского клуба консультантов по бизнесу и политике

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. Показаны истоки некоторых социокультурных проблем развития российской промышленности, заключающиеся, с одной стороны, в трансляции социокультурных норм советской оборонной промышленности, с другой стороны, в исключении интеллектуальной компоненты из управленческого образования.

Ключевые слова: человеческий капитал, индустриализация, милитаризация, социокультурные нормы, управление, образование.

Задачи России в отношении экономического развития часто характеризуют терминами «реиндустриализация» или «новая индустриализация». В первом случае, видимо, предполагается, что необходимо восстановить тот уровень промышленного развития страны, который имел место в конце советской эпохи – до периода деиндустриализации, начавшегося в конце 1980-х гг. Смысл второго термина раскрывается через понятия «модернизация», «инновации», «технологический уклад» [3, с. 15]. Отмечается, что «технологии, продукция и услуги отраслей экономики должны соответствовать возросшим требованиям внутреннего и мирового рынка» [2, с. 212 (цит. по [3, с. 15])].

Это условие отмечает возможность реиндустриализации: продукция советской промышленности, выпускаемая для потребительского рынка, лишь в единичных случаях была экспортоспособной, да и средства производства далеко не всегда соответствовали мировому уровню. Возможность новой индустриализации, как неоднократно отмечалось, определяется, в первую очередь, социокультурными факторами, «качеством» (в обобщенном смысле) человеческого капитала, вовлекаемого в этот процесс.

В настоящем докладе мы предприняли попытку конкретизации некоторых проблем, решение которых необходимо для осуществления новой индустриализации как основы экономического развития страны. Использовались разработки автора в области теории управления [5] и собственный опыт управленческого консультирования, осуществляемого автором с 1987 года.

Принимая за точку отсчета состояние советской промышленности второй половины 1980-х гг., отметим ряд ее характеристик, наложивших отпечаток и на сегодняшнее состояние промышленного комплекса.

Высокая степень милитаризации советской промышленности общеизвестна. Однако реальный уровень милитаризации был существенно выше, чем обычно предполагается. Основа оборонной промышленности СССР сосредотачивалась в отраслях, министерства которых образовывали «большую девятку»: «общее» машиностроение (ракетно-космическая промышленность), «среднее» машиностроение (атомная промышленность), просто машиностроение (производство боеприпасов), авиационная, радиотехническая, электронная промышленность и ряд других. Помимо отраслей «большой девятки», предприятия химии, нефтепереработки и нефтехимии, автомобильной и тракторной промышленности, судостроения, прочих отраслей машиностроения обслуживали нужды обороны. Однако этим оборонная промышленность не ограничивалась. Первый консалтинговый проект автора (ноябрь 1987 г.), посвященный развитию легкой промышленности Куйбышевской (ныне Самарской) области, на

стадии диагностики показал, что и легкая промышленность в значительной степени милитаризована. Самая большая швейная фабрика области – «Красная звезда» – не случайно носила такое имя. Куйбышевская швейная фабрика выпускала единственный вид продукции – погоны. Еще две швейные фабрики в городах области шили форменную одежду для разных родов войск и МВД. Из всех швейных предприятий области лишь одно выпускало верхнюю мужскую одежду, одно – трикотажные изделия и еще одно – постельное белье и простейшие предметы женского белья.

Промышленная продукция потребительского назначения (мы не рассматриваем здесь переработку сельскохозяйственной продукции и пищевую промышленность, тоже во многом работавшие на обеспечение армии и формирование стратегических запасов, но, тем не менее, существенно отличавшиеся от прочих предприятий долей «мирной» продукции) во многом производилась оборонными предприятиями в качестве директивно навязанного «ширпотреба». При том, что технологии «оборонки» в целом соответствовали мировому уровню, а порой и превышали его, производство «ширпотреба» вовсе не соответствовало ни технологическому, ни организационному уровню этих предприятий. Весной 1988 года автор настоящего доклада руководил консалтинговым проектом по развитию местной промышленности Куйбышевской области, подчинявшейся не союзным или республиканским министерствам, а исполкому областного Совета. Одно из этих предприятий, крайне примитивное технологически, в числе прочей продукции выпускало небольшие навесные замочки, стоившие в розничной продаже 1 рубль. Я спросил у директора завода: «А если завтра производство замков поручат авиационному или ракетному заводу, что будет с вашим заводом?» – «Нас не станет», – ответил директор. Вскоре куйбышевское авиастроительное предприятие, выпускавшее современнейшие военные и гражданские самолеты, получило задание выпускать замки в качестве «ширпотреба». Эти замки были существенно сложнее «местпромовских», стоили 6-8 рублей (для сравнения: билет для

поезда от Куйбышева до Москвы в общем вагоне поезда стоил 9 руб.) и часто ломались. В итоге покупатели искали в магазинах дешевую «местпромовскую» продукцию.

Еще два примера. Одно из головных советских предприятий по производству авиационных и ракетных двигателей не смогло освоить производство маникюрных «кусачек», потому что продукт должен был стоить 1 руб. 20 коп., а произвести его с такой стоимостью предприятие не умело.

В середине 1970-х гг. советское правительство убедилось, что предприятия Министерства медицинской промышленности СССР не могут освоить производство ряда электронных медицинских приборов, было принято решение передать его предприятиям оборонной промышленности. Одно из них – производитель сложнейшей электронной «начинки» космических аппаратов (Московская область) – не смогло «осилить» производство относительно простого прибора. На заводе умели работать только со специальными сортами трансформаторной стали, которые не полагалось использовать для «мирной» продукции, и не знали, как работать с «обычной» сталью.

Советская оборонная промышленность не экономила деньги. Так, оптимизация радиоустройств и радиосистем по критерию «эффективность – стоимость» началась только во второй половине 1970-х гг. [1].

Советская оборонная промышленность, как правило, небрежно относилась к производству «ширпотреба». По сравнению с жесточайшими санкциями за невыполнение требований по производству оборонной продукции, санкции за производство «ширпотреба», не удовлетворяющего потребителей, были чисто символическими. По основным потребительским свойствам и надежности советский «ширпотреб» часто не уступал импортным изделиям. Вспоминаются мужские механические наручные часы, выпускавшиеся Куйбышевским заводом им. Масленикова – производителем сложнейшей радиоаппаратуры для ракет, медицинских приборов и многих

других изделий. Эти часы работали без ремонта десятилетиями и по точности хода не уступали брендовым зарубежным маркам. «Хроническими болезнями» оставались эстетические свойства и стоимость (на удивление, упомянутые часы были очень дешевыми – однако, это тот случай, когда исключения подтверждают правило). Художественное конструирование не требовалось для изделий военного назначения, с дешевыми материалами работать, как правило, не умели, а денег «на войну» не считали – и потому считать не привыкли.

Не имело бы смысла вспоминать все эти примеры, если бы они не оставили глубокий социокультурный след, явственно ощущаемый и до сих пор.

Надо отметить, что определенные социокультурные особенности оборонных предприятий не являются сугубо российским феноменом, а свойственны организациям всего мира. В 1993 году автор встречался на Всемирном конгрессе консультантов по организационному развитию с Дианой Таазевиген – консультантом Ливерморской лаборатории – второго по значению ядерного центра США. «У меня работают академики, – говорила Диана, – они умеют делать атомные бомбы и больше ничего не умеют. Они знают, что Президент США даст столько денег, сколько нужно, а если не хватит – даст еще. А сейчас у вас сокращается производство вооружений – и у нас началось сокращение, Президент денег не дает – что же мне делать с моими академиками?»

Однако у западных предприятий замкнутость на оборонной продукции встречалась реже, чем производство продукции и использование технологий двойного назначения: для обороны и для потребительского рынка. Поэтому социокультурное «наследство» милитаризованных советских и имеющих богатый опыт рыночной деятельности западных предприятий оказалось существенно разным.

Перенесемся из прошлого в настоящее.

Сегодня мы являемся свидетелями не только возрождения, но и существенного прогресса российской оборонной промышленности. Это убедительно показывают успехи российского оружия в Сирии и других горячих точках. Наши оборонные предприятия снова выпускают продукцию, опережающую зарубежную по научно-техническому уровню. Изделия военного назначения поражают цели с точностью до нескольких метров на расстоянии тысяч километров, ослепляют радиотехнические средства противника, делают фотографии Земли из Космоса, доставляют грузы на любые орбиты, заправляют самолеты в полете и делают тысячи других сложнейших дел. И, как 30 лет назад, в «свободное время от производства ракет, самолетов и комплектующих к ним» наши оборонные заводы выпускают гражданскую продукцию. По основным потребительским свойствам эти отечественные товары зачастую не уступают зарубежным брендам. Но при этом остаются старые болезни: дизайн и стоимость.

Производственные технологии оборонных предприятий за последние 30 лет, несмотря на упадок в период деиндустриализации, все же изменились в соответствии с требованиями времени. Управленческая культура, в том числе ценности, определяющие отношения с потребителями, приоритеты видов деятельности, принципы распределения ресурсов, мотивацию исполнителей и «бич XXI века» – транзакционные издержки – осталась прежней. Завод списывает издержки на гражданскую продукцию (бывший «ширпотреб»), вписываясь в заданные государством границы допустимой себестоимости оборонной продукции, при этом руководство не интересуется, купит ли потребитель изделие, стоимость которого завышена в разы. А снижение издержек (так, чтобы не было необходимости завышать себестоимость изделий) – задача, решать которую менеджеры оборонных предприятий не умеют. Хотя формально пути решения вроде бы известны: стандартизация бизнес-процессов, внедрение «бережливого производства», стимулирование персонала и т. п.

Как показано в работе [6], самый большой и важный блок проблем российских промышленных предприятий относится к персоналу. В их числе отметим низкий уровень управленческой квалификации, порожденный современным состоянием управленческого образования. Этот уровень не позволяет управленцам критически оценивать ситуацию и делать выводы относительно необходимых действий, результативно используя собственный интеллектуальный потенциал.

Вторая половина XX и, в особенности, начало XXI века стали эпохой усложнения мира, какого не знала история человечества. Взаимосвязи между людьми, социальными организациями, человеком и природой, бизнес-единицами, обществом, бизнесом и властью оказались столь сложными и многообразными, что вышли за пределы обыденного человеческого понимания, осуществляемого как бы «между делом». Для понимания реальности стало необходимым владеть многими научными предметами, получать или хотя бы находить и пользоваться объективными результатами в каждом из них, а главное – уметь синтезировать эти результаты для получения целостной картины. Это потребовало особых процедур и времени для их осуществления. В то же время процессы в социуме, бизнесе и политике существенно ускорились, не давая времени задуматься. В этих условиях понимание мира «в режиме реального времени», освоение его с помощью собственного мышления стало уделом единиц, мозг которых обладает повышенной пропускной способностью для информации и скоростью ее обработки. «Массовый» управленец, будучи не в состоянии принимать решения на основе собственного понимания, стал искать готовые рецепты. Образование во всем мире, в особенности в США, где оно и раньше не отличалось глубиной по сравнению с европейским и российским, все больше и больше сводится к усвоению таких рецептов, примитивных схем. Характерными примерами могут служить известная в стратегическом менеджменте BCG-матрица и другие подобные средства управленческого анализа, где по каждому фактору различаются всего 2 количественных

уровня: «мало» и «много» (расчет на интеллектуальный уровень далеких предков?). Усложнение этой матрицы некоторыми корпорациями (например, введение трех различных уровней по каждому фактору) не стало обязательным материалом для изучения. Появились мнемонические схемы, отдающие мистикой. Например, самый сложный процесс захвата сознания потребителя, составляющий суть маркетинга, был еще в 1960 году описан так называемым «комплексом 4P»: *product, price, place, promotion*. Могут ли найденные 4 важнейших фактора, определяющих этот процесс, «случайно» обозначаться терминами, начинающимися на одну букву, или это подгонка для удобства покупателей такой информации – оставим ответ на усмотрение читателя. Если в момент создания этого комплекса и даже через 25-30 лет, в начале 1990-х, такое описание было более или менее приемлемым, то в XXI веке, когда рынки стали насыщенными и глобальными, невероятно (с позиций 1960-х гг.) расширились коммуникационные возможности, изменилось само отношение людей к товарам и процедурам их приобретения, изменились все компоненты «4P» – этот комплекс может иметь лишь весьма ограниченное применение. Но он по-прежнему остается основой образования в сфере маркетинга.

По существу, сам термин «образование» стал неприменим к тем процессам, которые он традиционно обозначает. Процесс образования как развития личности, способности понимать, мыслить и действовать на основе понимания и мышления все больше заменяется передачей не подлежащей критике информации, «освященной» мнениями «гуру», тренингом, насыщением готовыми рецептами – «загрузкой памяти» и выработкой навыков, полезных лишь в ограниченном количестве случаев, причем границы их полезного использования не очерчиваются. Среди методов контроля все большее место занимают тесты, проверяющие запоминание информации, а не понимание смыслов. Следствие этого – учатившиеся и все углубляющиеся кризисы, зарождающиеся и развивающиеся как в «стране прагматичной простоты» – США, так и во всем мире.

Обсуждение пригодности или непригодности такого образования для воспроизводства и развития экономического потенциала США и других стран, кроме России, выходит за рамки настоящего доклада. Социокультурные особенности разных стран, исторические особенности развития их экономики обуславливают существенные различия требований к интеллектуальному потенциалу управленцев.

Российские студенты, слушатели программ MBA и другие обучаемые в большинстве случаев получают «свалку» информации, зачастую лишенной логических связей, систематизации, концептуализации и сводящейся к совокупности терминов, снабженных родо-видовыми определениями, и «практических» методик (но не методов), построенных на «откровениях» различных «гуру». Характерно высказывание авторов известного учебника менеджмента: «Мы остаемся при том мнении, что эклектический метод, который объединяет самые полезные, важные и повсеместно принятые достижения всех школ и направлений, наиболее соответствует реальности и лучше всего пригоден для учащихся» [4, с. 21]. Синтез знаний из разных областей и другие достижения интеллектуальной техники XX и XXI веков остаются неизвестными и неиспользуемыми. Российскому управленцу, как правило, неведомы фамилии Г.П. Щедровицкого, С.П. Никанорова, Н.И. Лапина, еще менее вероятно знание фамилии В.С. Дудченко – не говоря уже о содержании их работ, составляющих золотой фонд управленческих знаний, опирающихся на понимание, рефлекссию и мышление.

Человеческий капитал роботизировался. «Хорошо обученный» описанным выше способом управленец в отношении процедур стратегического и оперативного управления вполне может быть заменен хорошо запрограммированным компьютером. Остаются лишь качества лидера – не даром при наличии стандартизованных и регламентированных бизнес-процессов, локальных нормативных актов, правил стимулирования персонала и формирования корпоративной культуры «ручное» управление не сдает своих позиций – успешность все большего количества корпораций (не

говоря уже о малом и среднем бизнесе) все в большей степени определяется харизмой их лидеров. И не случайно все большее распространение в управленческом самообразовании получает изучение биографий «гениев бизнеса» – как будто возможно тиражирование Гейтса или Джобса, хотя никому не приходит в голову тиражировать Моцарта или Достоевского изучением их биографий.

Тренинги управленцев все больше сводятся к тренировке лидерских качеств или освоению примитивных методик. А командообразование – формирование коллектива, каждый член которого имеет *свою* позицию (не «единомышленников»!), и все умеют *синтезировать* эти позиции, добиваясь синергического эффекта, – все чаще заменяется формированием «стада», в котором все очень любят друг друга, не подводят, не предают, уступают, если личные интересы входят в противоречие с общими, – но совершенно не способны соединять свои усилия, свои знания, свое понимание реальности – если таковое вообще имеется, а не заменено цитатами из Г. Минцберга или И. Адизеса.

Лидерство и управление – разные понятия, и замена профессионального, *осмысленного*, а не только стандартизованного управления лидерством не может быть безболезненной. Так же как коллектив («команда»), объединенный общими целями при разных функциях и разных компетенциях его членов, умеющих эти функции и компетенции синтезировать, не может быть заменен шагающим в ногу взводом.

А теперь добавим к этому социокультурный груз, унаследованный от прежних поколений управленцев. Роботы, лишённые понимания и мышления, но начиненные цитатами из сочинений «гуру», с развитыми лидерскими качествами, уверенно поведут свои вымуштрованные компании... туда, где успешно обитали их предки, – в прошлое, а не в будущее.

Почему «поведут»? – Уже ведут.

Уже сейчас мы получаем от оборонных предприятий гражданскую продукцию, выполненную великолепно в техническом отношении, надежную, но с внешностью, не пугавшей пользователей только 40 лет назад. И стоит эта продукция как хороший автомобиль, по сложности соответствуя радиоприемнику этого автомобиля.

Как ни странно это звучит, но новая индустриализация требует возврата к старым методам формирования человеческого капитала. К методам формирования мыслящих и понимающих людей, которые будут успешно запоминать и цитаты из Г. Минцберга и И. Адизеса, и даже применять их, – но применять с пониманием, осмыслением, а не с боязнью нарушить «завет гуру», воспринимаемый с почти религиозным поклонением.

Опыт реализации такого образовательного процесса имеется.

В 1992–1995 гг. под руководством автора в Самарской школе бизнеса по авторской методике было обучено предпринимательству 256 безработных, направленных городским Центром занятости. Из них 250 (96,7%!) ушли в бизнес (при средней мировой норме по западным методикам – 30%) и успешно работали в сумбурной среде 1990-х.

В 2005–2007 гг. трое студентов Самарского госуниверситета (специальность «Государственное и муниципальное управление») под руководством автора три года изучали французскую философию, мифологию – и в 2009 году, в разгар кризиса, когда закрывались десятки компаний, одна из этих студенток создала риэлтерскую компанию, вывела на международный уровень и стала международным экспертом по недвижимости. На вопрос: «Как тебе это удалось?» – ответила: «А зря, что ли, я три года изучала французскую философию?» А если соединить это с изучением математики, но не дробей и правил дифференцирования, а хотя бы элементов теории меры, функционального анализа? А если добавить к этому еще и изучение логики, которая в вузовских программах как бы есть, но как бы ее и нет? И не только формальной по старику Аристотелю, но и диалектической, и содержательно-генетической, и нечеткой...

И, конечно, вспомнить организационно-деятельностные игры Г.П. Щедровицкого, инновационные игры В.С. Дудченко, синтезированные автором из этих форм «коллективной мыследеятельности» аналитико-инновационные сессии, применяемые в настоящее время только в консалтинговых проектах, но не в образовательных процедурах.

Тогда разговоры о развитии российской экономики станут излишними. Потому что развитие ее станет неоспоримым фактом.

Литература

1. Гуткин, Л.С. Об оптимизации радиоустройств и радиосистем по критерию «Эффективность – стоимость» / Л.С. Гуткин // Труды МЭИ. – 1975. – № 230. – С. 6-12.

2. Доклад РАН о состоянии фундаментальных наук в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2014 году: проект. – М.: Наука, 2015. – 324 с.

3. Лапин, Н.И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства / Н.И. Лапин // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2015. – № 3. – С. 14-19.

4. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Дело, 1995. – 704 с.

5. Цлаф, В.М. Итоги разработки теории управления на основе синтеза кибернетического и теоретико-деятельностного подходов (1979-2012) и ее приложение к проблемам государственного и муниципального управления / В.М. Цлаф // Развитие системы государственного и муниципального управления: сб. тезисов докладов и статей. – М.: РЭУ им. Плеханова, 2012. – С. 143-150.

6. Цлаф, В.М. Обобщенные результаты диагностики промышленных предприятий / В.М. Цлаф // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 9/1 (131). – С. 170-176.

Леонидова Г.В.

Леонидова Галина Валентиновна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, зав. лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, galinaleonidova@mail.ru)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Современная молодежь формируется на стыке традиционных и современных векторов культурного воспроизводства, что не может не отражаться в ее социокультурном облике. Данная статья посвящена ценностным аспектам отношения молодого поколения к труду. Информационной базой исследования послужили данные социологического опроса, проводимого в Вологодской области по квотной репрезентативной выборке среди молодежи в возрасте от 16 до 29 лет. На основе результатов анкетирования рассматривается отношение молодого населения к общечеловеческим ценностям, труду, образованию.

Ключевые слова: население, молодежь, ценности, образование, социологическое исследование.

Дети, которые сегодня учатся в начальной школе, в недалёком будущем будут определять экономику страны. Их отношение к общечеловеческим ценностям, к труду во многом будет основываться на их жизненном опыте, получаемом сегодня. Исследователи полагают, что «при относительно стабильных социальных и культурных условиях привычки и характеристики молодых людей могут сохраняться на протяжении десятилетий» [1].

Современная молодежь формируется на стыке традиционных и современных векторов культурного воспроизводства, что не может не отражаться в ее социокультурном облике. В то же время сравнительные межпоколенческие исследования показывают, что в сознании большинства российской молодежи происходит воспроизводство традиционных ценностей, характеризующих глубинные пласты сознания россиян [6]. Отличительной особенностью молодежного контингента является транзитивность и промежуточность социального положения данной возрастной группы. Ценностные установки молодежи отличаются неустойчивостью. Лабильность, экстремальность, трансгрессивность сознания молодого человека придают подвижность, быстроменяющийся, спонтанный характер его биосоциальной природе [7]. Формирование мировоззренческих ориентиров молодого поколения требует серьезного исследования и анализа.

Н.И. Лапин объединяет базовые ценности в три цивилизационных типа (общечеловеческие, традиционные, современные) и два функциональных слоя (терминальные и инструментальные), которые спонтанно эволюционируют в массовом сознании [5].

Согласно результатам исследований Института социологии РАН, понятие жизненных ценностей в представлениях молодого поколения России напрямую связано с благополучием в личной и семейной жизни (54,4%), общением с друзьями (46,5%) и интересной работой (4,4%) [4]. Как показывает проведенное сотрудниками Института социально-экономического развития территорий РАН в 2015 году социологическое исследование социокультурных характеристик молодежи¹, подобные приоритеты характерны и для молодого населения Вологодской области. Молодежь региона назвала наиболее важными для себя ценностями (4,5 балла из 5) следующие:

¹ Опрос проведен в 2015 г. в городах Вологде и Череповце и 8 районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Шекснинском и Тарногском). Выборочная совокупность – 1000 чел. в возрасте 16-29 лет включительно. Выборка целенаправленная, квотная по следующим параметрам: 1) место проживания; 2) половозрастные характеристики.

- здоровье (в оценках всего населения области – 4,4 балла);
- материальная обеспеченность (в оценках всего населения области – 4,4 балла);
- семья (в оценках всего населения области – 4,4 балла);
- любовь (в оценках всего населения области – 4,1 балла; *табл. 1*).

Меньший акцент молодое поколение делает на важности для их жизни социальной справедливости, статуса в обществе, одобрения окружающих (менее 4,2 баллов).

Таблица 1. Оценка важности для молодежи Вологодской области общечеловеческих ценностей (в баллах; *1 – совсем не важно, 5 – очень важно*)

№ п/п	Вариант ответа	Балл	Ранг
1.	Здоровье	4,5	1
2.	Материальная обеспеченность		
3.	Счастливая семейная жизнь		
4.	Любовь		
5.	Наличие хороших и верных друзей	4,4	2
6.	Свобода, независимость	4,3	3
7.	Интересная работа	4,2	4
8.	Эмоциональное спокойствие, внутренняя гармония		
9.	Достоинство, честь		
10.	Развлечения	4,1	5
11.	Социальная справедливость		
12.	Активная деятельная жизнь		
13.	Познание	4,0	6
14.	Постоянное физическое и духовное совершенствование		
15.	Общественное положение, статус	3,9	7
16.	Общественное признание, авторитет	3,8	8
17.	Одобрение окружающих	3,8	8
18.	Творчество, искусство	3,7	9

Источник: данные социологического исследования «Социокультурный портрет жителей Вологодской области» (2015 г.). Общий объем выборки: 1500 чел.

Как показал сравнительный анализ ценностных оценок молодого поколения и населения региона в целом, отличительными чертами молодежной системы ценностей являются:

- большее внимание к универсальным аспектам жизни: важность любви в молодежной среде оценивают на 4,5 балла из 5; среди всего населения области в целом – на 4,1 балла;

– меньший акцент на важности свободы и независимости – 3,9 баллов (среди всего населения области – 4,3 балла).

В возрастном разрезе респондентов в оценке жизненных ценностей происходят определенные колебания. В исследовании рассматривались три возрастные группы: 16–18 лет – в основной массе не приступившие к профессиональной деятельности и находящиеся на ранней стадии социализации; 19–24 года – в основной массе занятые получением профессионального образования; 25–29 лет – включившиеся в профессиональную деятельность. Результаты опроса показали, что по мере взросления у молодежи возрастает приоритет трудовых ценностей (в младшей группе – 5 место в ранжированном списке, в старшей группе – 3 место). Ценность развлечения с возрастом, наоборот, становится менее значимой (в младшей группе – 5 место, в старшей группе – 6 место). Для средней группы (студенческий период) на первый план выдвигаются ценности свободы и независимости (2 место).

Согласно оценкам респондентов, для современной молодежи характерно быть полезным (табл. 2). При этом характеристика полезности для близкого круга людей в оценках превалирует. Стремление быть полезным для общества является отличительной чертой сельской молодежи, что свидетельствует о влиянии традиционного (общинного) уклада жизни села. Мнение о том, что специфическая черта современной молодежи – забота только о самом себе, высказывают 18% респондентов.

Согласно данным опроса, наиболее яркими чертами характера вологодской молодежи является чувство братства, искренность (доверчивость), совестливость, чувственность (душевность), умение дорожить мнением окружающих (более 20%). Наиболее негативно воспринимаемые в обществе качества – безынициативность, безответственность, бесхозяйственность – выделяют менее 3% респондентов (что косвенно может свидетельствовать о недостаточном уровне самокритичности у молодого поколения).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Что наиболее характерно для современной российской молодёжи» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Среднее	По возрасту		
		16-18	19-24	25-29
Стремление быть полезным для своих близких и друзей	42,2	40,8	42,3	42,5
Стремление избежать всяких забот	17,9	15,6	20,9	16,1
Стремление заботиться только о самом себе	16,8	14,3	15,3	18,9
Стремление быть полезным для общества, для государства	12,5	17,0	12,0	11,5
Затрудняюсь ответить	10,6	12,2	9,4	11,1

Источник: данные социологического исследования «Социокультурный портрет жителей Вологодской области» (2015 г.). Общий объем выборки: 1500 чел.

В целом преобладание у молодежи альтруистических, конструктивных черт характера находится в прямой зависимости от нацеленности на создание блага для родных, близких, широких слоев населения. Половина (50%) тех, кто отмечает в своем характере такие черты, как щедрость и гостеприимство, чувственность, душевность, умение дорожить мнением окружающих, считают характерной чертой российской молодежи желание приносить пользу окружающим.

Таким образом, среди базовых установок наиболее значимыми для молодежи являются традиционные и общечеловеческие ценности надежности и власти (что, согласно результатам Европейского социального исследования, характерно для всех возрастных групп населения России) [3].

Необходимо отметить, что ценность творчества в молодежной среде региона находится на одном из последних мест. Возможно, это связано с современной социально-экономической ситуацией в стране, когда в сознании населения духовные ценности вытесняются материальными приоритетами: творчество и искусство считают для себя важным 54% тех, кому доходов хватает лишь на повседневные затраты, и 64% тех, кто не имеет затруднений с покупками.

В то же время для молодого поколения, судя по результатам опроса, образование предстает как важная жизненная ценность (табл. 3). А стремление к знаниям молодое население часто оценивает как источник

индивидуального развития (35%). И все-таки приоритет отдается материальному достатку, поскольку для другой трети опрошенных (31%) знания не являются решающим элементом социальной жизни современного человека. Такая позиция наиболее характерна для тех, кто не имеет профессионального образования (42%).

Таблица 3. Мнения молодежи о роли знания в их жизни
(в % от числа опрошенных)

Утверждение	Среднее по опросу	По уровню образования		
		Среднее общее и ниже	Среднее специальное	Н/высшее и высшее
К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни	34,7	27,8	32,0	41,9
В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	30,6	41,9 ^У	33,5	19,7
Знание – это главное достояние человека	19,5	18,9	18,4	21,0
Знания – это не самоцель, а средство решения поставленных задач	15,0	10,3	15,5	17,1
<i>Источник: данные социологического исследования «Социокультурный портрет жителей Вологодской области» (2015 г.). Общий объем выборки: 1500 чел.</i>				

Подобное отношение к знаниям, творчеству и образованию в целом связано с существующим положением в экономике страны. Структура занятости за последние 15 лет существенно изменилась. Доля промышленности в ней (основной потребитель знаниевых активов, например, инженерно-технического человеческого капитала) падает. Основным отраслевым лидером потребления человеческого капитала становится торговля, где не нужен высокоразвитый человеческий капитал.

Отношение молодежи к труду как ценности во многом зависит от осознания мотивов выбора профессии по призванию с опорой на чей-то образец (чаще всего отца или матери). Результаты исследования свидетельствуют о том, что межпоколенческая связь в выборе профессии особо заметно проявляется в сфере материального производства: отцы 56% молодых людей, занятых в промышленности, сельском хозяйстве,

строительстве и т. д., также работают в этой сфере. Таким образом, прослеживается устойчивая тенденция увеличения роли прямого социального воспроизводства.

В современном обществе труд является инструментальной ценностью, т. е. средством достижения жизненных целей, в основном сугубо материальных. Согласно данным опросов ИСЭРТ РАН², большая часть (80%) жителей области разных возрастов считают трудовую деятельность способом получения средств для существования собственного и своей семьи. Восприятие природы трудовой деятельности у молодежи в целом соответствует тем представлениям, которые транслирует население области. Для большинства труд – это возможность материального обеспечения (73%). Незначительная часть делает акцент на более субъективных характеристиках – возможностях для творчества, общения (менее 2%). Потребность проявления креативности в работе перестает играть какую-либо роль с возрастом (в младшей группе – 10%, в старшей – чуть более 1%). Это говорит о том, что чем моложе человек, тем он более склонен к нестандартности, инновационности в решении трудовых задач. В том случае, если требования рабочих мест не предусматривают этих качеств, работа становится рутинной, а не востребуемая креативность угасает.

При этом творческий характер в качестве критерия выбора рабочего места выделяют 92% занятых в сфере образования, науки, культуры. Для представителей рабочих и инженерных профессий более важен достойный заработок (96%).

Среди качеств, которые вологодская молодежь считает необходимыми в трудовой деятельности, преобладает деловая ответственность и исполнительность (94%), инициативность (85%) и воспитанность (86%). С возрастом представление о важных трудовых качествах меняется. Представители младшей возрастной группы подчеркивают первостепенную актуальность для работы твердой воли, умения настоять на своем (первое

² Мониторинг качества трудового потенциала (ИСЭРТ РАН, 2015 г.). Выборка – 1500 чел.

место в ранжированном списке). В средней и старшей группе на первом месте находится трудолюбие. Это свидетельствует о трансформации жизненных приоритетов молодежи, которые с опытом работы начинают носить более личностный характер.

Таким образом, отношение молодежи к ценности труда в целом перекликается со взглядами на образование. Работа молодым поколением рассматривается сугубо как средство достижения поставленных целей, возможность для заработка. Остальные стороны трудовой деятельности либо уходят на последнее место, либо вовсе не рассматриваются. Особо обращает на себя внимание факт нивелирования молодым поколением роли творческой составляющей труда, что является настораживающей тенденцией в условиях усиления роли инновационной, «знаниевой» компоненты современной экономики [2].

Сегодня специалисты, занимающиеся исследованиями человеческого капитала, особо подчеркивают необходимость привития социальных навыков, которые в значительной степени формируются в семье, в том сообществе, в котором ребенок растет и социализируется: это умение сотрудничать и работать с людьми, лидерские качества, эмоциональная стабильность, открытость новому. Необходимо активизировать интегративную функцию образования, реализовать ее процессе «приобщения молодого поколения к культурным ценностям, нравственным идеалам, принципам мировоззрения» [8], тем самым формируя социальную общность. В этом случае процесс включения молодых людей в социально-экономическую деятельность региона и страны будет иметь необходимую нравственную опору и соответствовать целям инновационного развития страны.

Литература

1. Красноярский экономический форум: выступление И. Фрумина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/community/177503621.html>

2. Леонидова, Г.В. К вопросу о трудовых ценностях молодежи (на материалах Вологодской области) [Электронный ресурс] / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 12. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2015/12/13486>
3. Магун, М. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян [Электронный ресурс] / М. Магун, М. Руднев. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/04/03/1096440477/Magun_Rudnev.pdf
4. Маршак, А.Л. Жизненный успех в представлениях российской молодежи / А.Л. Маршак // Социс. – 2015. – № 8. – С. 157-161.
5. Рожкова, Л.В. Базовые ценности молодежи в полиэтнической студенческой среде / Л.В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2009. – № 4. – С. 173-179.
6. Чупров, В.И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович. – М.: Норма, 2014. – 350 с.
7. Чупров, В.И. Социология молодежи / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – М.: Норма, 2014. – 336 с.
8. Шереги, Ф.Э. Образование как социальный институт / Ф.Э. Шереги // Грани российского образования. – М.: Центр социологических исследований, 2015. – 644 стр.

Сенченко Олеся Игоревна (Россия, Иркутск) – магистрант, направление «Государственное и муниципальное управление», Иркутский государственный университет (г. Иркутск, ул. Ленина, 3, lis-oc@mail.ru)

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. В статье говорится о роли и содержании человеческого капитала в социальном воспроизводстве. В настоящее время образование объективно является приоритетной и стратегической отраслью современной экономики, поскольку только знания, способности и навыки человека содействуют росту производительности.

Ключевые слова: человеческий капитал, образование, знания, модификация, компетентность.

Рост благосостояния, повышение уровня и качества жизни населения – это основная цель любого цивилизованного государства. Безусловно, для достижения данной цели необходимо создание экономики знаний: экономики, где основными факторами развития являются именно знания и человеческий капитал. Понимание данного факта сформировалось во второй половине XX века, что было вызвано ускорившимся научно-техническим прогрессом. Данную трансформацию можно объяснить необходимостью существенного повышения квалификации работников, что потребовало значительных инвестиций в человека. Уйти от этого процесса было нельзя, соответственно, увеличивались вложения в образование, квалификацию, жилищные условия населения. Оставался один важный вопрос: каким образом данного рода инвестиции влияют на результаты деятельности общества?

«Понятие «человеческий капитал» в настоящее время является не просто новым восприятием человеческого фактора в экономике,

человеческий капитал сам по себе гораздо более значим, поскольку представляет и движущую силу, и объект экономического воздействия. Выражая в себе сочетание двойственной природы социального и материального, человеческий капитал выступает как наиболее ценный ресурс современного общества, гораздо более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство» [2]. Значимой единицей в системе человеческого капитала является система конкурентных преимуществ – некий двигатель экономики. Это борьба, носящая постоянный характер, по скоротечным результатам которой определяются уровень и качество жизни населения. Практически любые показатели базируются именно на конкурентных преимуществах человеческого капитала, соответственно, понижение объема инвестиций приводит к ухудшению показателей как качества человеческого потенциала, так и экономических показателей развития национальной экономики. Можно сказать, что человеческий капитал – довольно важный вид инвестиций в современной экономике, однако нужно отметить, что он может быть и положительным, и отрицательным. С положительной точки зрения человеческий капитал обеспечивает полезную отдачу от инвестиций, соответственно, с отрицательной стороны – это часть накопленного человеческого капитала, не дающая какой-либо полезной отдачи от инвестиций.

Социально-экономические изменения также обусловили необходимость модернизации системы образования – одного из элементов в структуре человеческого капитала. В частности, данные изменения касаются преемственности современных тенденций высшего образования (уровни академического высшего образования: бакалавриат, магистратура). Данного рода модификация связана с тем, что образование, направленное только на получение знаний, в свете динамичных темпов развития экономики устарело, другими словами, в основном оно направлено на прошлое. Чтобы идти в ногу со временем, быть востребованным и приносить пользу обществу,

современный работник должен обладать не квалификацией, а компетентностью как соединением навыков, в которых сочетаются квалификация с социальным поведением, способностью работать в команде, инициативностью, умением принимать решения и быть готовым отвечать за их последствия. Смотря на образование через призму понятия человеческого капитала можно отметить: полученные знания в равной степени нужны как для усвоения определенных теоретических знаний, так и для адаптации и выживания в динамичных, сложных социально-экономических условиях.

На сегодняшний момент остро стоит проблема отрицательного человеческого капитала. Конечно, чтобы человеческий капитал не был отрицательным, все его элементы, а именно капитал образования, капитал здоровья, капитал профессиональной подготовки, капитал миграции, а также обладание значимой информацией и мотивацией к экономической деятельности должны иметь положительные показатели. Однако элемент образования является более всеобъемлющим и многофункциональным. Основа любой профессии – это усвоение объема полезных знаний, наработанных предыдущими поколениями. Все чаще случается так, что получаемые знания не соответствуют имеющемуся опыту, приобретенным навыкам и уже сложившейся системе ценностей. Когда человек начинает применять новые знания на практике, он вынужден пересматривать и перестраивать свои правила, нормы, традиции. Изменение качества образования предопределяет неизбежное преобразование и усовершенствование других элементов человеческого капитала. Человеческий капитал представляется как некая целостность, с помощью которой можно корректировать и координировать отношение человека к самому процессу получения знаний. В первую очередь это сопряжено со способностью человека обновлять знания, глубоко анализировать их и создавать новые, что наиболее важно в условиях экономики, основанной на знаниях.

Литература

1. Денисенко, М.Б. Сравнительная ценность различных форм человеческого капитала в России / М.Б. Денисенко, А.А. Саградов // Человеческий капитал в 1990-х гг. / под ред. А.А. Саградова. – М.: МАКС Пресс, 2000.
2. Курганский, С.А. Человеческий капитал: сущность, структура, оценка / С.А. Курганский / Иркут. гос. экон. акад. – Иркутск, 1999. – 287 с.
3. Макаров, В.Л. Контуры экономики знаний / В.Л. Макаров // Экономист. – 2003. – № 3.
4. Мацинкевич, В. Инвестиции в человека: экономическая наука и российская экономика / В. Мацинкевич // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 9.
5. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Полюшкевич М.А.

Полюшкевич Максим Александрович (Россия, Иркутск) – магистрант 1 курса, направление «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, каб. 302, karida_ma@mail.ru).

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В работе проведен анализ трансформации понятий и смыслов духовного лидерства и духовных лидеров, показаны символические замены и изменения в эволюционном аспекте.

Ключевые слова: духовное лидерство, консолидация, Россия.

Духовное лидерство – актуальный вопрос современного мира. Эпоха глобализации, виртуализации и плюрализации нивелирует традиционные основы человеческого сообщества. Для объединения людей необходимы новые ориентиры, новые лидеры, обладающие ценностным мировоззрением, способным придать новые смыслы жизням тысяч людей.

Мы живем во времена нивелирования авторитетов, разоблачения кумиров, развенчания идолов, но в тоже время создания новых ложных авторитетов, кумиров и идолов, «функциональных» фигур, а не истинных лидеров, конкретных результатов, а не фундаментальных основ. Все это приводит к некой фантомности образа духовного лидера.

Вопросы духовного лидерства, роли идеологии и метафорического моделирования рассмотрены в работах А. Бергсона и Ф. Ницше, Н. Бердяева и Б. Вышеславцева, К. Ясперса, Г. Риккерта и М. Шелера, М. Кагана и Р. Барта, К. Манхейма, К. Юнга, а также Т. Ван Дейка, З. Харриса и Д.О. Добровольского, А. П. Чудинова, Н.А. Шматко.

В научных кругах принято считать, что лидер – это человек, изменяющий реальность (по собственному желанию или в силу обстоятельств – не имеет значения). Лидер тот, кто показывает куда, направляет, контролирует и карает. Лидер создает новое событие, новое пространство, новую форму устройства мира, в которой потом обживаются и осваиваются другие члены общества.

Появление духовного лидера в истории – переломный момент в социокультурном развитии. Он появляется тогда, когда общество находится на грани краха и хаоса, аномии и социальной деградации. И именно духовному лидеру надлежит трансформировать мир. Духовное лидерство – это детерминированная историей перспектива выживания социокультурной среды.

Портрет духовного лидера зависит от уровня и качества ценностных трансформаций, происходящих в обществе. Л.Б. Зубанова приводит типологию ценностных трансформаций духовного лидерства [1] (табл. 1).

Таблица 1. Ценностные трансформации духовного лидерства

Ценностная основа трансформации	Поле ценностной трансформации	Понимание духовного лидерства
Психологическая	Трансформация индивидуальной значимости	Духовный лидер как кумир
Нормативная	Трансформация социальной значимости	Духовный лидер как идеолог
Трансцендентальная	Трансформация ценностей трансцендентального характера	Духовный лидер как учитель
Онтологическая	Трансформация общезначимых смыслов	Духовный лидер как новатор истории

Вынужден констатировать, что современный этап развития российского общества уникален и парадоксален одновременно. Он объединяет все указанные основы и поля трансформации. России нужен лидер с новым ценностным основанием на уровне психологического принятия, нормативного одобрения, трансцендентального понимания и онтологического единства [2].

Идея лидерства концептуализировалась в трех основных направлениях: 1) содержательная трактовка понятия; 2) концептуальное выделение лидерства как явления; 3) формирование образа лидера (табл. 2).

Таблица 2. Эволюция образа лидера и лидерства как явления

Содержательная трактовка	Концептуальное обоснование	Образ лидера
Лидер как первый, ведущий	Тема героев и героического	Лидер-герой
Лидер как правящий, властвующий	Идеальное правление, теории власти	Лидер-государь
Лидер как лучший, особый	Теории элит	Лидер-аристократ
Лидер как авторитет, просвещающий	Теории сакрального знания, идеи мессианства	Лидер-пророк Лидер-эксперт
Лидер как организующий, контролирующий	Теории эффективного руководства и управления	Лидер-менеджер

Ранее возникали кумиры, которые вели за собой толпы (Ф. Шляпин, Л. Утесов, В. Высоцкий). Появлялись идеологи, изменявшие уклад жизни (В. Ленин, А. Гитлер, А. Салазар, С. Альенде, И. Сталин). Возникали духовные учителя (И. Ганди, мать Тереза, С. Радонежский, Северные старцы). Появлялись новаторы в истории (Екатерина II, Петр I, П. Столыпин, А. Косыгин).

Сегодня иная ситуация. Мир изменился, появились новые условия и возможности, а вместе с тем и задачи. Комплексный характер духовного лидера требует поистине уникальную личность.

Но сложность состоит еще и в том, что общество неоднородно. Оно не состоит из одного класса. Оно многолико. Как бы ни была безлика и едина толпа, она рассыпается на малые группы, имеющие свои цели и ценности, интересы и формы комфортной жизни.

И соответственно, их духовные лидеры имеют разный набор качеств, чтобы быть привлекательными для общественного сознания каждой группы. Они воспринимают происходящие в обществе процессы или интерпретацию этих процессов через СМИ (оценку значимых для данной группы

личностей – их выступления, интервью или творческие продукты – песни и фильмы, как способы емкого выражения внутренних и внешних переживаний человека и группы) и их дальнейшее внедрение в общественное сознание.

Литература

1. Зубанова, Л.Б. Духовное лидерство в современной России: монография / Л.Б. Зубанова. – Челябинск: ЧГАКИ, 2009. – 240 с.
2. Полюшкевич, О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе: монография / О.А. Полюшкевич. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 190 с.

Полюшкевич О.А.

Полюшкевич Оксана Александровна (Россия, Иркутск) – кандидат философских наук, доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, каб. 302, okwook@mail.ru)

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ФИЛЬМОВ

Аннотация. В статье показываются стратегии социального развития России на примере отечественных фильмов, раскрываются проблемные и противоречивые векторы развития и то, что нам необходимо в современном кинематографе.

Ключевые слова: социальное развитие, фильмы, идеология.

*У кино – две функции: отображать окружающую реальность
и создавать новую.*

Зигфрид Кракауэр

В России снимается много фильмов, разного качества и формата, затрагивающих абсолютно противоположные темы: от комедий до драм, от детективов до фантастики. При этом общая тенденция – стремление подражать голливудскому стилю. «Российское кино» внутри страны пока не стало «явлением». О «российском кино» говорят западные критики и ученые, знающие наш кинематограф по фильмам О. Иоселлиани, А. Кончаловского, А. Тарковского. Но нельзя сказать, что в России массы хорошо знакомы с творчеством этих режиссеров и тем более разделяют их видение мира.

Конечно, стоит оговориться, что у нас есть массовое и авторское кино. Их часто противопоставляют и меряют одной линейкой, что недопустимо. У каждого своя аудитория и ниша, но, делая общий анализ российского кино в аспектах, раскрывающих социальную идеологию государства и общественную проблематику, нельзя не заметить качественной разницы.

Например, лирическая комедия «Ёлки-3» от продюсера Тимура Бекмамбетова собирает 1 миллиард 245 миллионов рублей, «Легенда № 17» студии «ТриТэ Никиты Михалкова» приносит под миллиард рублей. В этой же системе нельзя оценивать работу «Трудно быть богом» Алексея Германа, не заработавшую и 50 миллионов, фильм «Географ глобус пропил» Александра Велединского, который собирает великолепные отзывы критиков, но зарабатывает менее 150 миллионов. Фильм Никиты Михалкова «Солнечный удар» заработал около 74 миллионов рублей, но при этом стал самым просматриваемым в телеэфире за последние годы. Впереди только «Ирония судьбы. Продолжение», «Легенда № 17» и «Дневной дозор». Это все говорит о том, что авторское кино интересует нашего зрителя, но не оно определяет мировоззрение и ценности, не оно формирует мотивацию и реальные поступки людей.

В повседневном мире отечественного зрителя господствуют идеалы и ценности, привнесенные с вестернизированных фильмов. Последние 15 лет не стали исключением и даже ещё более усилили эту тенденцию.

Необходимо уточнить следующий момент. Одно дело – общая готовность масс (формирующаяся на основе кассовых рейтинговых фильмов), а другое – знаковое, точечное воздействие фильмов, пусть и не нашедших массового зрителя, на отдельных людей (революцию делают единицы).

Важно понимать «качество» зрителя, предпочитающего тот или иной фильм. Одни выбирают «Ёлки», а другие «Трудно быть Богом». Важно понимать, кто из них будет определять социальную политику, экономические реформы, культурные изменения и политический курс страны в будущем.

Фильм как стратегия социального развития

Фильмы предлагают новый визуальный код анализа той ситуации, в которой оказалась наша страна. Социальная структура общества в фильмах является зеркалом реальных социальных процессов.

Анализируя картины 1999–2014 годов, мы опирались на следующие вопросы: какие люди отражены в кинофильмах, каковы типичные

изображения жизни каждого класса, их достоинства и недостатки, психология (мировоззрение) каждой группы.

В 90-е годы наш кинематограф погрузился в пучину вестернизации. Свободное проникновение западных ценностей изменило лик России. К 1999 году новые ценности и символы принадлежности к определенной группе стали настолько важны, что заменили собой ценности советской эпохи. Новая идеология принесла разрушение старых представлений, новые строились хаотично, без четкой государственной доминанты.

К 1999 году утвердились классические противопоставления «богатые – бедные», «свои и чужие». Глубинные мифологемы изначально негативно окрашивают богатого человека. Во-первых, честно разбогатеть невозможно, во-вторых, богатый не может быть честным, добрым, смелым и т. д. Поэтому богатый всегда обречен (на предательство, обман, подставы и проч.). Жители большого города, по сравнению с провинциалами, бездушны, безлики и одиноки. Иностранцы – американцы, евреи или немцы – не имеют значения. Чужие – всегда плохие. У них все неправильно и они хотят поработить нас. («Брат 2», 2000; «Бригада», 2002).

Еще одну тенденцию отражают фильмы, направленные на внутренние ценности, прощение себя и поиск самого себя. Человек обычно боится боли и инстинктивно убегает от нее, прячется от чужой боли, предавая других людей. Но если остаешься рядом – то понимаешь, что все страхи перед жизнью уходят. Есть только жизнь. Все социальные перегородки – иллюзия, люди едины, боль каждого – это твоя боль. Стихия непереносимой душевной боли позволяет зрителю получить уникальный жизненный опыт – быть с человеком в наивысший момент его страдания («Жить», 2012; «Остров», 2006; «Всадник по имени смерть», 2004; «Возвращение», 2003).

К десятым годам нового тысячелетия становится важно, как зарабатывают деньги, чем и где, кто платит и за что. Начался период переоценки ценностей. Появляются фильмы, направленные на осмысление и переосмысление собственной истории («Утомленные солнцем: цитадель», 2011; «Тарас Бульба», 2009; «Адмиралъ», 2008; «Турецкий Гамбит», 2005).

Идеологическая ветвь, помимо исторического сюжета и личных отношений, касается такого простого восприятия – все наше, наше и навсегда, возвеличивание семейных и родовых ценностей, так как в иных жизненных ценностях общество не уверено.

Переосмысление личных возможностей и ценностей. «Ты можешь все, главное найти дело по душе!» – установка из фильма «Легенда № 17», 2013. Путь к победе сложен, но награда ждет тебя.

Перемены в идеологических установках режиссеров говорят о том, что социально-смысловое, а вместе с тем и ценностное пространство России меняется, возникает потребность в новых символах и значениях. Фильмы предлагают эти символы, но далеко не все из них принимаются аудиторией. Как уже было сказано выше, для каждого типа зрителя есть свои фильмы.

Для формирования единой консолидированной системы ценностей необходимы общие представления и убеждения, общая социальная память и идентичность. Пока эти сферы жизни разорваны и существуют независимо друг от друга. Но чем больше общество будут связывать единые ценности, тем более солидарным оно будет.

Время покажет, что стало важным моментом для запуска социальных сдвигов. Одно можно сказать наверняка – будущее переменчиво. Оно творится в настоящем и определяется нашим сегодняшним выбором. Благодаря кинематографу этот выбор многообразен. Следовательно, сценариев социального развития множество.

Литература

1. Полюшкевич, О.А. Идеологическая пропаганда: анализ фильмов Н. Михалкова / О.А. Полюшкевич // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 4. – С. 127-143.

Дулина Н.В., Каргаполова Е.В.

Дулина Надежда Васильевна (Россия, Волгоград) – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, зав. кафедрой истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет (г. Волгоград, пр. им. Ленина, 28, nv-dulina@yandex.ru);

Каргаполова Екатерина Владимировна (Россия, Астрахань) – доктор социологических наук (22.00.04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы»), доцент по специальности «Социология», профессор кафедры философии, социологии и лингвистики, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет (г. Астрахань, ул. Татищева, 18, k474671@list.ru)

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Аннотация. На примере Южного федерального округа показано, что в ситуации неоднородности округов по социально-демографическому, технико-технологическому, социально-экономическому потенциалам округа могут рассматриваться как социокультурные единицы на уровне мировоззренческих ориентиров населения.

Ключевые слова: Южный федеральный округ, социокультурное пространство, Российская Федерация.

Деление на федеральные округа в Российской Федерации введено Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» и изначально предназначено для упорядочения вертикали власти и борьбы с этнонациональным и конфессиональным сепаратизмом. Актуальным представляется изучение федеральных округов как «акторов внутренней геополитики современной России» [9, с. 186], то

есть переосмысление новых реалий социокультурного пространства страны не только в пределах отдельных субъектов, но и в границах федеральных округов. Это необходимо для включения социальных функций, то есть регулирования процессов социокультурного развития, на макроуровне административно-территориального деления – на уровне федеральных округов. «Только в этом случае появляется возможность создания единого социального организма на российском геопространстве» [9, с. 208].

Южный федеральный округ (ЮФО) был образован Указом Президента России В. В. Путина от 13 мая 2000 г. № 849. По этому указу он назывался Северо-Кавказским. Но уже спустя около месяца, также по Указу Президента РФ (№ 1149 от 21 июня 2000 г.), Северо-Кавказский федеральный округ был переименован в Южный. Состав ЮФО был изменен 19 января 2010 г. в соответствии с Указом Президента России Д. А. Медведева № 82, согласно которому из состава ЮФО был выделен Северо-Кавказский федеральный округ. Именно с 19 января 2010 года Южный федеральный округ (ЮФО) существует в своих нынешних границах, в составе шести субъектов Российской Федерации – Краснодарского края, Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей, Республик Калмыкия и Адыгея. Центром округа является город Ростов-на-Дону. На 1 января 2015 года площадь ЮФО составляла 420,9 тыс. кв. км (7-е место среди девяти федеральных округов страны, 2,5% от общей площади Российской Федерации) [18]. На конец 2014 года на территории округа проживало почти десять процентов (9,6%) населения страны – 14004 тыс. чел. (4-е место среди округов России после Центрального, Сибирского и Приволжского федеральных округов) [18].

Но при этом, к сожалению, граница ЮФО не совпадает ни с военным, ни с экономическим районированием, не подкрепляется единством макрорегиональной идентичности, что придавало бы дополнительный социокультурный ресурс развитию округа как относительно целостной системы социальных связей. Положение осложняет существенная региональная неоднородность округа по природно-климатическим условиям,

социально-демографическому, технико-технологическому, социально-экономическому и социокультурному потенциалам его субъектов. В этом контексте ситуация осложняется неравномерностью распределения населения на территории округа, что является показателем как социально-демографических ресурсов, так и результатов социокультурного развития отдельных субъектов региона. Так, на конец 2014 года в Азово-Черноморском регионе ЮФО (Краснодарский край, Республика Адыгея и Ростовская область) проживало около 10,14 млн. чел. с плотностью населения 55,0 чел. на кв. км. Население Волго-Каспийского региона округа (Волгоградская и Астраханская области, Республика Калмыкия) включает около 3,86 млн. чел., плотность населения составляет 16,3 чел. на кв. км [18].

Возможно, социокультурное пространство округа объединяют «нематериальные» факторы, обусловленные относительным единством исторического развития, – мировоззренческие ориентиры, особенности ментального поля населения макрорегиона.

Археологические исследования свидетельствуют, что появление человека на территории нынешнего ЮФО можно отнести к эпохе палеолита (примерно 150–100 тыс. лет назад)» [14, с. 9; 1, с. 18–27]. И. Ф. Кефели отмечает, что «самые обособленные в Мировом океане и глубоко вдающиеся в сушу Черное и Азовское моря встречаются здесь с Великой Евразийской степью. По этому гигантскому коммуникационному коридору между Востоком и Западом в прошлом ураганом проходило великое переселение народов. В результате «трений» по краям коридора происходило взаимодействие и взаимообогащение культур, рождались новые этносы, государства и цивилизации» [9, с. 224]. Таким образом, начинала формироваться такая особенность макрорегиона, как геополитическая биполярность на осях Запад – Восток и Север – Юг и такие особенности ментального поля населения, как поликультурность, терпимость, адаптивность, восприимчивость к чужому опыту.

Территория нынешнего Южного федерального округа стала одной из «колыбелей» кочевничества. При этом, как отмечает С.А. Плетнева, «полная характеристика «кочевничества» возможна только при рассмотрении всех особенностей кочевого образа жизни, т.е. не только в экономике, общественных отношениях, но и в политике, в быту, материальной культуре, идеологии» [16, с. 7]. На территории ЮФО был период, когда на ней одновременно могли проживать племена, находящиеся на трех различных стадиях кочевничества – таборной, полукочевой и полуоседлой, а также оседлые племена. Это могло привести к появлению в менталитете населения такой особенности, как маргинальность сознания, к соединению несоединимых, на первый взгляд, черт ментального поля оседлости и кочевничества. Как отмечает К.М. Сатыбалдинова, представления о мире у оседлых и кочевых народов дифференцируются следующим образом: «для первых мир – это высокоструктурированный и детально регламентированный мир покоя с циклическим переживанием времени. Для вторых мир – это мир движения с эсхатологическим восприятием времени как пути» [23]. Кочевничество/оседлость – еще одна ось, на многие столетия определившая поле «напряжения» и формирования менталитета в исследуемом нами пространстве в междуречье Нижней Волги и Дона.

Зоны кочевничества, в отличие от зон оседлого хозяйствования, являются своеобразными этническими «котлами», в которых постоянно притекают, перемешиваются, ассимилируются различные этнические группы. При этом «врата народов» не должны рассматриваться как пропускной пункт мигрантов, продвигающихся с востока на запад, эти территории становятся родиной очень многих народов. В историческом прошлом на территории ЮФО эти процессы протекали в полной мере, как результат, в современной России – это самый полиэтничный регион.

Интересно отметить роль междуречья Волги и Дона относительно Киевской Руси и Московского государства. С одной стороны, это «Азия»,

с которой русский народ столкнулся не на одном азиатском материке, он нашел ее и в Европе, на той самой Великой равнине, где сам впервые появился на исторической сцене. Борьба с европейской половиной «Азии» проходит ярчайшей полосой через первые века нашей истории, начиная с обрвов, хазар и кончая монголами...; в последующие два века она принимает форму тяжелого татарского ига... Но с его падением она возобновляется с прежним напряжением и силой» [10, с. 204].

С точки зрения геополитической теории Х. Маккиндера, выделяющего хартленд («сердцевину») и «внутренний полумесяц» [13], территория, на которой располагается нынешний ЮФО, относительно средневековой Руси, до ее присоединения – как раз-таки «внутренний полумесяц», то есть маргинальные территории, находящиеся на пересечении водных и морских путей, в развитии цивилизации. Маргинальный статус определяется как «окраинность», «пограничность», «промежуточность» положения территории между «центрами силами» [22, с. 12]. В другой теории геополитики территория нынешнего ЮФО – это римленд, то есть промежуточное пространство, которое имеет жизненно важное значение для хартленда [15]. По А. Дугину, римленд «является пограничной зоной, поясом, полюсом. Вместе с тем это граница» [4]. При этом контроль не над хартлендом, а именно над римлендом является ключом к мировому господству.

В XIII–XIV вв. монголо-татарские завоеватели создали крупнейшую кочевую империю – «Золотая Орда» – и основали десятки больших и малых городов для управления вновь созданным государством. Необходимо отметить, что «в социальном пространстве Золотой Орды происходило наложение друг на друга нескольких символических систем: языческой, исламской и христианской, причем как православной, так и католической, под влиянием которой язычество стало быстро сдавать свои позиции» [17, с. 108]. И таким образом, к полиэтничности территории ЮФО добавилась еще и поликонфессиональность.

После распада Золотой Орды в первой половине XV века в степном Заволжье кочевали татары Ногайской Орды. В 1456 г. в Волго-Ахтубинской пойме и на территории современной Калмыкии возникло Астраханское ханство, ликвидированное в результате походов русских войск 1554 и 1556 гг. Так, со второй половины XVI в. Нижневолжский регион вошел в состав России, стали строиться русские крепости – основа современных российских городов-миллионников (Царицын (1589) – Волгоград, Саратов (1590) и др.).

В конце XVI – начале XVII вв. из Центральной Азии на Нижнюю Волгу и в Северный Прикаспий мигрировали кочевые калмыки (потомки монголов ойратской группы), принявшие в XVII в. русское подданство. Этот факт добавил красок не только в богатую палитру полиэтничности макрорегиона, но и в его поликонфессиональную структуру – калмыки исповедовали тибетскую форму буддизма. Один фрагмент – и мозаика стала полной, так как на территории нынешнего ЮФО стали мирно сосуществовать представители всех мировых религий.

С XVI в. на Нижнем Дону и в Нижнем Поволжье формируются общины вольных казаков. По мнению А.И. Козлова, «казачество... – это сложное социокультурное русское (великорусское и малороссийское) сообщество, субэтнос (созтнос) юга России... По мнению большинства исследователей, казачьи этносоциальные сообщества (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Калмыцкое) на юге России складывались в течение нескольких столетий, но каждое из них в полноценный «этнос-народ» полностью сложиться так и не успело, по ряду объективных причин» [19, с. 286].

После поэтапного присоединения и вхождения территорий нынешнего ЮФО в XVI–XVIII вв. к России земли стали называться «Новая России (термин «Новороссия» появился в XVIII в.). Римленд оказался границей, как и в постсоветское время. «Эта специфика «новой старой» роли Юга как пограничного края находит свое отражение как сильные «охранительные»,

«державные» ориентации. В массовом сознании глубоко укоренен миф границы, ставшей почти сакральным понятием, что нашло отражение в казачьем фольклоре» [9, с. 224].

Регион не перестал быть «этническим котлом» и после вхождения в состав России. Так, только в Астраханской области нижеволжскую полиэтническую общность последовательно пополняли: русские служилые люди (середина XVI в.), ногайцы-юртовцы с р. Урал-Джаек (середина XVI в.), примкнувшие к ним джетисан-ногайцы (начало XVII в.), орда калмыков-торгоутов (к середине XVII в.), туркмены (волнами, XVII–XVIII вв.), татары Среднего Поволжья (в течение XVIII в.), пятигорские ногайцы-карагаши (к середине XVIII в.), армяне, спасавшиеся от персидских шахов (конец XVIII в.), донские и черноморские казаки вместе с крещеными в службу калмыками (XVIII – начало XIX вв.), украинцы-чумаки, солевозчики (конец XVIII–XIX вв.), многочисленные казахи орды султана Букея (1801 г.), еврей-ашкенази (XIX в.), так называемые «саксонские» цыгане (после войны), поволжские немцы при поселке Харагали (сер. 50-х гг. XX в.), русские старожилы из Турции и Румынии, казаки-«некрасовцы» и «липоване» (60-е гг. XX в.), народы Северного Кавказа (60-70-е гг. XX в.) и др. [2, с. 33].

Согласно данным всероссийской переписи населения 2010 г., национальный состав ЮФО включает в себя более ста этносов, самыми крупными из которых являются русские (83,75%), армяне (3,19%), украинцы (1,54%), казахи (1,48%), калмыки (1,24%), татары (0,92%), адыгейцы (адыги, 0,88%) [5]. Традиционно принято считать плотность населения в стране. В Южном федеральном округе она составляет 33,27 чел. / кв. км. В ЮФО можно считать также показательной представленность национальностей и этнических групп на один квадратный километр: если в целом в России проживает около 200 национальностей и субэтнических групп [3], то на юге страны проживают более ста народов, принадлежащих к различным языковым группам и исповедующих все религии мира [20, с. 219].

Регион не перестает быть «вратами», то есть пересечением миграционных потоков. Так, только через Астраханскую область в течение 1990-х гг. XX в. «проследовало не менее 1–1,5 млн чел. (больше самого ее населения)» [2, с. 55].

Таким образом, «этноконфессиональная ситуация на юге России является тем фоном, на котором происходит межкультурное взаимодействие множества народов, населяющих самый полиэтничный регион России» [11, с. 221]. С одной стороны, здесь «формируется евразийская система ценностных ориентиров» [21, с. 28]. С другой стороны, нельзя не отметить те изменения, которые могут нарушить хрупкий баланс равновесия в поликонфессиональном регионе, так как регион входит в зону «разлома» между христианским и мусульманским мирами.

В целом Южный федеральный округ занимает особое место в цивилизационном пространстве России, о чем свидетельствуют особенности его культуры и социальных практик: в макрорегионе исторически сложилось многосоставное содержание по степени культурной гетерогенности его населения, включающее ярко выраженные «этнический, конфессиональный, лингвистический, этнохозяйственный компоненты. Его отличают противоречивая история межкультурного взаимодействия, неоднородность локальных и субрегиональных единиц по выделенным параметрам» [12]. Менталитет населения Южного федерального округа различается также по типу преобладающей территориально-поселенческой идентичности – локально-территориальной, региональной, гражданско-государственной, сельской, урбанизированной. При этом исторически сложившиеся условия поликультурности, обусловленной особым «евразийским» геополитическим положением макрорегиона как «площадки диалога культур», «перекрестка цивилизаций», в большей степени способствуют выработке у населения такой базовой особенности менталитета, важнейшей составляющей антропологической идентичности, как терпимость, толерантность. К этой базовой особенности добавляются адаптивность, восприимчивость к чужому опыту, маргинальность.

Литература

1. Археология Нижнего Поволжья: в 4 т. Т. I. Каменный век / под общ. ред. д-ра ист. наук А.С. Скрипкина. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006.
2. Астрахань – XXI: социокультурная регионалистика : монография / Л. В. Баева, Д. К. Батрашев, В. М. Викторин, С. В. Виноградов, В. В. Горев, Н. В. Гришин, В. В. Ишин, Н. Д. Марисова, Л. Я. Подвойский, Р. Х. Усманов, Е. В. Хлыщева, И. Л. Яцукова / под науч. ред. А. П. Романовой, П. Л. Карабущенко. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 376 с.
3. Демоскоп. Weekly. – 2014. – № 617-618. – URL : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php (дата обращения 13.07. 2015).
4. Дугин А. Основы геополитики [Электронный ресурс] / А. Дугин. – URL : <http://www.geopolitika.ru> (дата обращения 11.06.2015).
5. Дулина, Н.В. Между заторможенным ростом и развитием модернизации регионов. Южный федеральный округ / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // СОЦИС. – 2015. – № 3. – С. 22-29.
6. Дулина, Н.В. Модернизация Южного федерального округа: социоэкономическая компонента / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов», 22–23 октября 2015 г., Уфа. – Уфа, 2015. – С. 121-124.
7. Дулина, Н.В. Социокультурная модернизация Южного федерального округа: преимущества, проблемы, вызовы / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы». Саратов, 12 февраля 2015. – Саратов, 2015. – С. 262-267.
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных

национальностей [Электронный ресурс]. – URL : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения 13.07. 2015).

9. Кефели, И.Ф. Геополитика Евразии / И.Ф. Кефели. – СПб.: ИД «Петрополис», 2009. – 326 с.

10. Кефели, И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике / И.Ф. Кефели. – СПб.: Северная звезда, 2004. – 286 с.

11. Котеленко, Д.Г. Меняющийся этноконфессиональный баланс юга России / Д. Г. Котеленко // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 221-225.

12. Котельников, Д.С. Социокультурные особенности региональной идентичности населения административного центра Южного федерального округа [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... к-та социол. наук / Д. С. Котельников. – Ростов-н/Д, 2009. – URL : <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnye-osobennosti-regionalnoy-identichnosti-naseleniya-administrativnogo-tsentra-yuzhnogo-federalnogo-okruga-1> (дата обращения 12.06.2014).

13. Маккиндер, Х. Географическая ось истории [Электронный ресурс] / Х. Маккиндер. – URL: <http://www.geopolitikcs.nm.ru/Mackinder.html> (дата обращения 11.06.2015).

14. Мамонтов, В.И. Древние народы степей Северного Прикаспия / В. И. Мамонтов // Сталинградская гвоздика. Города-побратимы – символ совместного наследия: сб. материалов междунар. конф. / под. ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2015.

15. Моро-Дефарж, Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефарж. – М.: Конкорд, 1996. – 148 с.

16. Плетнева, С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XII вв.) / С.А. Плетнева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – С. 247.

17. Регион: пространство смыслов и содержание : коллективная монография / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, Д.А. Ануфриев, А.Ю. Арясова, Е.О. Беликова, И.Н. Наумов, В.А. Парамонова, М.А. Симоненко, В.В. Токарев; под общ. ред. Н.В. Дулиной, Е.В. Каргаполовой. – Волгоград: Волгоградское научн. изд-во, 2013. – 294 с.

18. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p (дата обращения 13.02.2016).

19. Тикиджьян, Р.Г. Модернизационные и конфликтогенные процессы в Войске Донском во второй половине XVIII–XX вв.: актуальные проблемы изучения / Р. Г. Тикиджьян // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 286-289.

20. Туаева, Б. В. Вопросы сохранения этнокультурного разнообразия России: Северо-Кавказский регион / Б. В. Туаева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 12 (84).

21. Фролова, Ю.С. Социокультурные изменения современной российской полиэтнической провинции: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Ю. С. Фролова. – М., 2007. – 52 с.

22. Шахалова, О.И. Маргинальные пространства и геополитические интересы / О.И. Шахалова // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 9 (57) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2009. – (Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 6.) – С. 12-15.

23. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/922-popkov-tyugashev.html (дата обращения 23.02.2016).

Дьяченко В.М.

Дьяченко Валерия Михайловна (Россия, Курск) – студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Курский государственный университет» (г. Курск, ул. Радищева, 29, valerya_diachenko@mail.ru)

ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ: ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ПРАКТИКИ УЧАСТИЯ

Аннотация. В работе физкультурно-спортивная деятельность студентов вуза рассматривается как важная составляющая их здорового образа жизни. Физкультурно-спортивная деятельность представлена в рамках учебного процесса и внеучебной работы с обучающимися в вузе. Выявлено желание студентов Курского государственного университета участвовать в спортивных мероприятиях, раскрыты их предпочтения в выборе спартакиад, оценка ими спортивной жизни университета.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, здоровье, здоровый образ жизни, студенчество, физическое воспитание.

Физическая культура и спорт – по своей сущности явление массовое, вовлекающее в сферу своего влияния, хотя и с разной степенью активности, большинство членов общества. Включенность человека в активные занятия физической культурой и спортом на протяжении всей жизни во многом определяется его отношением к ним, а также осознанной необходимостью формирования здорового образа жизни.

В настоящее время спорт характеризуется как многогранное общественное явление. В качестве стимула общественного развития он становится частью культуры социума, приобретая различные черты в зависимости от конкретных социальных условий. Вместе с тем спорт оказывает огромное влияние, как опосредованно, так и непосредственно, на образ жизни населения и развитие общества.

Молодежи важно осознать, что физическая культура и спорт, регулярные занятия данным видом деятельности не только показывают их значимость и востребованность, но и играют большую роль в формировании здорового образа жизни населения.

В.Н. Платонов определяет цель теории спорта как науки следующим образом: это «... познание, описание, объяснение и предсказание объективных закономерностей, процессов и явлений спортивной деятельности, составляющих предмет ее изучения и включающих социальные, организационные, методические, педагогические, биологические и другие аспекты, с учетом тесной взаимосвязи спорта со сферой информации и другими смежными областями» [3, с. 13]. Известный теоретик спорта Н.И. Пономарев считает спорт социальным институтом воспитания, который имеет характер игровой физической деятельности [2, с. 56-58]. Исследователь спорта как социального института В.Д. Паначев придерживается мнения о том, что спорт предстает в качестве социального феномена процессов изменения, происходящих в отношении личности к спорту в современном обществе [1, с. 202-203].

В Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» указано, что студенческий спорт – это часть спорта, направленная на физическое воспитание и физическую подготовку обучающихся в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, их подготовку к участию и участие в физкультурных и спортивных мероприятиях [4].

Воспитательная работа в вузе, связанная со спортивно-оздоровительной деятельностью, осуществляется на протяжении всего периода обучения студентов. Она проводится на двух уровнях: учебные занятия по расписанию и внеучебная спортивная деятельность. Эти две формы взаимодополняют друг друга и представляют собой единый процесс физического воспитания студентов. Как справедливо отмечает В.Н. Яковлева, физическое воспитание – это единство общей и специальной

физической подготовки, развитие форм и функций организма, физических качеств, двигательных умений и навыков [5, с. 255-257].

Нужно сказать, что основной формой физического воспитания студентов являются учебные занятия по расписанию. Они заранее прописываются в специальных планах по всем специальностям вуза, проводятся преподавателями кафедры физической культуры и спорта. Обычно такие занятия направлены на сохранение и укрепление здоровья студентов, повышение уровня физической подготовленности и физического развития для улучшения умственной и физической работоспособности, воспитания потребности в самосовершенствовании и здоровом образе жизни.

Внеучебные занятия студентов физической культурой и спортом позволяют уделить большое количество времени достижению определенных спортивных целей, ускорить процесс физического совершенствования, а также помогают внедрить физическую культуру и спорт в обыденную жизнь и отдых студентов. Правильно организованные внеучебные занятия вместе с учебными обеспечивают оптимальную непрерывность и эффективность физического воспитания. Эти занятия могут проводиться во внеучебное время: в спортивных секциях или на спортивных мероприятиях.

Для выявления значимости для студентов их физкультурно-спортивной деятельности в вузе в ноябре 2015 года под руководством доцента кафедры социологии и политологии Курского государственного университета Ю.М. Пасовец был проведен социологический опрос, в котором приняли участие 250 студентов этого же университета. Также для составления более полной картины мы обратились к данным опроса, проведенного в октябре 2015 года под руководством декана факультета физической культуры и спорта (ФФКиС) этого же университета Д.В. Беспалова (N = 84 человека). Выборочная совокупность опросов формировалась как стихийная, одноступенчатая на этапе отбора респондентов выборка. Полевые социологические исследования проводились с помощью метода раздаточного анкетирования.

Прежде чем говорить о физкультурно-спортивной деятельности студентов в рамках учебных занятий, мы решили узнать, сколько вообще опрошенных студентов занимаются физической культурой и спортом. В результате исследования выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных (80,8%) занимаются физической культурой и спортом, соответственно, 19,2% – не занимаются. Установлено, что у студентов, включенных в систематические занятия физической культурой и спортом и проявляющих в этой сфере достаточно высокую активность, вырабатывается определенный стереотип режима дня, они более уверены в себе, наблюдается развитие «престижных» установок, высокий жизненный тонус.

В рамках учебного процесса физкультурно-спортивная деятельность студентов главным образом осуществляется на учебных занятиях по расписанию, в процессе проведения спортивных спартакиад и мероприятий, а также в спортивных секциях КГУ. В нашем исследовании был представлен вопрос, связанный с выявлением предпочтений видов спорта или систем упражнений при занятии физической культурой и спортом. Нужно отметить, что из числа респондентов, которые занимаются физической культурой и спортом (80,8%), только 22,8% указали, что занимаются на учебных занятиях по расписанию, хотя занятия физической культурой по расписанию обязательны для всех студентов. Данный вариант ответа выбрали не все опрошенные студенты, т.к. среди них присутствуют опрошенные студенты 4-х курсов и магистратуры, а физическая культура преподается только до 3 курса, за исключением факультета физической культуры и спорта.

В рамках второго исследования, проведенного на факультете ФФКиС, мы узнали, что большинство респондентов (84,5%) положительно относятся к проведению спартакиады между факультетами университета, 6% дали отрицательный ответ, а 9,5% ответили, что им все равно. В связи с этим можно предположить, что многие студенты хотели бы участвовать в таких спартакиадах. Как следствие, вуз должен способствовать проведению таких спартакиад и, соответственно, информировать студентов о них.

Если говорить о проведении спартакиад внутри факультета, то к положительному ответу склоняется немного меньшее количество опрошенных, по сравнению с проведением спартакиады между факультетами (70,2%). Возможно, это связано с тем, что многие студенты разных факультетов ставят перед собой цель – победить. Тем самым каждый факультет становится более сплоченным и дружным. Остальная часть опрошенных, а именно 10,7%, дали отрицательный ответ, а 19% отметили, что им все равно.

После того как мы выяснили отношение студентов к проведению спартакиад в вузе, мы захотели узнать, хотят ли вообще студенты принимать в них участие. Оказалось, что большинство студентов желают принимать участие в спартакиадах (73,2%), при этом часть опрошенных дали отрицательный ответ (26,2%). Мы полагаем, что группу последних составляют те респонденты, которые в предыдущих вопросах склонялись к отрицательному варианту ответа.

Физкультурно-спортивная деятельность предполагает активное участие студентов в различных спартакиадах и мероприятиях. В связи с этим 73,2% опрошенных, желающих принимать участие в спартакиадах, был задан вопрос: «В каких спортивных спартакиадах Вы хотите принимать участие?» Как выяснилось, 35,7% опрошенных студентов хотят участвовать в межвузовской спартакиаде, 31% указали, что хотят участвовать в спартакиаде внутри вуза, 21,4% – внутри факультета.

Как мы знаем, спорт занимает значимое место в системе физического воспитания. Это объясняется особой действенностью спорта как средства и метода физического воспитания, его популярностью, неуклонно возрастающей общекультурной и престижной значимостью в современном мире. Поэтому нам было интересно узнать, как студенты оценивают физкультурно-спортивную жизнь в КГУ. Более половины опрошенных (56%) отметили, что физкультурно-спортивная жизнь в КГУ находится на том же уровне, как и в других вузах. «Лучше, чем в других вузах региона», –

ответили 40,5% опрошенных, а 3,5% указали, что физкультурно-спортивная жизнь в КГУ хуже, чем в других вузах. Можно сказать, что физкультурно-спортивная деятельность КГУ, по мнению опрошенных, осуществляется не совсем на том уровне, на каком бы им хотелось.

Вернемся к нашему исследованию и затронем вопросы, касающиеся физкультурно-оздоровительной деятельности во внеучебное время. Большое место в жизни коллектива физической культуры вуза занимает учебно-тренировочная работа в различных спортивных секциях. Спортивные секции рекомендуется создавать в первую очередь по таким видам спорта, которые лучше всего обеспечивают разностороннюю физическую подготовку, повышают уровень физической и умственной работоспособности человека, укрепляют здоровье. Это легкая атлетика, лыжный спорт, плавание, гимнастика, спортивные игры и др.

На базе КГУ существуют различные виды спортивных секций, поэтому важно узнать, сколько студентов занимаются в данных секциях. В ходе исследования выяснилось, что количество опрошенных студентов, занимающихся в спортивных секциях КГУ, всего лишь 22,4%, более половины опрошенных (58,4%) не занимаются в спортивных секциях КГУ. Из числа тех, кто занимается в спортивных секциях КГУ, самым популярным видом спорта считают волейбол 17,9%. Равное количество человек выбрали футбол (16,1%) и фитнес (16,1%). Самыми незначительными видами спорта среди студентов считаются: самбо (1,8%), дзюдо (1,8%) и шахматы (1,9). Такой вид спорта, как атлетическая гимнастика, никто из участников опроса не отметил. Также предлагались и другие варианты ответов: легкая атлетика (14,3%), тяжелая атлетика (12,5%), лыжный спорт (12,5%), баскетбол (8,9%), силовое троеборье (5,4%), армспорт (5,4%), настольный теннис (3,6%). Остальные респонденты выбрали вариант «другое» и указали свой вариант ответа, а именно: пауэрлифтинг, танцы, трэплинг.

Помимо спортивных секций, в КГУ проводятся спортивные мероприятия, направленные на широкое привлечение студенческой

молодежи к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Нам удалось выяснить, что около половины опрошенных студентов (46,8%) не принимают участия в таких мероприятиях, 30,4% респондентов принимают участие, но редко. Тех студентов, которые всегда активны и принимают участие в спортивных мероприятиях, среди опрошенных насчитывается лишь 12%. Вариант «затрудняются ответить» выбрали 10,8% опрашиваемых. Нам кажется, что такие мероприятия следует освещать на различных уровнях СМИ (студенческое телевидение, газета, информационные стенды), при этом необходимо оповещать кураторов каждой группы, представителей профактива факультетов и членов спортклуба.

Желающих принимать участие в спортивных мероприятиях КГУ в дальнейшем – 46,3% среди опрошенных. Вариант «затрудняюсь ответить» отметили 34,4%, 22% респондентов не хотели бы принимать участие в этих мероприятиях.

В результате нашего исследования также выяснилось, что треть студентов хотят не только учиться, но и заниматься спортом (33,6%), при этом участвовать в спортивных мероприятиях желают около половины (43,6%) респондентов. Это объясняется тем, что многие студенты планируют заниматься спортом, они хотели бы участвовать в спортивных мероприятиях, что является показателем востребованности этого направления внеучебной воспитательной работы в вузе.

Таким образом, одними из важнейших проблем здорового образа жизни являются: формирование сознательного отношения студентов к предмету, воспитание интереса к нему и потребности в регулярных занятиях физической культурой и спортом, а также широкая пропаганда данного явления. Учебный процесс желательно корректировать согласно индивидуальным мотивам и интересам студентов. При выборе вида и формы занятий важно создавать соответствующие условия: обеспеченность современным оборудованием и инвентарем, подбор квалифицированных педагогических кадров, владеющих техникой. На занятиях по физическому

воспитанию, а также вне их, с привлечением различных средств информации, применением интерактивных методов студентам важно давать дополнительные сведения о способах оценки, сохранения и укрепления здоровья (здоровое питание, режим сна, режим труда и отдыха, вредные привычки и пр.) для формирования сознательного отношения к своему физическому развитию. Помимо того, на наш взгляд, студентам самим следует проявлять больше личной инициативы в отношении занятий физической культурой и спортом, т. к. это способствует укреплению здоровья и улучшению самочувствия, развитию физических способностей и навыков.

Литература

1. Паначев, В.Д. Проблемы управления социальным институтом спорта / В.Д. Паначев // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 2 . – С. 202-203.
2. Пономарев, Н.И. Профессиональный спорт как субкультура / Н.И. Пономарев // Теория и практика физической культуры. – 1995. – № 8. – С. 56-58.
3. Теория спорта / под ред. проф. В.Н. Платонова. – К.: Вища школа Головное изд-во. – 1987. – 424 с.
4. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902075039> (дата обращения 06.03.16).
5. Яковлева, В.Н. Физическое воспитание и физическая подготовленность студенческой молодежи / В.Н. Яковлева // Science Time. – 2014. – № 9. – С. 255-257.

Дубинин И.О.

Дубинин Илья Олегович (Россия, Уфа) – аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а, Fsp22@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ МОЛОДЁЖИ С УЧЁТОМ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ

Аннотация. В статье анализируется проблема учёта типологической специфики общества, регионов, личности и их социальное предназначение в глобальном мире. Социальные лифты молодёжи рассматриваются во взаимосвязи с профессиональной ориентацией. На основе данных социологического исследования обосновывается необходимость совершенствования профориентационной работы.

Ключевые слова: специфика регионов, типологический подход, социальная динамика, социальный лифт, социальная мобильность, профессиональная ориентация молодёжи.

Социологический анализ как условие эффективного управления необходим потому, что нужно знать потребности, интересы и способности конкретных субъектов и объектов социально-экономического и духовного развития: регионов, городов, районов, поселений, организаций, демографических групп, личности – именно на данном этапе общественного развития. Общества как системы обладают как специфическими признаками, так и общими, типологическими. Моделирование общества как системы выступает в качестве предпосылки типологического подхода, который позволяет определить положение данного социума в пространстве глобального сообщества. Учёт специфики регионов и других общностей в практике государственного управления вызывает объективную необходимость в точной научной экспертизе её структуры и элементов [1, с. 65].

Необходимы новые социальные технологии, разрешающие проблему оптимального сочетания наиболее эффективных управленческих стратегий с типом реального региона, города, района, организации, личности, и в целом – с их целями, задачами и способами решения. Исходя из вышеизложенного, нужно констатировать объективную необходимость социологических измерений, поскольку решение проблемы максимального использования потенциала группового сообщества и индивидуального субъекта – приоритетная задача на данном этапе развития общества.

Социальную динамику можно определить как изменение технологии организации общества. Причины и факторы социальной динамики: рост населения, изменение физической окружающей среды, технология, культура, социальные движения и социальные конфликты. Социальная динамика в конкретном обществе испытывает сильное влияние мировых глобальных процессов. В динамично развивающихся современных обществах каждый человек и каждая общность людей могут неоднократно менять свой социальный статус. Люди могут менять профессию, место жительства, место работы, семейное положение, социальный слой, к которому принадлежали. В результате интенсивно меняется и само общество.

Основные виды социальной мобильности: классовая мобильность, профессиональная мобильность, территориальная мобильность (миграция), должностная мобильность, экономическая мобильность. Так, смена профессии практически всегда отражается на уровне доходов, на престиже, на должности человека. Как правило, человек перемещается одновременно в нескольких направлениях – горизонтальном, вертикальном, диагональном и т. д.

Все виды социальной динамики связаны друг с другом в единую систему. Например, доходы зависят как от размеров собственности, так и от квалифицированности (сложности) труда. Уровень доходов является зависимой переменной от этих двух основных факторов. И собственность, и сложность выполняемой работы практически утрачивают свой смысл без тех

доходов, которые они обеспечивают. Поэтому не сама по себе профессия (квалификация), а то, как она обеспечивает социальный статус человека (главным образом в форме дохода), выступает признаком стратификации. В общественном сознании это проявляется как престиж профессий. Сами по себе профессии могут быть очень сложными, требующими высокой квалификации, или достаточно простыми, предполагающими низкую квалификацию. В то же время не всегда сложность профессии равнозначна её престижности (как известно, представители сложных профессий могут получать неадекватную их квалификации и качеству труда заработную плату).

Социальную мобильность образно можно сравнить с многоэтажным домом, в котором можно перемещаться как по лестнице, так и на лифте. Действительно, в обществе одни «поднимаются» и «спускаются», а других «поднимают» и «спускают». «Социальная лестница» связана с достижимым статусом, а «социальный лифт» – с предписанным статусом личности или общности. Примером социальной мобильности, связанной с достижимым социальным статусом, можно считать повышение квалификации и, как результат, повышение должности. Примером социальной мобильности, связанной с предписанным статусом, можно считать повышение в должности по признаку родства с вышестоящим руководителем [2, с. 110-128].

Социальный лифт автором интерпретируется как смена позиции в социальной иерархии или как разновидность вертикальной мобильности. П. Сорокин выделил 8 лифтов вертикальной мобильности, по которым люди перемещаются вверх или вниз по ступеням социальной лестницы в процессе своей персональной карьеры: экономические организации, школа и научные организации, армия, религиозные организации, политический лифт, искусство, СМИ, семья и брак [4]. Иначе говоря, социальные лифты – это совокупность факторов, социальных институтов, с помощью которых происходит перемещение из одной социальной группы в другую. Ограниченные возможности социальных лифтов дали толчок развитию

своеобразных мостов, позволяющих переходить из одного лифта в другой и обеспечить карьерный рост.

В современном обществе социальные лифты не являются жёстким структурным образцом. Постиндустриальная цивилизация создаёт условия для конструирования личностью собственных социальных лифтов в соответствии со своим социальным предназначением и профессиональным призванием.

В условиях социально-экономического кризиса, когда социальная поляризация становится преобладающей тенденцией, большая часть общества снижает свой социальный статус. В итоге происходит увеличение доли социальных «низов». Социальная поляризация общества приводит ко многим негативным последствиям. Усиливается социальная напряженность и конфронтация. В таких условиях ослабляется социальная база для социального партнерства между работодателями и работниками, для развития предпринимательства (для чего нужен первоначальный капитал). Средние слои постоянно «смываются» очередной волной экономического кризиса. Происходит рост политической апатии, обусловленной неверием в возможность влиять на власть. А это представляет собой благоприятную почву для тоталитаризма и разных форм диктатуры, ксенофобии и национализма. Социальная поляризация существенным образом меняет не только социальную стратификацию, но и всю социальную структуру общества. Нисходящая социальная мобильность охватывает целые социальные общности людей [2, с. 126].

Социальная мобильность молодёжи во многом зависит от её жизненных и профессиональных планов. В 2015 году социологическая лаборатория БГПУ, являющаяся структурным подразделением Центра социальных технологий, провела исследование в общеобразовательных школах. Обследованию были подвергнуты более 600 учителей и 1200 учащихся 14 общеобразовательных учреждений всех 7 районов г. Уфы. Выборка в каждом районе включала одну гимназию и одну

общеобразовательную школу. Кроме того, в выборку включено одно негосударственное образовательное учреждение и башкирская гимназия (опрос был проведён в двух башкирских гимназиях, поскольку одна из них включена методом случайного отбора).

В частности, респондентам был предложен следующий вопрос: «Если Вы хотите получить высшее образование, то укажите основные причины». Получены следующие результаты (в %):

- желание стать специалистом в определенной области – 60;
- желание просто получить высокооплачиваемую работу – 52;
- в целях саморазвития (развитие собственных способностей и т.д.) – 41;
- выбранная мной профессия требует получения высшего образования – 30;
- стремление получить определенный социальный статус – 20;
- желание получать новые знания – 20;
- желание получить диплом о высшем образовании – 18;
- требования родителей – 14;
- стремление получить одобрение окружающих – 6;
- желание избежать службы в вооруженных силах – 5;
- традиции семьи – 3;
- возможность не работать в период обучения в вузе – 1.

В сумме внешние причины (требования родителей и т. п.) составляют 47 баллов, социально-статусные причины – 162 балла, внутренние причины (саморазвитие, знания) – 61 балл. Таким образом, основной мотив получения высшего образования – стремление получить устойчивый социальный статус и доход.

Показательными являются и ответы на следующий вопрос: «Какой должностной уровень Вы считаете достаточным для себя в своей профессиональной карьере?» (в %):

- рядовой исполнитель – 2;

- квалифицированный специалист – 35;
- руководитель небольшой группы (отдела) – 17;
- руководитель организации (предприятия, учреждения) – 34;
- профессиональный статус мне безразличен – 12.

Как видно из результатов интервьюирования, более половины будущих выпускников средних школ г. Уфы ориентируются на руководящие, управленческие должности, причём более трети – не среднего, а высшего уровня. Здесь мы сталкиваемся с известным в социологии труда феноменом перевёрнутых пирамид, который впервые обнаружил В.Н. Шубкин [5; 6]. Нижняя пирамида – это потребность общества в должностях и профессиях. Внизу расположены массовые, самые востребованные должности. А в вершине пирамиды располагаются редкие, престижные должности и профессии. Верхняя пирамида изображает профессиональные и должностные планы молодёжи, которую больше всего интересуют привлекательные статусы. Получается явное несовпадение этих двух пирамид. В реальной жизни – противоречие между потребностями и возможностями общества, регионов и потребностями и способностями молодого поколения.

Президент и премьер-министр РФ в своих речах неоднократно говорили о необходимости увеличить долю рабочих специальностей в общепрофессиональной системе подготовки кадров, поскольку наблюдается дефицит в указанной профессиональной сфере. Данные нашего социологического исследования говорят о том, что молодёжь не ориентируется не только на рабочие специальности, но и в целом – на профессии и должности исполнительского уровня. Кроме того, не учитываются запросы регионального рынка труда. Здесь мы также видим не только идеализм молодёжи, но и изъяны профессиональной ориентации. Например, психологи почему-то предпочитают проводить лидерские тренинги, хотя в обществе гораздо больше потребность в надёжных исполнителях. К тому же педагоги не объяснили подросткам, что не все обладают должными способностями и качествами менеджера, исполнители и

специалисты также достигают жизненного успеха, а главным требованием в трудовой деятельности сегодня становится профессиональная компетентность, тесно связанная с образованием. В профессиональной ориентации молодежи необходимо учитывать и информационное пространство муниципального образования, в данном случае рынок труда города Уфы демонстрирует прагматичные ценности и ориентацию на комфорт и благополучие, что противоречит формируемой у школьников профессиональной направленности [3]. Иначе говоря, профессиональный и должностной статус являются достижимыми, а не предписанными. Готовить же всех к роли лидера – это серьёзная педагогическая ошибка, что чревато большими разочарованиями.

Добавим, что контрольные шкалы показали: примерно 19% школьников имеют реальную склонность к деятельности менеджера или административного руководителя. Следовательно, старшеклассники не учитывают свою типологическую принадлежность, способности и призвание при выборе профессии и должности, наличие вакансий на рынке труда региона, что позволяет социологам высказать предположение о низком уровне и невысоком качестве профориентационной работы в системе среднего образования.

Литература

1. Антошкин, В.Н. Типологический анализ как метод исследования информационной структуры социальных систем / В.Н. Антошкин, А.С. Круль // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2012. – № 3. – С. 65-76.
2. Антошкин, В.Н. Общая социология: учебное пособие / В.Н. Антошкин. – Уфа, 2015.
3. Зайнетдинова, Л.Ф. Информационно-коммуникативное пространство рынка труда: управление типами экономического поведения / Л.Ф. Зайнетдинова, А.С. Круль // Вестник БГАУ. – 2015. – № 2. – С. 128-132.

4. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М., 1992.

5. Чередниченко, Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований) / Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСП и М, 2014.

6. Чередниченко, Г.А. Молодёжь вступает в жизнь / Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкин. – М., 1985.

Апалькова Т.Ю.

Апалькова Татьяна Юрьевна (Россия, Курск) – студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Курский государственный университет» (г. Курск, ул. Радищева, 33, apalkova1994@mail.ru)

КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К КАНДИДАТАМ НА ВКЛЮЧЕНИЕ В РЕЗЕРВ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ И ПРАКТИКА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕГИОНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к формированию и подготовке кадрового резерва. Описываются квалификационные, профессиональные и иные требования к кандидатам на включение в резерв управленческих кадров. По результатам проведенного исследования выявлены социально-профессиональные характеристики участников школы кадрового резерва «Управленец XXI века» по направлению «Наука, образование и культура».

Ключевые слова: кадровый резерв, формирование кадрового резерва, социально-профессиональные характеристики, проект «Губернаторская тысяча», школа кадрового резерва «Управленец XXI века».

В последнее время проблеме, связанной с формированием кадрового резерва в области государственного и муниципального управления, уделяется особое внимание. Формирование кадрового резерва – задача непростая, она требует целенаправленности, времени и усилий как со стороны руководства региона, так и государства в целом. В настоящее время существуют проекты кадрового резерва как на государственном, так и на региональном уровнях, их основной задачей является поиск, формирование и использование кадрового резерва, который видит перспективы развития региона и страны. При этом к кандидатам при формировании резерва управленческих кадров есть некоторые требования.

Существует несколько различных определений кадрового резерва. Так, в широком понимании кадровый резерв часто рассматривается как группа руководителей и специалистов, которые обладают способностями к управленческой деятельности, отвечают требованиям, предъявляемым должностью, а также прошедшие отбор и целевую квалификационную подготовку [1, с. 178].

Е.В. Титова определяет кадровый резерв как группу работников, которая формируется на основе индивидуального отбора и комплексной оценки профессиональных, деловых и личностных качеств и предназначается для выдвижения на более высокие должности гражданской службы [6, с. 71].

С.Ю. Наумов и Е.В. Масленникова рассматривают кадровый резерв как механизм повышения качества государственного управления, повышения профессионализма служащих на основе постоянного развития их личностно-деловых качеств, позволяющих реализовывать задачи государственного управления [3, с. 62].

Тем самым кадровый резерв можно определить как группу, перечень лиц, отвечающих требованиям, предъявляемым должностью, прошедших отбор и подготовку, а также обладающих совокупностью качеств, способных обеспечить эффективное развитие учреждения, муниципального образования, региона и страны в целом.

Основными целями формирования и использования кадрового резерва являются создание подготовленного к управлению в новых условиях состава государственных служащих, обеспечение непрерывности и преемственности управления, его совершенствование на основе отбора, подготовки и выдвижение кадров, способных профессионально и эффективно реализовывать задачи и функции органов государственной власти. Для того чтобы работа с кадровым резервом была эффективной, необходимо выполнять определенные условия его формирования.

Рассматривая нормативно-правовые и организационные основания создания кадрового резерва муниципальной службы, Е.Ю. Киреева выделяет

следующие этапы формирования кадрового резерва: подбор и отбор кандидатов в состав кадрового резерва; оценка отобранных кандидатур; согласование состава кадрового резерва с должностными лицами, в номенклатуру которых они входят; определение методов, форм и сроков подготовки [2, с. 42].

В работе с кадровым резервом сферы управления главное значение имеет определение квалификационных, профессиональных и иных требований к кандидатам на включение в такой резерв. Так, к основным требованиям к кандидатам на включение в резерв управленческих кадров можно отнести: возраст, образование, опыт работы на соответствующей должности, результаты профессиональной деятельности и стремление кандидата к самосовершенствованию, развитию карьеры [5].

Во-первых, рекомендуемый возраст кандидатов, рассматриваемых для включения в состав резерва управленческих кадров, – 25-35 лет. Это обусловлено уровнем профессионального образования, жизненным опытом, а также тем, что именно в данном возрасте люди задумываются не просто о профессиональном становлении, а о личной самореализации, карьере. В резерв управленческих кадров не рекомендуется включать лица старше 45 лет. Во-вторых, рекомендуемый уровень образования кандидатов, рассматриваемых для включения в состав резерва управленческих кадров, – высшее. В-третьих, кандидаты должны иметь профессиональный опыт работы на соответствующей должности. В-четвертых, результаты профессиональной деятельности – кандидаты на включение в резерв управленческих кадров должны успешно выполнять свои обязанности на занимаемой должности, показывать профессиональные результаты. В-пятых, одним из самых важных критериев является стремление кандидатов к самосовершенствованию, развитию карьеры.

В настоящее время как на федеральном, так и на региональном уровнях существует ряд образовательных и социальных программ подготовки кандидатов для включения в состав кадрового резерва. Основная цель таких

программ состоит в выявлении наиболее квалифицированных, талантливых и перспективных специалистов, содействии их дальнейшему развитию и привлечении в кадровый резерв для занятия вакантных должностей государственной и муниципальной службы.

Так, например, в Курской области создан и реализуется проект подготовки кадрового резерва «Губернаторская тысяча». Для организации обучения финалистов проекта «Губернаторская тысяча» проводится школа кадрового резерва «Управленец XXI века». Занятия в школе «Управленец XXI века» осуществляются на площадках семи курских вузов по направлениям: предпринимательство и экономика; наука, образование и культура; строительство и производство; инновации и технологии; здоровье и спорт; сельское хозяйство и экология; государственное и муниципальное управление; финансы и инвестиции.

С целью выяснения социально-профессиональных характеристик слушателей школы кадрового резерва «Управленец XXI века» по направлению «Наука, образование и культура» был проведен социологический опрос. Эмпирическая база исследования представлена результатами социологического опроса участников проекта «Губернаторская тысяча» по направлению «Наука, образование и культура», проведенного нами в марте 2015 года под руководством Ю.М. Пасовец [4]. Количество опрошенных составило 168 человек.

По возрастному составу подавляющее большинство респондентов относится к среднему возрасту и молодежи: молодых участников (в возрасте 18-29 лет) – 14,9%, лиц среднего возраста (30-49 лет) – 84,5%.

Мы выявили, что большинство (75,6%) респондентов имеет высшее образование. Каждый десятый (10,7%) респондент имеет два и более высших образования, 7,1% респондентов имеют среднее специальное образование. Тех, у кого есть послевузовское и незаконченное высшее образование, среди опрошенных значительно меньше: 3,6% – послевузовское образование, 2,4% – незаконченное высшее образование.

Большинство респондентов (36,3%) имеют первую квалификационную категорию, каждый пятый (20,8%) – высшую квалификационную категорию.

Участники школы «Управленец XXI века» обладают высоким образовательно-профессиональным потенциалом, что подтверждается наличием у подавляющего большинства участников высшего профессионального образования и у каждого пятого участника – высшей квалификационной категории.

Подавляющее большинство (99,4%) опрошенных работает на государственном, муниципальном предприятии (в организации). Из них 75,0% респондентов заняты на основной работе в сфере образования. Каждый пятый (21,4%) респондент работает в сфере культуры и искусства.

Что касается должностного статуса, то около половины (48,8%) респондентов по основному месту работы имеют должности специалистов. Каждый десятый (14,2%) опрошенный является по основному месту работы руководителем организации. У большинства опрошенных – достаточно длительный профессиональный стаж: у 72,0% из них он составляет от 6 до 20 лет.

Данные по возрасту и уровню профессиональной квалификации участников школы «Управленец XXI века» соотносятся с наличием у них определенного стажа работы по профессии.

Наше исследование выявило специфику проектной деятельности участников школы кадрового резерва «Управленец XXI века». У подавляющей части (75,0%) респондентов отсутствуют какие-либо проектные разработки: треть респондентов (33,9%) отметили, что пока не разрабатывают проект, и 41,1 % ответили, что тема их будущего проекта не определена. Это может быть связано с неполнотой знаний о проектах и основных этапах его разработки, общекультурных и профессиональных знаний, а также трудностями в поиске и обработке информации, подготовке материалов, необходимых для реализации проекта. Однако примерно четвертая часть (22,8%) участников включена в проектную деятельность:

ими разработан ряд проектов, которые могут быть представлены в рамках конкурсной площадки «Губернаторская тысяча». Самое распространенное тематическое направление в разработке проекта – «Инновации в образовательном процессе» (5%). Одинаковая доля участников (по 1,8%) разрабатывает проекты в направлении современных информационно-коммуникационных технологий; в сферах здоровья и здорового образа жизни; духовно-нравственного воспитания молодежи; развития социокультурного пространства района/села.

Таким образом, данные, полученные в результате проведенного нами социологического исследования, в целом подтверждают, что участники школы кадрового резерва «Управленец XXI века» по направлению «Наука, образование и культура» обладают достаточно высокими показателями по каждому из требований отбора к кандидатам для создания резерва квалифицированных управленцев по данному направлению в Курской области. Роль профессиональной квалификации в проектной деятельности участников кадрового резерва управленцев связана в первую очередь с выбором темы собственного проекта и обоснованием его востребованности и актуальности. У подавляющего большинства участников школы кадрового резерва содержание разрабатываемого ими социального проекта непосредственно включено в сферу их профессиональной деятельности, где они обладают достаточно высоким профессионально-образовательным потенциалом и организационными ресурсами для реализации этих проектов в практической деятельности.

Литература

1. Ивановская, Л.В. Современные взгляды на «кадровый резерв», актуальность его создания и совершенствования / Л.В. Ивановская // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2012. – № 1. – С. 178-183.

2. Киреева, Е.Ю. Кадровый резерв муниципальной службы / Е.Ю. Киреева // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 39-44.
3. Наумов, С.Ю. Кадровый резерв как механизм повышения качества государственного управления / С.Ю. Наумов, Е.В. Масленникова // Власть. – 2008. – № 10. – С. 61-63.
4. Пасовец, Ю.М. Кадровый потенциал региона: от построения теоретической модели к эмпирическому исследованию в сфере управления: монография / Ю.М. Пасовец. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. – 275 с.
5. Селезнев, Д. Формирование кадрового резерва: пошаговая инструкция [Электронный ресурс] / Д. Селезнев. – Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/formirovanie-kadrovogo-rezerva-poshagovaya-instrukciya> (дата обращения: 13.02.2016).
6. Титова, Е.В. Управление кадровым потенциалом государственной гражданской службы на основе формирования резерва кадров / Е.В. Титова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 4. – С. 70-75.

4 секция

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Пасовец Ю.М.

Пасовец Юлия Михайловна (Россия, Курск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Курский государственный университет» (Курск, ул. Радищева, д. 33, yulia_pasovets@mail.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*

Аннотация. В статье на основе анализа данных государственной статистики и результатов опросов раскрываются особенности социальной стратификации населения регионов Центрального Черноземья, связанные с дифференциацией доходов и уровнем потребления, социально-демографическими характеристиками социальных слоев.

Ключевые слова: социальная стратификация, дифференциация доходов, уровень потребления, бедные, средний класс, регион.

В современных российских условиях социально-экономическое неравенство населения, определяющее контрастный профиль социальной стратификации, оказывается одним из факторов торможения модернизационных процессов на уровне общества в целом и его отдельных регионов [2; 5]. При этом следует учитывать, что российское общество отличается сохранением существенной социально-экономической и социокультурной дифференциации между регионами как субъектами федерации, а также спецификой административно-территориального деления, экономического районирования страны и существованием общности исторических, экономических и социокультурных связей между

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00506а «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья».

группами регионов, которые определяют формирование макрорегионов в масштабах России [4]. Исходя из такой позиции, в качестве макрорегиона может выступать Центральное Черноземье, включающее регионы Центрально-Черноземного экономического района: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую области, а также Орловскую область как отличающуюся общностью истории с Курским краем, имеющую тесные социокультурные и экономические связи с перечисленными регионами.

В связи с этим актуальность исследования проблематики социально-экономического неравенства населения в российском обществе определяется необходимостью выявления специфики профиля стратификации социально-территориальных общностей, определения общих и особенных ее характеристик, проявляющихся в субъектах федерации в рамках макрорегионов страны, что позволит выстроить сбалансированную стратегию модернизации для конкретных региональных сообществ. В этих целях для анализа обозначенной проблемы исследования применительно к регионам Центрального Черноземья целесообразно использовать данные государственной статистики и результаты опросов населения: данные регионального мониторинга, представленного социологическими опросами населения Курской области по Типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России», проведенными нами по репрезентативной выборке в 2007 (N = 1128 человек), 2009 (N = 1000 человек) и 2012 (N = 1000 человек) годах, а также результаты общероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» 2010 года, реализованного Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством члена-корр. РАН Н.И. Лапина, д.социол.н. Л.А. Беляевой.

К настоящему времени в областях Центрального Черноземья сложился определенный профиль социальной стратификации, который стал результатом усиления дифференциации денежных доходов между группами

населения и концентрации основной массы доходов в высокодоходной группе населения за последние двадцать лет [3]. Как показывает распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2014 г. (табл. 1), в регионах Центрального Черноземья верхние по доходам 20,0% населения получают около половины всех денежных доходов (от 44,1% в Орловской области до 47,0% в Воронежской области). При этом на 80,0% населения приходится вторая половина всех доходов. Эта разница обуславливает и значительную поляризованность сообщества: для отдельных регионов Центрального Черноземья коэффициент Джини находится в интервале 0,376–0,412, что несколько ниже общероссийского показателя (0,416). Последнее определяет меньшую степень поляризованности региональных сообществ в рамках Центрального Черноземья по сравнению с российским обществом в целом.

Таблица 1. Распределение общего объема денежных средств населения по 20-процентным группам в 2014 г.

	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
Российская Федерация	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	16,0	0,416
Белгородская область	5,6	10,4	15,3	22,7	46,0	14,2	0,399
Воронежская область	5,3	10,0	15,1	22,6	47,0	15,5	0,412
Курская область	5,7	10,5	15,5	22,8	45,5	13,6	0,394
Липецкая область	5,6	10,4	15,4	22,7	45,9	14,1	0,398
Орловская область	6,2	11,0	15,8	22,9	44,1	12,0	0,376
Тамбовская область	5,7	10,5	15,5	22,8	45,5	13,7	0,394
<i>Источник:</i> Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. – С. 226.							

Также по отношению к России в целом в регионах Центрального Черноземья наблюдается и меньшая разница в доходах между самыми

высокодоходной и низкодоходной группами населения (см. таблицу 1). Это фиксируется коэффициентом фондов, отражающим соотношение в средних уровнях доходов в первой 10-процентной группе населения (с самыми низкими доходами) и десятой 10-процентной группе населения (с самыми высокими доходами). В 2014 году для областей данного макрорегиона России разница в доходах между наиболее доходной группой и самой низкодоходной группой населения составляла от 12,0 раз в Орловской области до 15,5 раз в Воронежской области.

Результаты опросов также подтверждают наличие такого социального контраста (табл. 2). По данным опроса населения Курской области, к низшему имущественному слою относят себя 44,5% опрошенных курян (страты «нищие», «бедные», «необеспеченные»), к среднему – 51,5% («обеспеченные», «зажиточные»), к высшему – только 4,0% («богатые»). Тем самым в субъективном измерении самыми массовыми являются средние и низшие страты. Такой профиль стратификации характерен и для российского общества в целом [6].

Таблица 2. Социальная стратификация населения по уровню потребления (по самооценкам населения, в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Курская область				Россия	Условные названия страт
	2006	2007	2009	2012	2010	
Денег не хватает на повседневные затраты	14,1	16,6	13,0	12,8	12,4	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	15,7	21,8	19,1	17,5	19,0	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	24,3	17,1	17,2	14,2	21,6	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	32,2	27,6	32,1	36,9	30,2	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	12,9	12,7	14,3	14,6	10,7	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	0,8	3,0	2,8	4,0	2,9	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	–	1,2	1,5	–	3,1	

Источник: результаты опросов населения Курской области (2006, 2007, 2009, 2012 г.) и Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН (2010 г.)

По данным государственной статистики, в 2014 году в регионах Центрального Черноземья доля бедных, чьи доходы ниже величины прожиточного минимума, составляла в среднем менее 10,0% населения: от 7,5% в Белгородской области до 12,8% в Орловской области (табл. 3). По сравнению с 2000 г. к настоящему времени численность бедного населения в областях Центрального Черноземья значительно сократилась: например, в Курской области с 42,2% до 8,7%, то есть в 4,9 раза.

Таблица 3. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения)

	2000	2005	2010	2014
Российская Федерация	29,0	17,83	12,5	11,2
Белгородская область	33,6	18,1	8,2	7,5
Воронежская область	41,9	23,7	18,4	9,1
Курская область	42,2	20,2	10,8	8,7
Липецкая область	30,9	15,4	9,9	8,0
Орловская область	41,6	23,5	14,7	12,8
Тамбовская область	45,9	16,9	10,8	9,3
<i>Источники:</i> Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 184; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 234.				

Между тем сопоставление с данными опроса показывает, что в результате изменения жизненных стандартов и уровня притязаний населения масштабы субъективно воспринимаемой бедности в несколько раз больше ее статистических показателей.

В субъективном измерении собственно бедными можно считать представителей двух имущественных страт – «нищих» и «бедных», исходя из их самооценки своего уровня потребления, испытывающих существенные материальные трудности [1]. По результатам регионального опроса 2012 г., в Курской области доля «субъективно бедных» составляет 30,3% населения (см. табл. 2). Как показывают данные таблицы 4, социальный портрет бедного населения определяется численным преобладанием женщин (60,7% от всей численности этой категории), пожилых людей в возрасте старше 55 лет (41,2%) и специалистов со средним профессиональным образованием

(38,6%). Среди этого имущественного слоя значимыми являются доли лиц с высшим профессиональным образованием (24,1%) и средним общим образованием (18,8%). К бедному населению относят себя как горожане (59,7%), так и жители сельской местности (40,3%).

Таблица 4. Социально-демографические характеристики «субъективно бедных» в сравнении со всем массивом опрошенных (в % от числа опрошенных)

	«Бедные»		Весь массив	
	Курская область	Россия	Курская область	Россия
	2012	2010	2012	2010
<i>Пол</i>				
Мужской	39,3	37,8	44,8	40,3
Женский	60,7	62,2	55,2	59,7
<i>Возраст (число лет)</i>				
18-24	7,9	8,2	10,8	13,6
25-34	14,2	15,1	18,4	18,8
35-44	14,9	16,4	17,9	16,9
45-54	21,8	20,3	20,1	18,9
55 и старше	41,3	40,0	32,8	31,8
<i>Образование</i>				
Без образования, начальное образование	4,0	12,1	2,7	8,8
Незаконченное среднее	4,6	5,2	3,0	4,3
Среднее общее	18,8	18,4	17,0	14,2
Начальное профессиональное	5,3	9,3	5,1	7,8
Среднее специальное (профессиональное)	38,6	34,5	34,1	35,6
Незаконченное высшее	3,3	3,8	5,1	5,2
Высшее	22,8	16,4	30,8	23,4
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	1,3	0,3	1,6	0,9
Отказ от ответа	1,3	-	0,6	-
<i>Тип поселения</i>				
Город	59,7	62,2	64,9	72,7
Село	40,3	37,8	35,1	27,3
<i>Источник:</i> результаты опросов населения Курской области (2012 г.) и Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН (2010 г.).				

Данный портрет повторяет основные социально-демографические характеристики бедных, выявленные в общероссийском опросе, за исключением более объемной доли профессионалов с высшим образованием, поскольку в масштабах России в целом доля лиц с высшим профессиональным образованием (включая лиц с послевузовским образованием) среди бедных значительно ниже (16,7%).

Как видно из результатов регионального мониторинга (см. табл. 2), в последние годы в субъективном профиле имущественной стратификации населения Курской области наблюдается позитивная динамика: увеличивается численность средних страт за счет сокращения низших слоев. Одной из причин таких изменений можно считать повышение реальных доходов большинства населения до уровня, который позволяет удовлетворять значительную часть потребительских запросов.

В связи с этим необходимо обратить внимание на численность и особенности среднего класса, выделенного на основании трех критериев: самоидентификации со средним слоем общества, материального положения на уровне «обеспеченных» и «зажиточных», уровня образования не ниже среднего специального (профессионального) [6, с. 55-58]. В Курской области численность среднего класса при оценке указанных критериев при самоидентификации со средним слоем в масштабах населенного пункта составляет 28,2% населения, в масштабах региона – 21,4%, в масштабах страны – 14,5%. Если оценивать численность среднего класса по самоидентификации со средним слоем и в своем регионе, и России в целом, то она составляет 12,5% населения региона. Тем самым по мере расширения территориальных границ своего положения в социальной иерархии значительно уменьшается доля тех, кто идентифицирует себя со средним слоем и обладает при этом соответствующим уровнем материального достатка и образования. При многомерной оценке среднего класса его численность оказывается меньше, чем при оценке на основании только материального критерия, что подчеркивает специфику статуса и функций этого слоя. В сравнении с результатами 2009 г. среди курян возросла только численность среднего класса в рамках своего поселения, в остальных масштабах этот показатель существенно не изменился (23,0%, 21,6% и 17,8% соответственно). Можно сказать, что в регионе средний класс находится в стадии формирования.

Таблица 5. Социально-демографические характеристики среднего класса в сравнении со всем массивом опрошенных*
(в % от числа опрошенных)

	Средний класс		Весь массив	
	Курская область	Россия	Курская область	Россия
	2012	2010	2012	2010
<i>Пол</i>				
Мужской	48,8	39,7	44,8	40,3
Женский	51,2	60,3	55,2	59,7
<i>Возраст (число лет)</i>				
18-24	8,0	14,0	10,8	13,6
25-34	31,2	30,1	18,4	18,8
35-44	24,8	21,3	17,9	16,9
45-54	16,0	18,4	20,1	18,9
55 и старше	20,0	16,2	32,8	31,8
<i>Образование</i>				
Среднее специальное (профессиональное)	41,6	49,6	34,1	35,6
Незаконченное высшее	7,2	5,9	5,1	5,2
Высшее + послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	51,2	44,5	32,4	24,3
<i>Тип поселения</i>				
Город	69,6	84,6	64,9	72,7
Село	30,4	15,4	35,1	27,3
* Для Курской области представлены характеристики среднего класса, который имеет самоидентификацию со средним слоем в своем регионе и стране в целом.				

По сравнению с общероссийскими характеристиками среднего класса его социальный портрет в регионе отличается только большей долей лиц с высшим профессиональным образованием и сельского населения (табл. 5), последнее объясняется существующей структурой населения по типу поселения, обусловленной агропромышленной специализацией экономики региона. Показательно, что основную часть среднего класса составляют «молодые взрослые» (25–34 года) и представители среднего возраста (35–54 года), гендерных различий нет. Также наблюдается численное преобладание городского населения среди данной социальной категории.

Таким образом, для регионов Центрального Черноземья характерен контрастный профиль социальной стратификации, который проявляется в значимой дифференциации денежных доходов между группами населения и концентрации основной массы доходов в высокодоходной группе населения. Как показывает пример Курской области, в измерении социальной

стратификации на основе результатов опроса самыми массовыми также являются средние и низшие страты, масштабы субъективно воспринимаемой бедности в несколько раз больше ее статистических показателей, а средний класс находится на стадии формирования. При этом социальный портрет бедного населения определяется численным преобладанием женщин, пожилых людей в возрасте старше 55 лет, специалистов со средним профессиональным образованием; среднего класса – «молодых взрослых» (25–34 года) и представителей среднего возраста (35–54 года), лиц с высшим образованием и городского населения.

Литература

1. Беляева, Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 29-41.
2. Беляева, Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации / Л.А. Беляева // Философские науки. – 2014. – № 11. – С. 32-45
3. Пасовец, Ю.М. Имущественная стратификация населения России и ее регионов / Ю.М. Пасовец // Регионоведение. – 2011. – Т. 77. – № 4. – С. 202-210.
4. Пасовец, Ю.М. Теоретико-методологические основания рассмотрения мезорегиона как объекта социологического анализа / Ю.М. Пасовец // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2015. – № 7 (167). – Вып. 21. – С. 39-43.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Институт философии РАН. – М.: Academia, 2013. – 416 с.
6. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. – М.: Academia, 2009. – 808 с.

Бойко Е.Н.

Бойко Елена Николаевна (Украина, Киев) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник отдела инновационной политики, экономики и организации высоких технологий, ГУ «Институт экономики и прогнозирования Национальной академии наук Украины» (Украина, г. Киев-108, пер. Квитневый, 12, кв. 103, helenab@online.ua)

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КЛАСТЕРОВ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ¹

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы создания и развития кластера как одной из специальных форм организации инновационной деятельности в зеркале социологических измерений. Обобщены существующие определения понятия «кластер». Выделены характерные особенности развития кластеров в мире, риски развития кластеров и пути решения проблемы.

Ключевые слова: инновационная деятельность, кластерная политика, кластер, формат тройной спирали, бизнес, бюджет.

Постановка проблемы. Наиболее эффективным инструментом повышения конкурентоспособности регионов в зеркале социологических измерений является кластерная политика, возникшая в европейских государствах возникла в конце XX века. В странах ЕС утверждены «Манифест кластеризации в странах ЕС» (2006 г.) и «Европейский кластерный меморандум» (2008 г.). Согласно утверждению Европейского совета по конкуренции (2006 г.), кластеры являются важной составляющей среди 9 ключевых приоритетных направлений развития, поскольку основная цель их деятельности – усиление роли инноваций. Значительное количе-

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР «Развитие инновационной системы Украины в европейском научно-технологическом пространстве», государственный регистрационный №0115U001424.

ство кластеров функционирует в странах ЕС: в Италии – 206 ед., Великобритании – 168, Франции – 96, Дании – 34, Германии – 32, Нидерландах – 20, в Финляндии – 9 ед. [6; 8].

Анализ последних исследований и публикаций. Методологические основы кластерного анализа заложены выдающимися учеными Портером М., Кетелсом К., Линдквистом Г. Вопросами создания и развития кластеров, управления конкурентоспособностью на различных уровнях занимались зарубежные и отечественные экономисты, такие как Бандман М., Брайден Р., Варениченко Е., Волкова С., Воронова А., Градова А., Даннинг Дж., Захарченко В., Колосовский Н., Макконел К., Медведенко А., Меркулов М., Миронова М., Рожков Г., Розенфельд С., Соколенко С., Убель С., Фатхундинова Р., Хмара М., Цихан Т.В., Цукерман В., Энрайт М., Ягольницер М. и др.

Цель статьи: исследование вопроса создания и функционирования кластера как одной из форм организации инновационной деятельности региона в зеркале социологических измерений.

Изложение основного материала. Под «кластерной политикой» следует понимать «систему государственных и общественных мер и механизмов поддержки кластеров и кластерных инициатив, обеспечивающих повышение конкурентоспособности регионов, предприятий, входящих в кластер, развитие институтов, стимулирующих формирование кластеров, а также обеспечивающих внедрение инноваций» [5]. Основными принципами являются [15]: целесообразность, иерархичность, комплексность, дифференцированный подход, согласованность и взаимная увязка, координация, системность, стимулирование, поддержка.

Согласно существующему мировому опыту выделяют несколько моделей государственной кластерной политики, особый интерес среди них представляет классификация О.М. Трофимовой (табл. 1).

Таблица 1. Модели государственной кластерной политики
(мировой опыт)

Название модели государственной кластерной политики	Характеристика модели государственной кластерной политики	Страна-представитель
Западноевропейская	<p>Ключевая роль принадлежит университетам и исследовательским институтам, а также формирование инновационной инфраструктуры.</p> <p>В Италии на промышленные кластеры приходится 43% численности занятых в отрасли, более 30% объема национального экспорта.</p>	<p>Великобритания (формирование кластеров происходит на базе традиционных отраслей промышленности – производство тканей, одежды и мебели), Италия (кластеры формируются на территориях концентрации малых предприятий развития традиционных отраслей обрабатывающей промышленности, отличающихся высоким уровнем специализации при одновременной экспансии в смежные отрасли и регионы), Франция, Швейцария</p>
Индийская	<p>Финансирование кластеров происходит за счет зарубежных инвестиций. С целью повышения экспортных возможностей кластера правительство отбирает наиболее приоритетные (производство тканей и трикотажа, а также пищевая, станкостроительная, фармацевтическая отрасли, программное обеспечение).</p> <p>Индийские кластеры поставляют свыше 60% экспортной продукции страны.</p> <p>Следует отметить, что в 14 крупных городах сосредоточено 80 действующих кластеров, объединяющих 22559 малых промышленных предприятий.</p>	Индия
Китайская	<p>В основе формирования кластеров лежит инициатива правительства и регионов путем создания особых зон развития высокотехнологичных отраслей, среди которых автомобилестроение, электротехника, производство мобильных телефонов. Финансирование кластеров осуществляется посредством</p>	Китай

	правительственных грантов и венчурных фондов. Кластеры концентрируются вокруг иностранных заводов с перспективой развития собственных производственных мощностей.	
Североамериканская	Правительство реализует функцию стимулирования кластерной политики региональных органов власти посредством грантов и создания агентств по развитию кластеров. В США более 60% промышленной продукции производится экономическими кластерами, деятельность которых основана на принципах партнерства и ориентирована на коммерциализацию ННТР, инновационную деятельность.	Канада (биотехнологический, кластер высоких технологий и др.), США (компьютерный, автомобильный, кластер индустрии развлечения и др.)
Скандинавская	Инициатором создания кластеров является правительство, так же как и развития исследовательской и технологической кооперации, адресного инвестирования средств в наиболее перспективные кластеры, интеграции кластеров. Лесопромышленные кластеры обеспечивают 10% мирового экспорта продуктов лесопереработки.	Финляндия (кластеры формируются на базе крупных транснациональных компаний в лесной, информационной и телекоммуникационной отраслях)
Японская	Кластеры сформировались на базе транснациональной корпорации, практикующей долгосрочные субконтрактные и субподрядные отношения с группой малых предприятий. Правительство и регионы проводят политику, направленную на поддержку кластеров и развитие инновационной инфраструктуры.	Япония (кластеры в сфере информационных технологий, биотехнологий, электротехники и автомобилестроения)
<i>Составлено автором на основании: [4; 8; 10-13].</i>		

Кластерная политика подразумевает экономический рост, который зависит от взаимодействия бизнеса, научных и образовательных институтов, власти, промышленности, а также социологического развития. Нами проведено исследование широкого диапазона форм, видов кластерных образований, проблем и перспектив их развития, основываясь на международном опыте. Подробнее остановимся на существующих определениях понятия «кластер». Некоторые из них приведены в *таблице 2*.

Таблица 2. Варианты определения понятия «кластер»

Понятие «кластер»	Автор, название источника
Группа однородных взаимосвязанных экономических объектов (корпораций, отраслей или предприятий)	Рожков Г.В. Генезис инновационной экономики в России / под ред. С.Г. Ерошенкова. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 888 с.
Сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций	Porter M.E. Clusters and Competition. / Porter M.E. // On Competition. Cambridge: Harvard Business Review. – 1988. – Nov. Dec. – Vol. 76. – No.6. – P. 77
Сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных между собой компаний в соответствующих отраслях, специализированных поставщиков, а также причастных к их деятельности организаций (университеты, торговые объединения, агентства по стандартизации), конкурируя между собой, одновременно проводят совместную работу	Маршалл А. Принципы экономической науки: в 3 т. – М.: Прогресс Фирма "Универс", 1993. – Т. 1. – 350 с.
Хозяйственный блок, включающий фирмы и организации, связанные выпуском конечной продукции и географическим положением	Афанасьев М., Мясникова Л. Мировая конкуренция и кластеризация экономики // Вопросы экономики. – 2005. – № 4. – С. 27-35.
Территориально-отраслевое добровольное объединение предпринимательских структур, тесно сотрудничают с научными учреждениями и органами местной власти с целью повышения конкурентоспособности собственной продукции и экономического роста региона	Войнаренко М.П. Концепція «кластерів» як альтернатива командно-адміністративній системі управління / М.П. Войнаренко, Л.П. Радецька. Філінюк В.Р. Проблеми реформування економіки України. – Київ : Логос, 1999. – С.74-75. Войнаренко М.П. Концепція кластерів – шлях до відродження виробництва на регіональному рівні // Економіст. – 2000. – № 1. – С. 29-33.
<i>Составлено автором на основании: [1-2; 9; 12; 14; 16].</i>	

Следует отметить, что многие авторы выделяют характерные особенности развития кластеров (табл. 3).

Таблица 3. Характерные особенности международного развития кластеров

<i>Особенности развития кластеров по</i>	
<i>Рожкову Г.В.</i>	<i>Кулаковой Л.И.</i>
<ul style="list-style-type: none"> – Конкурентные позиции на международных/региональных рынках, высокий экспортный потенциал участника кластера; – конкурентные преимущества для развития кластера (выгодное географическое положение; доступ к ресурсам: сырьевым, трудовым, финансовым и пр.; наличие развитой инфраструктуры, прочее); – широкий набор участников, достаточный для возникновения позитивных эффектов кластерного взаимодействия; – эффективное взаимодействие между участниками кластера, в том числе за счет использования механизмов субконтрактации, партнерства предприятий с образовательными и исследовательскими организациями, прочее. 	<ul style="list-style-type: none"> – Наличие конкурентных предприятий; – наличие в регионе конкурентных преимуществ для развития кластера; – лидерство частного сектора; – широкое вовлечение участников кластеров и взаимодействующих институтов; – географическая концентрация и близость; – ориентация продукции кластера на экспорт; – широкий набор участников и наличие «критической массы»; – наличие взаимосвязей и взаимодействия между участниками кластеров; – наличие конкуренции внутри кластера; – инновационная направленность кластера; – гибкость состава и структуры; – открытость кластера как системы.
<p><i>Составлено автором на основании: [7; 12].</i></p>	

Согласно типологии кластеров выделяют кластеры, возникшие в результате эволюции процесса их образования [12]:

- «неактивные» или «недовыполняющие» (кластеры представляют собой образования, возможности которых использованы частично);
- «потенциальные» (обладают некоторыми ключевыми характеристиками, испытывают недостаток производственных ресурсов, нехватку «критической массы»);
- «работающие», или «перевыполняющие» (самодостаточные кластеры, выпускающие больше, чем сумма продукции всех компонентов этих кластеров, работающих по отдельности).

В своих трудах М. Гакашев выделяет особенности разделения кластеров, в основу которого заложены особенности технологических параметров [3]:

- индустриальные (занимаются производством традиционных товаров);

– инновационные, или интеллектуальные (имеют значительную часть инновационной продукции кластера, а также сформированную инновационную инфраструктуру).

Участниками кластера являются [12]: предприятия (организации, фирмы), специализирующиеся на профильных видах деятельности; фирмы-поставщики товаров/услуг для профильных предприятий; предприятия (организации, фирмы), занимающиеся обслуживанием отраслей общего пользования (инфраструктура: транспортная, энергетическая, природоохранная и др.); организации рыночной инфраструктуры (консалтинговые, аудиторские, страховые, кредитные и прочее); некоммерческие и общественные организации, объединения предпринимателей, торгово-промышленные палаты; научно-исследовательские и образовательные организации; организации инновационной инфраструктуры, инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства (индустриальные парки, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, центр энергосбережения, центры поддержки субподряда – субконтрактации); центры и агентства по развитию предпринимательства, регионального и муниципального развития, привлечения инвестиций, агентство по поддержке экспорта товаров, государственные и муниципальные фонды поддержки предпринимательства, фонды содействия кредитованию и др.

Создание кластера происходит по одному из нескольких существующих путей [3]: «снизу вверх» (выстраивание отдельных проектов и программ, интегрирующих потенциальных участников кластера); «сверху вниз» (создание органов совещательной координации и мониторинга, стратегии развития кластера); смешанный (сочетание особенностей двух путей: «снизу вверх» и «сверху вниз»).

Важной составляющей является механизм финансирования развития кластера, который происходит на основе бюджетных ресурсов или же ресурсов инвестора. Финансирование создания инфраструктуры кластера и его отдельных проектов осуществляется на основе применения смешанного

типа финансирования (взносы предприятий-участников кластера (проектов), а также бюджетного финансирования, при отсутствии или же с минимальной долей бюджетных ресурсов).

Несмотря на преимущества создания и развития кластеров, существуют риски (выбора ошибочных приоритетов финансирования мероприятий кластерной политики за счет бюджетных средств; недостаточного уровня координации деятельности в процессе реализации кластерных программ/проектов; незаинтересованности исполнительной власти субъектов государства и местного самоуправления в реализации кластерных программ/проектов; низкого уровня эффективности мониторинга в процессе реализации кластерной политики) участников кластерных программ/проектов. Поэтому важным моментом мы считаем разработку кластерной политики и механизмов ее реализации с целью снижения влияния рисков и социального развития региона.

Несмотря на существующие риски, создание кластеров является новым этапом в применении организационно-экономических механизмов стимулирования инвестиционной деятельности в Украине. Поэтому определение основных направлений и задач государственной политики стимулирования развития кластеров в рамках формирования ассоциативных отношений между Украиной и ЕС должно базироваться на учете ряда факторов и предпосылок, а именно:

- подписание Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, которое открывает возможности получения донорской финансовой поддержки, привлечения кредитных средств от международных финансовых организаций на программных принципах;

- в обеспечении развития кластеров увеличиваются влияние и ответственность местных органов власти, особенно в условиях децентрализации;

– реализация эффективной кластерной политики, возможной только в контексте комплекса мер по существенному улучшению инвестиционного климата;

– разработка моделей использования механизма государственно-частного партнерства с целью привлечения негосударственных инвестиционных ресурсов для развития кластеров, прежде всего по управляющей организации, обустройство инфраструктуры;

– законодательное определение механизма создания трансграничных кластеров, которые могут стать действенным механизмом ускорения евроинтеграционных процессов, в частности на уровне правительств стран-участниц двусторонние соглашения о создании трансграничных кластеров, согласование стратегий и планов развития национальных частей трансграничных кластеров. Опыт функционирования таких структур в отдельных приграничных регионах ЕС свидетельствует об их положительном влиянии на социально-экономическое развитие и международное сотрудничество стран-участниц, стимулирование деловой активности, приток инвестиций и решение проблем занятости на приграничных территориях.

Выводы. На основании проведенного нами исследования мы можем сделать следующие выводы: проведение кластерной политики базируется на организации взаимодействия между органами государственной власти и местного самоуправления, бизнесом, наукой, образованием, производством; существует разнообразие форм и методов обеспечения кластерной политики, отличающихся национальными особенностями, концепцией кластерного подхода; применение кластерного подхода можно рассматривать в качестве закономерного этапа развития экономики страны; кластеры как специальная форма инновационной деятельности, а инновации – важный фактор повышения конкурентоспособности, в каждой стране существуют особенности кластерного развития; спецификой кластера является получение синергетического эффекта, который выражается в повышении

конкурентоспособности, а его отличительной чертой является инновационная ориентированность; вопросы финансирования создания и развития кластеров сконцентрированы на бюджетных ресурсах или же ресурсах инвестора; кластерные политики, программы и проекты в каждой стране индивидуальны в процессе кластеризации; кластеры стимулируют развитие малого и среднего бизнеса; в рамках существующего законодательства необходимо строить отношения в формате тройной спирали: наука – исполнительная власть – бизнес.

Литература

1. Афанасьев, М. Мировая конкуренция и кластеризация экономики / М. Афанасьев, Л. Мясникова // Вопросы экономики. – 2005. – № 4. – С. 27-35.
2. Войнаренко, М.П. Концепція кластерів – шлях до відродження виробництва на регіональному рівні / М.П. Войнаренко // Економіст. – 2000. – № 1. – С. 29-33.
3. Гакашев, М. Формирование инновационных кластеров: анализ мирового опыта / М. Гакашев // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. – 2013. – № 9. – С. 59-67.
4. Городничая, Е.И. Зарубежный опыт государственного стимулирования формирования кластеров / Е.И. Городничая // Вестник московского университета. Серия 6. Экономика. – 2010. – № 1. – С. 19-20.
5. Кластерная политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/%>
6. Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=31497583
7. Кулакова, Л.И. Кластерный подход – основа развития регионов / Л.И. Кулакова // Российское предпринимательство. – 2013. – № 22 (244). – С. 121-130.

8. Ленчук, Е.Б. Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран [Электронный ресурс] / Е.Б. Ленчук, Г.А. Власкин. – Режим доступа: [http:// www. twirpx.com/file/814349/](http://www.twirpx.com/file/814349/)
9. Маршалл, А. Принципы экономической науки: в 3 т. / А. Маршалл. – М.: Прогресс Фирма «Универс», 1993. – Т. 1. – 350 с.
10. Несмачных, О.В. Кластерная политика в стратегии инновационного развития России и зарубежных стран / О.В. Несмачных // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9. – С. 162-165.
11. Помитов, С.А. Опыт создания кластерных структур [Электронный ресурс] / С.А. Помитов. – Режим доступа: [http:// www. ekportal.ru/page-id-1910. html](http://www.ekportal.ru/page-id-1910.html).
12. Рожков, Г.В. Генезис инновационной экономики в России / Г.В. Рожков; под ред. С.Г. Ерошенкова. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 888 с.
13. Трофимова, О.М. Анализ отечественного и зарубежного опыта кластерообразования в регионе / О.М. Трофимова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 12 (73). – С. 142-145.
14. Філінюк, В.Р. Проблеми реформування економіки України / В.Р. Філінюк. – Київ: Логос, 1999. – С.74-75.
15. Чумакова, С.В. Методологические основы разработки и реализации кластерной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс] / С.В. Чумакова, Е.А. Черников. – Режим доступа: [http:// www. otherreferats.allbest.ru/law/00149504_0.html](http://www.otherreferats.allbest.ru/law/00149504_0.html)
16. Porter, M.E. Clusters and Competition. / M.E. Porter // On Competition. Cambridge: Harvard Business Review. – 1988. – Nov. Dec. – Vol. 76. – No.6. – P. 77.

Ковшова Е.С.

Ковшова Елена Сергеевна (Россия, Саров) – аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегородская область, Нижний Новгород, пр. Ленина, 27, decan@fsn.unn.ru)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО И МОРАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Аннотация. Рассматривается проблема социального неравенства в современном обществе, его связь с нравственной стороной личности. Выдвигается предположение о зависимости морального сознания человека от социального неравенства, характеризуемого децильным коэффициентом (коэффициентом фондов), в регионе проживания. Описана методика проверки этого предположения. Предложен способ количественного описания и наглядного представления морального сознания индивида и социальной группы.

Ключевые слова: социальное неравенство, децильный коэффициент, моральное сознание, коммюнитаризм, прагматизм, гедонизм.

Проблема социальной справедливости и социального неравенства особенно остро стоит в России, так как она признана страной с высоким уровнем социального неравенства. Одним из предельных проявлений социального неравенства выступает крайняя поляризация бедности и богатства.

Уже в XIX веке М. Вебер выделил богатство как один из критериев социального неравенства и установил, что по разнице в доходах можно определить степень социального неравенства. Мерой неравенства является десятичный (децильный) коэффициент (коэффициент дифференциации доходов населения), называемый коэффициентом фондов. Он показывает, во сколько раз 10% самых богатых семей по уровню дохода превосходят 10%

самых бедных семей. По данным Федеральной службы государственной статистики, в Советском Союзе (в 1968 году) он составлял 2,7 раз, а в России в 2012 году достиг 16,4 [5].

Наиболее заметна проблема социального неравенства в больших городах и мегаполисах. В маленьких городах и селах она сглаживается низким уровнем дохода и потребления. В связи с этим можно ожидать корреляции: чем выше степень урбанизации того или иного региона России, тем больше социальное неравенство в этом регионе.

Эта зависимость подтверждается графиком (рис. 1). Каждая точка соответствует одному из регионов (использованы данные Федеральной службы государственной статистики [5]). Линия регрессии ярко показывает положительную корреляцию между степенью урбанизации и децильным коэффициентом. Коэффициент линейной корреляции Пирсона равен 0,446, что является значимой корреляцией.

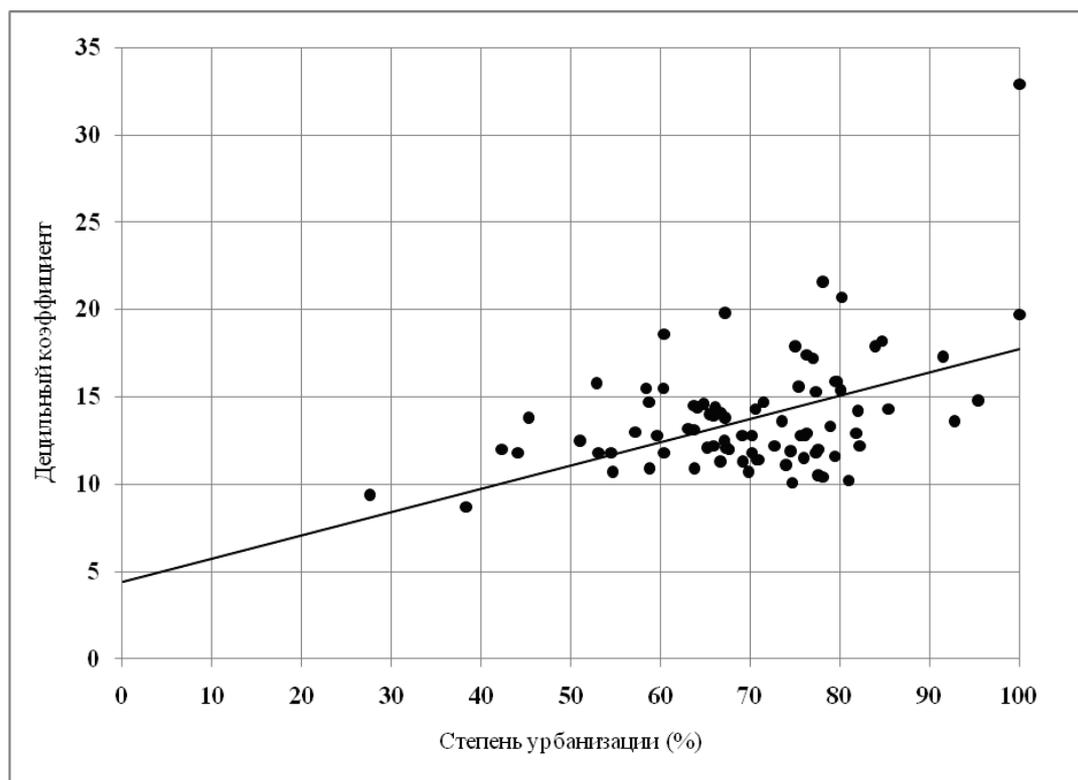

Рис. 1. График корреляции урбанизации и децильного коэффициента

Социальное неравенство влияет на все сферы, в том числе на сферу нравственности. Моральное сознание человека полностью отражает его нравственные идеалы, цели и стремления. В исследованиях С.П. Парамоновой выделены 4 типа морального сознания: коммюнитарист, прагматик, переходный тип и гедонист [4, с. 62]. Они характеризуются тем, что данный индивид (или группа) считает высшим благом, основным нравственным принципом (девизом, ценностью), к каким целям он стремится. Для коммюнитариста это – благо общества, оно для него выше личной пользы. Гедонист – тип личности, стремящийся к удовольствию, счастью, удовлетворению своих духовных и телесных потребностей. Прагматик действует исходя из своих личных интересов, из стремления к собственной пользе, выгоде. Существует также переходный тип морального сознания – занимающий промежуточное положение между двумя (коммюнитарист-прагматик, коммюнитарист-гедонист, прагматик-гедонист) или всеми тремя из перечисленных чистых типов, совмещающий их черты. С.П. Парамонова доказала, что моральное сознание людей зависит от их положения в социальной структуре общества. Коммюнитарность выражена в большей степени среди рабочих, служащих, выпускников средних технических учебных заведений, работников промышленных предприятий, шахт, составляющих бедные слои населения. Напротив, среди управленцев разного уровня – больше прагматиков.

Однако, по нашему предположению, на моральное сознание человека влияет не только его личный уровень дохода и род занятий, но и само наличие социального неравенства. Механизм влияния может быть, например, таким: в городах с большим социальным неравенством бедные слои населения сильнее стремятся улучшить свое материальное положение, сократить разрыв между собой и богатой частью общества. Иногда это происходит на уровне латентной мотивации. В больших городах условия жизни вынуждают людей смотреть на мир более рационально, с прагматической точки зрения, иначе – не выжить. Напротив, в «глубинке»

России, в маленьких городах с предполагаемым меньшим социальным неравенством, прагматиков, вероятно, меньше, а коммунотаристов больше. Здесь соблюдаются традиции социальной справедливости, альтруизма, взаимопонимания, совести, отзывчивости. Нравственная основа общества в какой-то степени еще сохраняется.

Выдвинем гипотезу: чем больше децильный коэффициент, тем больше нарастает прагматизм в каждом слое. Гипотезу можно проверить с помощью социологического исследования соответствующих социальных групп в мегаполисах, средних, маленьких городах, выяснив методами математической статистики корреляцию между децильным коэффициентом для данного города и соотношением доли групп, выделенных по типу морального сознания в нем.

Представим план эмпирического исследования, с помощью которого можно подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Объектом исследования являются социальные группы, различающиеся по уровню доходов, полу и возрасту, а предметом исследования – моральное сознание людей этих социальных групп. Самым подходящим методом для данного социологического исследования является анкетирование.

Для достижения наилучших результатов исследование можно провести на основе так называемого факторного эксперимента [1, с. 115]. При этом выборка респондентов не случайна, а подобрана таким образом, чтобы выявить влияние интересующих нас факторов. В нашем случае факторами будут: децильный коэффициент в регионе, уровень доходов, а также пол и возраст (чтобы их возможное влияние на моральное сознание не исказило исследуемой закономерности). Факторы «децильный коэффициент» и «уровень доходов» принимают 3 значения (низкий, средний, высокий), «пол» – 2 значения, «возраст» – 3 значения (18-30, 30-50, 50-70 лет). Всего получается $3 \cdot 3 \cdot 2 \cdot 3 = 54$ комбинации факторов. Для апробации методики при каждой комбинации достаточно опросить 1-2 человек; затем обработка полученных результатов методами математической статистики позволяет достичь более высокой точности при такой небольшой выборке.

Основная часть анкеты будет направлена на определение типа морального сознания респондента. Ответы на вопросы ранжируются по пятибалльной системе, от 0 до 4 баллов. Участник опроса должен для каждого вопроса выбрать один из вариантов ответа, которому соответствует определенное количество баллов:

- 4 – В полной мере (всегда);
- 3 – Часто, но не во всех ситуациях;
- 2 – От случая к случаю;
- 1 – Очень редко;
- 0 – Никогда.

Таблица 1. Моральное сознание (анкета)

№ вопроса	Вопрос	Оценка (балл)
	Согласны ли Вы со следующими утверждениями, насколько часто Вы следуете им в своей жизни?	
1	«Один за всех и все за одного»	0 1 2 3 4
	«Служить общему делу»	0 1 2 3 4
2	«Цель оправдывает средства»	0 1 2 3 4
	«Каждый за себя, один бог за всех»	0 1 2 3 4
3	«Бери от жизни все»	0 1 2 3 4
	«После нас хоть потоп»	0 1 2 3 4
4	«Всех денег не заработаешь»	0 1 2 3 4
	«Скупой беднее нищего»	0 1 2 3 4
5	«Нельзя жить одним днем»	0 1 2 3 4
	«Надо думать о будущем»	0 1 2 3 4
6	«Пожить в свое удовольствие»	0 1 2 3 4
	«Работа не волк, в лес не убежит»	0 1 2 3 4

Каждое из предлагаемых утверждений можно соотнести с теми или иными видами морального сознания.

Суждению «Один за всех и все за одного», «Служить общему делу» (вопрос № 1) будут следовать коммюнитаристы, люди с коллективным сознанием, для которых общественные ценности стоят выше индивидуальных.

Девиз «Цель оправдывает средства» (вопрос № 2) является смыслом жизни прагматика, который ради достижения своих собственных целей, получения выгоды пойдет на все.

«Брать от жизни все» (вопрос № 3) стремится и прагматик, и гедонист. Прагматик в этом крылатом выражении услышит призыв получить от жизни

столько материальной, денежной, индивидуальной выгоды, сколько возможно. Гедонист же поймет его как стремление получить все возможные удовольствия.

Пословица «Всех денег не заработаешь» (вопрос № 4) близка и коммюотаристу, и гедонисту. Коммюотарист сдержанно относится к материальной выгоде, не считает ее целью жизни. Например, при выборе между работой за большие деньги, съедающей все свободное время, и заботой о здоровье собственных родителей, требующей много сил в течение всего дня, для коммюотариста, конечно, приоритетом будет здоровье близких. «Ведь всех денег все равно не заработаешь», – скажет он. Для гедониста это же утверждение означает приоритет удовольствия, например удовольствия от творческой работы, саморазвития, самореализации (это тоже является одной из сторон гедонизма). Для него работа, соответствующая его желаниям, настроению, будет важнее денег. Поговорка «Скупой беднее нищего» также близка и коммюотаристу, и гедонисту. Коммюотарист совершенно спокойно даст деньги в долг даже постороннему человеку, сделает хороший подарок своему другу. Гедонист же расценит эту поговорку как стремление потратить деньги на себя, собственные желания и потребности.

Пословицы «Нельзя жить одним днем» и «Надо думать о будущем» (вопрос № 5) свойственны жизни и коммюотариста, и прагматика. Коммюотарист услышит в них призыв заботиться о будущем своей страны. Для прагматика оба этих утверждения означают совет думать о собственном будущем, своей выгоде, материальной обеспеченности.

Утверждение «Пожить в свое удовольствие» (вопрос № 6) характерно для жизни гедониста. Для него не имеет значения, что произойдет после его развлечений. При этом он следует и выражению «Где бы ни работать, лишь бы не работать», так как работа только мешает ему получать удовольствие от жизни, отнимает у него время, которое он мог бы использовать на развлечения.

Проиллюстрируем данные рассуждения с помощью схемы (так называемого «графа»), показанной на *рисунке 2* [3, с. 54].

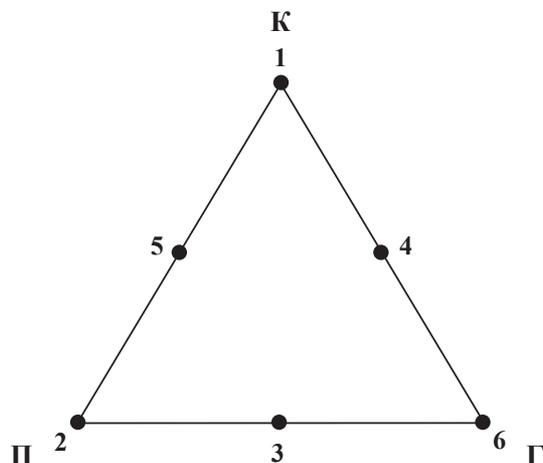

Рис. 2. Граф соотнесения пословиц с типами морального сознания

Опросив всю выборку, мы сможем для каждого испытуемого вычислить тип морального сознания с помощью следующих формул:

$$K = \frac{1}{3} + \frac{1}{18} \left(2B_1 + \frac{1}{2}B_4 + \frac{1}{2}B_5 - B_2 - B_3 - B_6 \right)$$

$$П = \frac{1}{3} + \frac{1}{18} \left(2B_2 + \frac{1}{2}B_5 + \frac{1}{2}B_3 - B_1 - B_4 - B_6 \right)$$

$$Г = \frac{1}{3} + \frac{1}{18} \left(2B_6 + \frac{1}{2}B_4 + \frac{1}{2}B_3 - B_1 - B_5 - B_2 \right)$$

Здесь К, П и Г – степень коммюнитарности, прагматики и гедоники в сознании респондента (измеряемые от 0 до 100%), B_1, B_2, \dots, B_6 – ответы (в баллах) на вопросы анкеты.

Смысл этих формул поясним на примере коммюнитаризма. Утверждение 1 характерно для коммюнитариста, поэтому его оценка B_1 учитывается с самым высоким коэффициентом 2. Утверждения 2, 3, 6, напротив, полностью лишены коммюнитарной составляющей; высокие оценки этих целей свидетельствуют об отсутствии у анкетированного

коммунотарности, поэтому они получили отрицательный коэффициент – 1. Пословицы 4 и 5 занимают промежуточное положение, они получили коэффициент $\frac{1}{2}$.

Заметим, что сумма всех коэффициентов в скобках равна нулю; поэтому, если анкетированный поставит всем утверждениям равные баллы, степень его коммунальности (а равно прагматики и гедоники) будет равна $\frac{1}{3}$ – у него не преобладает ни одно из качеств.

Наконец, если анкетированный ставит высшие баллы коммунальным целям 1, 5 и 4 и низшие – всем остальным, то его следует считать чистым коммунаристом ($K=100\%$). Отсюда выводится множитель $\frac{1}{18}$ перед скобками.

Формулы для двух других составляющих морального сознания объясняются аналогично.

Подсчитав долю каждого типа морального сознания в группе, мы вычислим коэффициент линейной корреляции Пирсона с децильным коэффициентом. Если корреляция между долей прагматиков и децильным коэффициентом будет положительной, значит, прагматизм в каждом слое общества нарастает в результате социального неравенства. Точно так же можно подсчитать и зависимость гедонизма и коммунаризма от степени социального неравенства.

Сумма всех трех составляющих морального сознания постоянна: $K+П+Г=100\%$. Благодаря этому можно изобразить моральное состояние каждого индивида точкой в треугольнике [2]. Совокупность точек для всех опрошенных образует своеобразное «облако», которое характеризует моральное сознание выборки. Близость этого «облака» к одной из вершин треугольника покажет, к какому типу морального сознания тяготеет группа. Из того, насколько плотно размещены точки, можно сделать вывод о близости морального сознания членов группы друг к другу.

Такое «облако» можно построить отдельно для каждого социального слоя и каждого значения децильного коэффициента. Расположив эти графики рядом, как показано на *рисунке 3*, мы сразу увидим зависимость морального сознания и от социального положения человека, и от социального неравенства.

На графике отражены девять комбинаций различных уровней дохода с различной степенью социального неравенства в обществе. Каждый треугольник показывает один из трех социальных слоев: низко-, средне- и высокообеспеченные люди. Согласно гипотезе, «облаком» точек показано моральное сознание этих людей. Этот график хорошо иллюстрирует нашу гипотезу: чем больше децильный коэффициент, тем выше прагматизм в каждом слое общества.

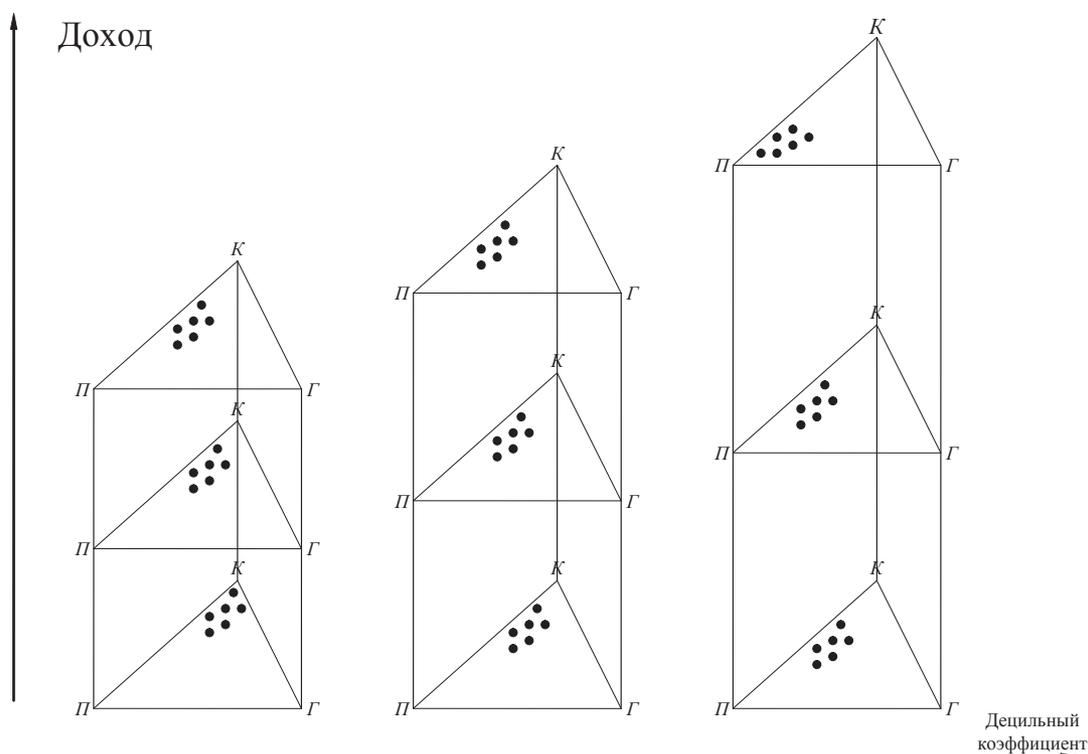

Рис. 3. График комбинаций различных уровней дохода с различной степенью социального неравенства в обществе

Анкетирование необходимо провести в городах с разным децильным коэффициентом для дальнейшего сравнения числа жителей с различным типом морального сознания в зависимости от степени социального неравенства с помощью методов математической статистики, в частности дисперсионного анализа [1, с. 155].

Литература

1. Джонсон, Н. Статистика и планирование эксперимента в технике и науке. Методы обработки данных / Н. Джонсон, Ф. Лион. – М.: Мир, 1980. – 616 с.
2. Ковшова, Е.С. Методика исследования личностной идентичности педагогов в аспекте морального сознания / Е.С. Ковшова // Вестник ПГГПУ. Гуманитарные и общественные науки. Исследование региональной идентичности в этническом, религиозном, политическом и культурном контекстах. – Пермь, 2013. – Серия 3. Вып. 2. – С. 135-146.
3. Оре, О. Теория графов / О.Оре. – М.: УРСС, 2008. – 352 с.
4. Парамонова, С.П. Динамика морального сознания (Введение в социологию морали) / С.П. Парамонова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Пермь: Изд-во Пермского гос. техн. ун-та, 2006. – Т. 1, ч. 1. – 341 с.
5. www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi

Скуденков В.А., Скуденков Е.В.

Скуденков Владимир Алексеевич – магистрант 1 курса, направление «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, 302, vskudenkov@mail.ru);

Скуденков Евгений Владимирович (Россия, Иркутск) – магистрант 1 курса, направление «Государственное и муниципальное управление», Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, каб. 302, jekas@gmail.com)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. В статье раскрываются особенности экономических притязаний государственных служащих и представителей бизнеса, показываются особенности и специфика данных групп и перспективы их развития.

Ключевые слова: экономические притязания, социальное измерение, бизнес, государственные служащие.

Проблема экономических притязаний разных социальных групп в настоящее время стоит очень остро в силу возрастания «общественной нагрузки на личности», общественного влияния, значимости «социальности» человека в разных формах её отражения, а также усложнения общей системы социальной стратификации. Выделяют несколько причин, благодаря которым проблема экономических притязаний разных социальных групп приобретает больший интерес: качество жизни становится важнее, чем показатели экономического процветания; личное счастье становится более важным из-за нарастающей тенденции к индивидуализму; разработан ряд методов измерения экономических притязаний, в связи с чем эта область смогла превратиться в серьезную и признанную научную дисциплину.

Экономические притязания разных социальных групп включают социально-нормативные ценностные установки, реализация которых предопределена совокупностью условий социализации как в субъективном, так и в объективном планах, равно как и реализации потребностей (в том числе связанных с психическим и соматическим здоровьем личности), также имеющих социальный контекст, глобальную оценку своего существования на основе соотнесения частных и обобщенных представлений о своей жизни и самореализации в ней с «эталонными представлениями», усвоенными в процессе социализации [1].

Нами были проанализированы особенности изучения уровня притязаний в психологической литературе. В исследованиях западных ученых, начиная от Рокича, заканчивая Фрай, Багли и т. д., они рассматривались как ценностные установки, формируемые в детстве и юности, находящие подтверждение или опровержение (и как результат — экономическое удовлетворение или недовольство) уже в зрелом возрасте. В России экономические притязания рассматривались ярославской (В.В. Новиков, А.К. Маренго) и иркутской (А.П. Вяткин, А.Д. Карнышев, Е.Л. Трофимова, Т.А. Терехова и др.) школами психологии. В России изучалась оценка бедности и богатства, ментальные предпосылки изучения денег, отношение к собственности и иным материальным ценностям. Иными словами, можно заключить, что данная проблема актуальна, но все еще недостаточно разработана.

Проанализировав различные источники, мы пришли к выводу, что уровень притязаний – это уровень трудностей целей, выбираемых субъектом. Экономические притязания в мировой практике изучаются через базовые установки по отношению к деньгам, их получению и использованию; повседневное экономическое поведение; психические расстройства, связанные с деньгами и психические особенности богатых людей; экономические детерминанты социальной и личной активности (И. Фурман, А. Вейсман, Р. Тмпер, Р. Янг, С. Московичи и др.). Но мы, опираясь на

работы наших соотечественников: В.В. Новикова, А.Д. Карнышева, А.П. Вяткина, О.С. Дейнека, Е.Л. Трофимовой, Т.А. Тереховой и др.), пришли к выводу, что экономические притязания — это желаемый уровень удовлетворения потребностей, детерминирующий поведение. На него влияет внешняя объективная ситуация, а также успехи и неудачи. Экономические притязания становятся условием формирования мотивов и стимулов деятельности индивида. На это влияет культура богатства и социального неравенства.

Мы составили программу и провели исследование экономических притязаний представителей разных социально-экономических групп на примере государственных служащих и представителей бизнеса. Экономические притязания в социально-экономической дифференциации, неравенства разных регионов и групп населения современной России не только отражают актуальные вопросы современного общества, но и непосредственно связаны с проблемами благосостояния каждого жителя.

Анализ экономических притязаний не будет полным без изучения ментальных репрезентаций (социальных представлений), описывающих и объясняющих субъективные ощущения экономической дифференциации различных категорий социальных субъектов (Емельянова, Хащенко).

Исследование проходило в Иркутской области. Респондентами выступали жители разных городов области: Иркутск, Ангарск, Шелехов, Усолье-Сибирское — в возрасте от 18 до 65 лет, занятые либо на государственной службе, либо в бизнесе. Всего в исследовании приняли участие 76 человек, из них 42 женщины и 34 мужчины.

Методы: фокус-групповое интервью, контент-анализ, семантический анализ; Ценностный опросник Ш. Шварца; методы обработки информации: факторный анализ, множественный регрессионный анализ (метод *stepwise*).

Государственные служащие экономические притязания в четыре раза чаще связывают с социальными или духовными притязаниями, при этом собственно экономические притязания окрашиваются в негативные тона. Для

представителей бизнеса экономические притязания конкретны и лаконичны (с указанием места, количества комнат, предметов, марок и класса машин и т. д.).

Среди представителей бизнеса значительная часть респондентов уже обладает тем, что они причисляют к экономическому благополучию. Среди государственных служащих таких единицы, большая их часть не считает, что когда-либо сможет обладать теми благами, которыми обладают богатые люди.

Среди государственных служащих 39% – с высоким уровнем притязаний и 61% – с низким, но при этом уверенность в их получении есть только у 7%. Это позволяет заключить, что большая часть государственных служащих будет или уже фрустрирована. Чем старше опрошенные нами представители данной группы, тем больше они это подтверждают.

Представители бизнеса в два раза чаще, чем представители государственной службы, говорили о том, что успех невозможен без богатства.

Для государственных служащих богатство – это то, что показывают по телевидению и в глянцевых журналах. Для этой группы богатство недостижимо. Благосостояние является основным содержанием, причем в контексте «благо» – «благое состояние», имеющем не экономическое, а духовное или нравственное содержание.

Для представителей бизнеса достаток – основное понятие. В него входит и материальный уровень, и качество жизни, и социальные и экономические ожидания.

Состоятельным в экономическом смысле человеком никто из респондентов обеих групп себя не назвал. При этом государственные служащие уверены, что никогда не будут состоятельными, а представители бизнеса — что это вопрос времени.

Профессиональная деятельность и уровень дохода определяют экономические притязания группы, отношение к желаемому количеству

дохода будет отличаться. Реальный уровень дохода на этот процесс влияет минимально у представителей бизнеса и никак не связан с ним у государственных служащих.

Решающее влияние на представления респондентов о том, с какого уровня доходов начинается богатство, оказывает их собственное материальное положение. Чем выше собственный доход, тем выше и планка «черты богатства».

Уровень экономических притязаний разных социально-экономических групп зависит от возраста респондента. Чем младше респондент, вне зависимости от группы, тем больше притязаний он имеет, чем старше – тем больше материальных притязаний уже имеет в личном пользовании, экономические притязания распространяются уже не на достижение, а на поддержание уже достигнутого экономического и социального статуса.

Представители бизнеса смотрят на деньги логически и рационально, выстраивают зависимость их количества от собственных усилий, государственные служащие воспринимают их через призму эмоций и выстраивают зависимость от внешних условий.

Для представителей бизнеса не имеет значения, как они получили или получают материальные блага, о которых мечтают. Государственные служащие более щепетильны в вопросах этики и не любые материальные блага готовы принять.

Собирательный образ идеальной жизни у государственных служащих может быть обозначен как *«безопасная, спокойная старость»*. У представителей бизнеса – как *«уверенное, материально благополучное будущее»*.

Нами сформулированы общие закономерности социально-стратификационной трансформации общества на основе экономических притязаний разных социально-экономических групп на примере государственных служащих и представителей бизнеса.

Притязания как психологическое явление у разных социально-экономических групп реализуются не одинаково. Экономические притязания как социально-психологическая категория формируются на основе внутренних и внешних воздействий. Внутренние раскрываются в результате социализации, развития личных амбиций и мотивации к сфере трудовой деятельности. Внешние находят развитие в результате профессиональной стратификации, реального дохода и возраста респондентов. Экономические притязания обусловлены обозначенными выше факторами.

Литература

1. Полюшкевич, О.А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе: монография / О.А. Полюшкевич. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 190 с.

Амонова Ольга Вячеславовна (Россия, Иркутск) – аспирант, кафедра социологии и социальной работы, Байкальский государственный университет (г. Иркутск, ул. Ленина, 11, Amonova@mail.com)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрено влияние социально-экономического неравенства на экономическое поведение многодетных семей. Представлены результаты социологического исследования по данной проблеме. Выделены наиболее распространенные модели экономического поведения многодетных семей.

Ключевые слова: экономическое поведение, многодетные семьи, социально-экономическое неравенство, доходы, рынок труда.

Исследования факторов социального неравенства, процессов имущественного расслоения, моделей поведения человека и социальных групп имеют глубокие исторические корни и получили дальнейшее содержательное наполнение в 50–80-х годах XX в. в трудах М. Арчер, П. Бергера, Р. Коллинза и других ученых. Наиболее полно и основательно данные проблемы были разработаны в рамках классового и стратификационного подходов. Марксу принадлежит заслуга обоснования классовой структуры общества через анализ системы экономических отношений, а также механизма классовых отношений в рамках частной собственности. По Веберу, кроме экономического фактора стратификации, существуют такие аспекты, как власть и престиж. Он подчеркивает, что общество разделено не только на классы, которых Вебер выделяет пять, но и на партии и страты. А П. Сорокин создал многомерную стратификацию, обозначив три основных фактора: профессиональный, экономический и политический. В последние два-три десятилетия сформировалось и активно

развивается новое научное направление стратификационных исследований, связанное с измерением активов (ресурсов) индивида в контексте глубины социальных неравенств, устойчивости стратификационных систем, степени кристаллизации статусов. Российские ученые уделяют значительное внимание таким проблемам, как: социальная стратификация, уровень и характер социального расслоения, бедность и неравенство, распространение неправовых практик; реконструкция социально-нормативных представлений о труде в постсоветском обществе, требований к работнику при высоких затратах труда и низком материальном вознаграждении.

Экономическое поведение людей является весомым социально-экономическим условием их жизнедеятельности. В условиях переходной экономики и экономических кризисов меняется их представление о том, какое экономическое поведение лучше. Указанные установки во многом противоречат особенностям исторически сложившегося менталитета и типу экономического мышления, что порой вызывает деформации, деструктивное экономическое поведение людей, приводит к непредсказуемости процесса выбора. Одна из категорий населения, испытывающих определенные проблемы при выборе и следовании определенным моделям экономического поведения, – многодетные семьи.

«...Многодетная семья – семья, в которой родились и (или) воспитываются трое и более детей (в том числе усыновленные, а также пасынки и падчерицы) до достижения младшим из них возраста 16 лет, а обучающимся в образовательном учреждении, реализующем общеобразовательные программы, – 18 лет. В составе многодетной семьи не учитываются дети, находящиеся на полном государственном обеспечении, и дети, в отношении которых родители лишены родительских прав или ограничены в родительских правах...». Данное определение многодетной семьи встречается в Законе г. Москвы от 23.11.2005 № 60.

Многодетные семьи обеспечивают высокий темп воспроизводства и роста населения. В многодетных семьях создаются благоприятные условия

воспитания, поскольку дети растут в большом коллективе, как правило, с раннего возраста приучаются выполнять определённые обязанности и помогать друг другу. В таких семьях складывается высоконравственная атмосфера любви и заботы друг о друге. Однако в экономическом плане именно многодетные семьи оказываются в наиболее сложном положении, поскольку мать, как правило, не работает, а один отец не имеет возможности обеспечить семье нормальные условия существования. Подавляющее число многодетных семей живёт за чертой бедности.

Всего в России в 2010 году насчитывалось около 52 млн. семей. При этом численность многодетных семей составила немногим менее 1,5 млн., что составляет примерно 2,8% от общего числа семей в России [7].

Именно этот мизерный процент семей обеспечивает материальное будущее всей страны, так как расширенное воспроизводство начинается с трех, а не с двух детей. Однако, несмотря на важность увеличения численности многодетных семей в России, зачастую данные семьи находятся в заведомо худшем положении по сравнению с другими семьями.

Они дают стране будущую рабочую силу, хотя живут в худших, по сравнению с другими, культурно-бытовых условиях. Ограничивая свое потребление и недополучая сегодня, они создают благополучное будущее другим. Малодетные семьи живут лучше и все берут от жизни сегодня, может быть, за счет многодетных. Выращивая детей, семья инвестирует будущее национальной экономики. Чем больше детей, тем больше их вклад [2; 4].

Семьи с детьми и дети в возрасте до 16 лет по сравнению с другими социально-демографическими группами отличаются максимальным риском бедности, который, по последним данным, в 1,6 раза выше среднероссийского уровня. При этом риск бедности увеличивается с ростом числа детей в домохозяйстве [5; 80]. Следовательно, многие многодетные семьи имеют высокий риск бедности. Наблюдаемые денежные доходы многодетных семей, включающие заработную плату, предпринимательский

доход, пенсии, стипендии, все виды пособий, денежные поступления из личного подсобного хозяйства и денежную помощь родственников, в совокупности невелики, а в расчете на каждого члена семьи часто не достигают величины прожиточного минимума.

Выступая на конференции «Деятельность Русской Православной Церкви в деле возрождения института семьи», которая состоялась в рамках XX Рождественских чтений, бывший советник Президента РФ по социальным вопросам Евгений Юрьев отметил, что в наше время создание многодетной семьи есть некий процесс попадания в состояние бедности [3].

В настоящее время в России по-прежнему высоким остается гендерное неравенство в заработной плате, в 70% регионов оно за пять лет даже усилилось [1; 53]. Отдельной проблемой является положение на рынке труда женщин с малолетними детьми. Женщины, которые работали до рождения ребенка, сталкиваются с трудностями, возвращаясь на рынок труда. Не самое последнее место среди проблем занимает дискриминация при найме и в оплате труда. При одинаковом уровне квалификации работников работодатели отдают предпочтение мужчинам или не имеющим детей женщинам...[6; с. 97]. Что же касается многодетных матерей, то их положение на рынке труда еще менее привлекательное. Очевидно, что женщины, родившие троих или более детей и просидевшие с ними в отпуске даже минимальный период времени, теряют свои навыки и квалификацию. При этом часто единственной возможной работой на рынке труда для женщин с детьми является позиция с более низкой квалификацией или низкой оплатой труда.

Для более полного понимания, насколько непреодолимы для многодетных матерей барьеры на рынке труда, в Иркутской области автором статьи было проведено социологическое исследование методом включенного наблюдения («тайный клиент»). Автор представился матерью четверых детей с высшим образованием и стажем работы более 10 лет, обращающейся в

поисках работы в несколько учреждений и организаций. Включенное наблюдение показало, что все работодатели не были готовы принять на работу многодетную мать на полный рабочий день, несмотря на имеющиеся образование и стаж. При рассмотрении первой части резюме потенциального работника руководители одобрительно кивали и уточняли некоторые подробности. Однако начав читать о семейном положении, которое указывается, как правило, в последней части резюме, сначала высказывали удивление, после этого смущались и говорили о том, насколько будет сложно на рассматриваемом рабочем месте, что лучше поискать работу с более гибким графиком, меньшей напряженностью и т. д. Большинство работодателей заканчивали собеседование фразой: «Если что, мы Вам перезвоним», хотя этого ни разу не произошло. Только один работодатель предложил низкоквалифицированную должность с неполным рабочим днем, предупредив, что семейные проблемы не должны мешать деятельности работника.

Исходя из полученных результатов, необходимо признать, что, согласно утверждению Л.Н. Овчаровой, вес образования, который предположительно должен оказывать сильное влияние на дифференциацию доходов населения, по-прежнему остается на низком уровне [4; с. 43].

Для более глубокого понимания влияния социально-экономического неравенства непосредственно на экономическое поведение многодетных родителей в Иркутской области было проведено экспертное интервью с многодетными матерями, сталкивавшимися с проблемой поиска работы.

«Когда, наконец, мой младший пошел в детский сад, не так как начинают: неделю ходят, потом две болеют, а проходил уже три месяца без пропусков, я решила найти работу. Конечно, я искала работу с небольшой занятостью и недалеко от дома, но согласна была и на небольшую зарплату, главное, чтобы работа была нормальная, все-таки я вуз закончила... Ну и что, два месяца проискала, теперь по вечерам уборщицей подрабатываю, а что делать, у всех сразу причины находятся —

то опыта нет, то возраст не подходит, то командировки у них есть... Муж работает за двоих, все равно экономим на многом и в долги влезаем» (Любовь, мать троих детей, высшее образование, Иркутск).

«Я работала в детском саду няней, когда у меня было трое, недолго, пока все в садик ходили... А сейчас, знаете, и не пытаюсь устроиться, тут с тремя-то, да даже с двумя вон не берут. У меня муж умер три года назад, теперь пенсию на детей получаю. Второй муж работает, нам хватает, если не сильно тратиться. Сейчас еще ребенок маленький, пособие получаю. Если потом пойду работать, то, может, объявления клеить или что-то такое же» (Алена, мать шестерых детей, среднее образование, Иркутск).

«Я работала секретарем в образовательном учреждении. Зарплата была как у всех таких секретарей. Да, неурядицы были из-за больничных частых. Я еще в университете восстановилась. Когда сессия началась, пришлось уволиться, прессовали уже слишком. После этого не могла устроиться, хотя дети уже все школьники. Сейчас подрабатываю репетиторством, родители немного помогают. Думаю, если дальше пойдет удачно, то можно будет нормально зарабатывать» (Полина, мать троих детей, высшее образование, Иркутск).

Данные высказывания подтверждают, что многодетные матери, пытаясь найти работу, сталкиваются порой с непреодолимыми трудностями. Испробовав все возможности найти подходящий вариант на рынке труда, многие многодетные матери в итоге соглашаются на низкооплачиваемые неквалифицированные должности и не видят перспективы повысить свой профессиональный статус. Некоторым многодетным матерям удается найти себя в предпринимательстве, но, как правило, это происходит в том случае, если у женщины есть образование, опыт работы, иногда большую важность имеет финансовая поддержка родственников.

В многодетных семьях значительно меньше прирост сбережений, но ниже и доля денежных расходов, зато заметно выше удельный вес натуральных поступлений и льгот [8; с.40]. Для некоторых многодетных

семей стратегия самообеспечения в значительной степени связана с личным подсобным хозяйством. Это наиболее актуально для семей, проживающих в сельской местности, что подтверждают результаты экспертного интервью.

«Да, участок небольшой у нас есть возле дома. Мы картошку, морковку садим, огурцы, но это так только, даже для себя до следующего урожая не хватает, участок маленький» (Любовь, мать троих детей, высшее образование, Иркутск).

«Нам хозяйство очень помогает, у нас огород, теплица, парники, куры, поросята, корова. Поэтому я и не думаю на работу пока выходить – маленький ребенок, еще по хозяйству надо успеть... Муж работает» (Лидия, мать троих детей, среднее образование, Култук).

«Конечно, хозяйство есть, картошку садим, другое по мелочи, кур держим, сейчас хотим еще одного поросенка завести на продажу. Конечно, это немного, но без него бы тяжелее было, а так всегда знаешь, что без ничего не останешься» (Светлана, мать троих детей, среднее образование, Култук).

Еще один заметный источник доходов многодетных семей – денежные пособия. Несмотря на то, что многодетные родители считают данный источник дохода крайне недостаточным, тем не менее, они признают, что он тоже играет определенную роль.

«Да что там эти пособия – копейки. Еще теперь надо каждый год продлять... Ну, все равно продляю, хоть что-то от государства получить, если по закону положено. До полутора лет я получала около шести тысяч рублей. Сейчас до трех лет платят многодетным, но я в эту программу не попала» (Любовь, мать троих детей, высшее образование, Иркутск).

«По многодетности пособие маленькое, даже один раз в магазин не сходишь на него. До полутора лет сейчас получаю, скоро буду до трех лет получать, говорят, там даже немножко больше, чем до полутора. Хорошо, что такое придумали, невозможно же ребенка в детсад отдать в 1,5 года» (Светлана, мать троих детей, среднее образование, Култук).

Денежная помощь от родственников многодетных семей невелика либо вообще отсутствует. Респонденты отмечают, что их знакомым малодетным семьям родственники помогают порой больше, чем это происходит в многодетных семьях.

Четверо респондентов из пяти оказались единодушными в том, что рождение очередного ребенка усиливает социально-экономическое неравенство между многодетной семьей и другими семьями. Другое мнение высказала мать шестерых детей, которая считает, что рождение очередного ребенка не влияет на неравенство. Возможно, это объясняется тем, что данная опрашиваемая, имея шестерых детей, воспринимает свой семейный статус несколько иначе, нежели семьи с тремя детьми, она «вжилась» в этот статус, и рождение очередного ребенка ее не пугает. Также, возможно, это связано с тем, что значимую часть доходов ее семьи составляет гарантированная государством пенсия по потере кормильца, а также стабильная заработная плата мужа.

Таким образом, на основании результатов проведенного социологического исследования можно сделать следующие выводы.

Социально-экономическое неравенство между многодетными родителями и малодетными или бездетными гражданами достаточно велико. Наиболее ярко оно проявляется при попытках устроиться и при устройстве на работу многодетных матерей. Как правило, многодетным женщинам отказывают в рабочем месте, предпочитая мужчин, бездетных или малодетных женщин. Если же работодатель решается предоставить работу многодетной женщине, то предлагает низкоквалифицированные, низкооплачиваемые должности, несмотря на имеющийся у многодетной женщины уровень образования и стаж работы по специальности.

Рождение очередного ребенка в многодетной семье, как правило, увеличивает социально-экономическое неравенство между многодетной семьей и другими семьями. Это происходит вследствие увеличения

иждивенческой нагрузки на трудоспособных членов семьи, очередным выпадением женщины из рынка труда, в период которого женщина утрачивает навыки, опыт и квалификацию.

Социально-экономическое неравенство оказывает значимое влияние на выбор модели экономического поведения многодетных родителей. На рынке труда обычно остается отец семейства, который по мере возможностей старается обеспечить потребности семьи. Многодетные женщины либо работают по гибкому графику на низкоквалифицированных должностях с низкой оплатой труда, либо занимаются подсобным хозяйством, которое в сельской местности может оказать существенную помощь семье.

Пособия и пенсии играют определенную, порой значимую, роль в формировании бюджета многодетной семьи. Совершенно неожиданным результатом оказалось то, что многодетные семьи получают от родственников помощь ненамного большую, чем другие семьи, имеющие значительно меньшую иждивенческую нагрузку в расчете на трудоспособных членов семьи.

Экономическая активность части многодетных родителей низкая, но среди них есть, хотя и в меньшинстве, те, кто достаточно успешно занимается предпринимательством, например репетиторством или личным подсобным хозяйством с поставкой излишков продукции на рынок.

Таким образом, необходимы поддержка многодетных женщин при поисках работы после выхода из отпуска по уходу за ребенком, содействие самозанятости многодетных семей, программы по сглаживанию социально-экономического неравенства между многодетными и другими семьями.

Литература

1. Бобылев, С.Н. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. / С.Н. Бобылев. – М., 2010. – 154 с.

2. Госпорьян, А.С. Тенденции развития семьи в России / А.С. Госпорьян, М.А. Новикова // Социальное обеспечение. – 2005. – № 24. – С. 4-7.

3. Грудина, Т.Н. Социологический портрет многодетной семьи в России [Электронный ресурс] / Т.Н. Грудина // Семья и социально-демографические исследования. – Апрель 2014 г., Demographia.net (Российский институт стратегических исследований). – Режим доступа: <http://demographia.net/journal/2014-04/grudina>

4. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад / рук. авт. колл. Л.Н. Овчарова А.Я. Бурдяк, А.И. Пишняк [и др.]. – Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2014. – 108 с.

5. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.

6. Карабчук, Т.С. Оплата труда матерей в России: существует ли дискриминация? / Т.С. Карабчук, В.Л. Панкратова // Экономическая социология. – 2013. – Т. 14, № 1. – С. 96-110.

7. Семейная статистика – в России почти 1,5 млн многодетных семей. Русская линия. Православное информационное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=42911>

8. Федорова, Л.Н. Распределение денежных доходов домохозяйств в РФ / Л.Н. Федорова // Проблемы учета и финансов. – 2011. – № 2. – С. 35-43.

Научное издание

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ**

Материалы научно-практической интернет-конференции,
г. Вологда, 14–18 марта 2016 г.

Редакторская подготовка	И.А. Кукушкина
Оригинал-макет	Т.В. Попова

Подписано в печать 08.06.2016.
Формат 70×108/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,2. Тираж 500 экз. Заказ № 173.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития
территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН
Тел. 59-78-10, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-334-7

